

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2024 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «История»:

И.К. Богомолов – главный редактор, канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *Т.Б. Уварова* – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГТУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *Р. Алонци* – PhD, (профессор РУДН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *А.В. Апанасенок* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *В.Н. Бабенко* – д-р ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *А.В. Белов* – д-р ист. наук (ИРИ РАН); *Д.М. Бондаренко* – чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.Г. Володин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *Ф.А. Гайда* – д-р ист. наук (доцент МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук, доцент (ИНИОН РАН); *А.В. Кузнецов* – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (директор ИНИОН РАН); *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ведущий редактор (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» («Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History»). Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в перечень ВАК по специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки).

DOI: 10.31249/rhst/2024.04.00
ISSN 2219–875X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Лавринович Д.С. Депутаты от Гродненской губернии в III Государственной думе: выборы, социальные и политические характеристики, деятельность	7
Котюкова Т.В. Туркестанский комитет Временного правительства: последний аккорд Империи или первый аккорд советской власти	22
Рогатых А.Д. «Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер...» К.Е. Ворошилов как представитель Ставки ВГК	41

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Богданова А.А. «Life-as-journey»: ирландские морские нарративы в достижениях современных irish studies	63
Казлитин М.Д. Тайные организации Гоминьдана в публикациях китайских исследователей (2011–2021)	73
<i>Реф. ст.:</i> Социальный контроль повседневной жизни и политическое формирование идентичности черногорцев /Слипчевич Д., Домбровская-Прокоповская Е., Вейнович Д.	84

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Красникова Ю.Н. Департамент уделов в структуре государственных учреждений Российской империи первой половины XIX в. (степень изученности темы)	90
Ананьев Д.А. Проблемы социально-экономического развития Сибири в позднеимперский период в освещении англо- и немецкоязычной историографии	110

Большакова О.В. Феномен советского спецхрана: некоторые соображения о научных перспективах изучения темы на примере ИНИОН РАН	124
Дунаева Ю.В. Профессор В.И. Герье в современной отечественной историографии	141

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Белоусов Л.С., Ватлин А.Ю. Старые подходы и новые документы: деятельность советского полпредства в Германии весной 1918 г.	162
Емельянова Е.Н. Отношения Коминтерна и Гоминьдана в период Китайской революции 1925–1927 гг. (Часть 2)	173

РЕЦЕНЗИИ

Эман И.Е. Когда Италия не была разделена надвое. <i>Рец. на кн.:</i> Фильюоло Б. К истокам образования национального рынка. Экономические структуры и торговое пространство в средневековой Италии	189
Михель Д.В. Англо-бурская война: новые темы для разговора. <i>Рец. на кн.:</i> Англо-бурская война 1899–1902 годов: опыт и перспективы исследования. Коллективная монография	198
Ланник Л.В. <i>Рец. на кн.:</i> Аффлербах Х. На острие ножа: как Германский рейх проиграл Первую мировую войну	207
Минц М.М. <i>Рец. на кн.:</i> Бернштейн С. Возвращение на родину: перемещенные советские граждане во Второй мировой войне и в холодной войне	216
Уварова Т.Б. Как жить ради вечного спасения. <i>Рец. на кн.:</i> Роджерс Д. Старая вера и Русская земля: Исследование истории этики на Урале	223

Жизнь науки

Всероссийская научно-практическая конференция «История государства через (сквозь) историю провинции: проблемы и перспективы развития». Курск, 4–5 апреля 2024 г.	231
---	-----

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

Lavrinovich D.S. Deputies from Grodno governorate in the Third State дума: elections, social and political characteristics, activity.....	7
Kotyukova T.V. Turkestan Committee of the Provisional Government: the last chord of the Empire or the first chord of Soviet power	22
Rogatykh A.D. «After all, Voroshilov is with us, the first red officer...» K.E. Voroshilov as a representative of the Stavka of the High command	41

GENERAL HISTORY

Bogdanova A.A. «Life-as-journey»: Irish maritime narratives in the light of the recent contributions to the Irish Studies	63
Kazlitin M.D. Secret organizations of the Kuomintang in publications of Chinese researchers (2011–2021)	73
<i>Ref. ad op.</i> : Social control of everyday life and political construction of (montenegrin) identity / Slijepcevic D., Dąbrowska-Prokopowska E., Vejnović D.	84

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, HISTORICAL RESEARCH METHODS

Krasnikova Yu.N. The Appanage Department in the state institution structures of the Russian Empire in the first part of 19 th century (the degree of the studied topic)	90
Anan'ev D.A. Problems of socioeconomic development of Siberia during the late imperial period in the works of English- and German- language historians	110

Bolshakova O.V. The phenomenon of the Soviet <i>Spetskhran</i> : reflections on research prospects of studying the case of INION RAS	124
Dunaeva J.V. Professor V.I. Guerrier in contemporary russian historiography.	141

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Belousov L.S., Vatlin A.Y. Old Approaches and New Documents: Soviet Mission in Germany in Spring 1918	162
Emelyanova E.N. Relations between the Comintern and the Kuomintang during the Chinese Revolution of 1925–1927 (Part 2)	173

REVIEWS

Eman I.E. When Italy was not divided in two. <i>Rev. ad op.</i> : Fil- iuolo B. Towards the origins of the formation of a national mar- ket. Economic Structures and Trade Space in medieval Italy	189
Michel D.V. The Anglo-Boer War: New Topics for Conversation. <i>Rev. ad op.</i> : The Anglo-Boer War of 1899–1902: Experience and Perspectives research. Collective monograph	198
Lannik L.V. <i>Rev. ad op.</i> : Afflerbach H. On a Knife Edge. How Germany lost the First World War	207
Mintz M.M. <i>Rev. ad op.</i> : Bernstein S. Return to the motherland: displaced Soviets in WWII and the Cold War	216
Uvarova T.B. How to live for the sake of eternal salvation. <i>Rev. ad op.</i> : Rogers D. The Old Faith and the Russian Land: A Study of the History of Ethics in the Urals.....	223

THE LIFE OF SCIENCE

All-Russian scientific and practical conference ‘history of the state through (through) the history of the province: problems and problems of the province History of the state through (through) the history of the province: problems and prospects of devel- opment’. Prospects of development’ Kursk, 4–5 April 2024	231
--	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 329.12(=161.1)(476)«1907/1912» DOI: 10.31249/hist/2024.04.01

ЛАВРИНОВИЧ Д.С.* ДЕПУТАТЫ ОТ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ: ВЫБОРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье раскрываются особенности избирательной кампании в III Государственную думу в Гродненской губернии, где выдвижение кандидатов в выборщики происходило с учетом как политических и социальных, так и национальных факторов. Благодаря активной роли православного духовенства и действиям местных властей победу одержали кандидаты, поддерживавшие правительство. Раскрыты социальные и политические характеристики депутатов. Большинство из них представляли среднее крестьянство и православное духовенство. Почти все депутаты придерживалось правых взглядов и вошли во фракцию умеренно-правых, затем – в русскую национальную фракцию. В Думе представители Гродненской губернии работали в многочисленных комиссиях, активно участвовали в законотворческой работе, особенно когда обсуждались вопросы, связанные с проведением земельной реформы, упразднением чиншевого владения и чиншевого права, подготовкой к введению всеобщего начального обучения и другие.

Ключевые слова: III Государственная дума; избирательная кампания в III Государственную думу; социальный статус депута-

---

* © Лавринович Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова; lavrip-dmitrij@yandex.ru

тов; Гродненская губерния; политические партии Российской империи; земельная реформа.

LAVRINOVICH D.S. Deputies from Grodno governorate in the Third State дума: elections, social and political characteristics, activity

Abstract. The article deals with the peculiarities of the election to the Third State Дума in Grodno governorate, where the nomination of candidates for electors took into account political and social, as well as national factors. Due to the active role of the Orthodox clergy and the actions of local authorities, candidates who supported the government won. The social and political characteristics of the deputies are revealed. Most of them represented the middle-income peasantry and Orthodox clergy. Almost all deputies were right-wing and joined the moderate-right faction, then the Russian national faction. In the Дума, representatives of the Grodno governorate served on numerous commissions and took an active part in law-making, especially when the issues related to the land reform, the abolition of land owners' property and land owners' law, preparation for the introduction of universal primary education and others were discussed.

Keywords: III State Дума; election campaign to the III State Дума; social status of deputies; Grodno province; political parties of the Russian Empire; land reform.

Для цитирования: Лавринович Д.С. Депутаты от Гродненской губернии в III Государственной думе: выборы, социальные и политические характеристики, деятельность (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 7–21. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.01

Введение

Учреждение Государственной думы было ключевым моментом в процессе реформирования системы государственного управления Российской империи. Открывшаяся для многих групп населения возможность участия в законотворческой работе способствовала оживлению динамики общественно-политической жизни, в том числе и на окраинах. После роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. Николай II изменил правила выборов, было уменьшено количество выборщиков от рабочих и крестьян и увеличива-

лось от помещиков и крупной буржуазии. На территории Европейской России выборщики распределялись по куриям следующим образом: крестьяне получили 22,4% мест вместо прежних 43,0, землевладельцы – 51,3 вместо 34,0, горожане – 24,2 вместо 23,0%, рабочие – 2,3 вместо 3,4%. Но, учитывая национальный и конфессиональный состав населения, в том числе традиционную оппозиционность польского дворянства по отношению к имперскому центру, по новому законодательству в Гродненской губернии помещики выбирали 41,1% выборщиков на губернское избирательное собрание. По распоряжению МВД съезды землевладельцев в Гродненской губернии были разделены на два отдела по национальной принадлежности: к первому отделу были отнесены все неполяки (русские, православные белорусы, немцы, татары и другие), ко второму – поляки, к которым причислялись и белорусы-католики. На два отдела («русских» и «нерусских») были поделены выборщики от первого съезда городских избирателей в Гродненском и Белостокском уездах, а также выборщики от второго съезда городских избирателей в Гродненском уезде [5, с. 121, 122].

Особенностью Гродненской губернии было то, что выдвижение кандидатов в выборщики происходило с учетом как политических и социальных, так и национальных факторов. На поддержку православного населения губернии (белорусских крестьян, священнослужителей, русских помещиков, чиновников и других) рассчитывали общероссийские правые и либеральные партии.

Основная часть

Самой значимой правой партией в России был Союз русского народа во главе с А.И. Дубровиным (СРН). Но к началу избирательной кампании в III Государственную думу его отделы в Гродненской губернии действовали только в с. Красносток Сокольского уезда и посаде Старосельцы Белостокского уезда. В последнем он был довольно большим, в нем числилось 464 человека [3, с. 115, 188]. Крупнейшей правой организацией в Гродно было православное Софийское братство [3, с. 115]. Более разветвленной структура СРН на территории Гродненской губернии стала позднее, уже во время работы III Думы. В Гродно был открыт губернский отдел СРН. Кроме него существовали отделы в Белостоке, а также в

сельской местности в местечках Городок, Лапск, Хорошанск и д. Духовщина [3, с. 185–189]. Ко времени выборов в IV Государственную думу единый Союз русского народа раскололся на СРН-обновленческий и Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН). Еще ранее В.М. Пуришкевич со своими сторонниками создали Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА). В период работы IV Думы отделы СРН-обновленческого существовали в местечках Дывин, Лапск и Хорошанск, а ВДСРН – в Гродно и Белостоке [3, с. 185–189]. Небольшие отделы СМА работали в Брест-Литовске и Жировичах. В первом числилось 114 человек, во втором – 99 [3, с. 186, 187].

По мере усиления позиций правых на территории Гродненской губернии сокращается деятельность «Союза 17 октября». Есть информация о существовании групп октябристов в Гродно, Бельске и Слониме, но политической активности они почти не проявляли¹ [10, с. 2, 5].

Позиции либеральных сил в Гродненской губернии были слабыми. К моменту выборов III Думы отделы Конституционно-демократической партии прекратили свою деятельность. Активнее были левые либералы в западной части губернии. Редакция газеты «Голос Белостока» поддерживала связи с председателем думской фракции КДП П.Н. Милюковым, который приезжал в Белосток читать лекции².

Центристское направление, представленное в России партиями, располагавшимися в политическом спектре между кадетами и октябристами (Партия мирного обновления, Партия прогрессистов и другие), в западных губерниях также было представлено слабо, и, по сути, не имело своей инфраструктуры (сети отделов, общественных организаций, разделявших их политические платформы).

За голоса выборщиков-католиков боролись, главным образом, польские «краевцы». Предвыборный комитет землевладельцев Гродненской губернии, по сути, стал штабом польских помещиков. Вице-губернатор А.А. Ознобишин объяснял это значительным численным преобладанием польских аграриев над русскими: «На-

---

¹ ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 53. Л. 418.

² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4011. Л. 1, 1 об.

*Депутаты от Гродненской губернии в III Государственной думе:
выборы, социальные и политические характеристики, деятельность*

селение обширной Гродненской губернии на две трети приблизительно состояло из русских, православных крестьян, но крупное землевладение было сосредоточено в руках польских землевладельцев, так что на сто польских землевладельцев приходилось приблизительно тридцать русских» [7, с. 152]. В своей работе «краевцы» опирались на Гродненское общество сельского хозяйства, большинство членов которого были поляками [7, с. 163]. Целью «краевцев» было провести в Государственную думу как можно больше представителей польских землевладельцев, сохранить землю в руках польских помещиков и не допустить ее перераспределения в пользу белорусского крестьянства.

Среди еврейского населения городов и местечек наиболее популярны были сионистские организации.

Выборы в III Государственную думу проходили в сентябре – октябре 1907 г. Несмотря на изменение избирательного закона, большинство выборщиков по землевладельческой курии представляли интересы польских помещиков, кандидаты правых могли рассчитывать только на 23,5% голосов. По городской курии перевес был у «прогрессистов» и евреев. При таком раскладе победа правых была возможна только при помощи голосов выборщиков-крестьян. Из 38 крестьянских выборщиков 36 были православными и 2 католиками. Только 12 крестьян относили себя к правым, большинство же никак не обозначало своей политической позиции [5, с. 143, 251].

Софийское православное братство накануне проведения губернского избирательного собрания начало вести активную агитацию среди крестьян, которых для этого губернские власти специально доставляли в Гродненский народный дом. Но из 38 крестьянских выборщиков только 18 согласились заключить блок с русскими выборщиками от съездов землевладельцев. Популярному среди крестьян лесничему В.А. Бичу удалось склонить большинство из них к союзу с «прогрессистами». Тогда Софийское братство предложило Бичу сделку: в обмен на поддержку его кандидатуры на выборах он должен был убедить своих сторонников заключить блок с правыми землевладельцами и крестьянами. После согласия Бича сформировался предвыборный союз правых, «прогрессистов» и «беспартийных», который располагал большинством голосов на губернском избирательном собрании [5, с. 143]. В блок во-

шло 15 правых помещиков, 18 правых крестьян, два правых представителя от первого съезда городских выборщиков, 20 выборщиков-крестьян, ориентировавшихся на Бича [5, с. 144]. В итоге, располагая 55 голосами, союзники добились избрания шести своих кандидатов в Государственную думу из семи [там же].

Польским землевладельцам, поддержанным еврейскими городскими выборщиками и крестьянами-католиками (всего 38 голосов), для того, чтобы провести в депутаты хотя бы одного своего кандидата, пришлось пойти на соглашение с русскими помещиками [12, s. 256].

Таким образом, благодаря избирательному закону от 3 июня 1907 г. и действиям местного православного духовенства, которого поддерживала губернская администрации, в Думу прошли в основном представители умеренных и правых политических сил.

Депутатами стали Василий Акимович Бич, Игнатий Викентьевич Войцюлик, Влас Львович Гаврилюк, Владислав Казимирович Есьман, Владимир Михайлович Кузьминский, Павел Сильверстович Соловей, Василий Константинович Тычинин. После смерти в 1909 г. П.С. Соловья на его место был избран Борис Семенович Янушкевич. Депутаты отличались социальным статусом, имущественным положением, уровнем образования, жизненным опытом, придерживались разных политических взглядов.

Единственным представителем поместного дворянства в Государственной думе от Гродненской губернии был В.К. Есьман (1860–1938), представлявший интересы польских землевладельцев. Он владел имением Бердовичи (380 десятин) в Слонимском уезде. Обучался в Киевском и Санкт-Петербургском университетах по естественнонаучному профилю, затем около десяти лет провел на государственной службе, работая податным инспектором сначала в Тетюшском уезде Казанской губернии, затем – в Либаве. После выхода в отставку занимался сельским хозяйством на родине, принял активное участие в открытии и деятельности Слонимского сельскохозяйственного потребительского общества [4, с. 187; 1, таб. 34].

Представителем православного духовенства являлся В.М. Кузьминский (1865–1951). Он окончил Литовскую духовную семинарию, затем три года работал в ней надзирателем. В 1887 г. был рукоположен в священники. Служил в различных приходах

*Депутаты от Гродненской губернии в III Государственной думе:
выборы, социальные и политические характеристики, деятельность*

Гродненской губернии: в с. Масальяны и в с. Гудевичи Гродненского уезда, в Свято-Троицкой церкви в Слониме. Кузьминский был настоятелем слонимского Преображенского собора. Кроме того, он в разное время был уездным наблюдателем церковно-приходских школ, членом епархиального училищного совета, законоучителем начальных школ и реальных училищ. Его годовое жалование составляло 600 руб. [4, с. 309; 1, таб. 15].

В.К. Тычинин (1864 – не ранее 1920) также был выходцем из духовного сословия, но карьеру построил в сфере образования. Окончил Стародубское духовное училище и Черниговскую духовную семинарию. После выпуска из Киевской духовной академии был направлен преподавателем в Черниговское духовное училище, позже работал в Екатеринославской и Витебской духовных семинариях. С 1898 по 1907 г. Тычинин служил инспектором народных училищ Гродненской губернии, получил чин статского советника, был членом Гродненского епархиального училищного совета и волковысского православного Петро-Павловского братства [4, с. 632; 1, таб. 18].

Большинство депутатов в III Государственной думе от Гродненской губернии принадлежали к крестьянскому сословию. На фоне других выделялся В.А. Бич (1861 – после 1917). Он родился в богатой крестьянской семье в Брест-Литовском уезде. Его отец, разбогатец, продолжал держаться крестьянского образа жизни, отмежевываясь от местных помещиков-дворян. Это сделало его авторитетным человеком для местных крестьян. Своих детей он стремился воспитать так же, привлекая их, несмотря на недостаток, к сельскохозяйственному труду. Благодаря отцу Бич получил хорошее образование и сделал карьеру. После обучения в Динабургском реальном училище он учился в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства, затем в Горном институте в Санкт-Петербурге. В 1892 г. окончил Санкт-Петербургский лесной институт и был принят на службу в лесное ведомство в Гродненской губернии, в котором проработал вплоть до избрания депутатом Государственной думы. Имел чин надворного советника. Как и отец, Бич занимался и сельским хозяйством в своем имении Закрутин, владея 543 десятинами земли. Как показали выборы, он также пользовался значительным авторитетом в крестьянской среде [4, с. 54; 1, таб. 37].

И.В. Войцюлик (1862 – после 1917) принадлежал к средним слоям крестьянства. Он жил в с. Гребени Сокольского уезда, занимался сельским хозяйством, имея 15,5 десятин земли. Получил начальное образование; окончив народное училище, выполнял обязанности председателя волостного суда [4, с. 96; 1, таб. 12].

В.Л. Гаврилюк (1867 – после 1912) был крестьянином д. Щитники Лыщицкой волости Брест-Литовского уезда. Он имел только домашнее образование; во время службы в армии стал фельдшером. Частная медицинская практика приносила ему доходы и после воинской службы, так как он владел всего лишь пятью десятинами земли. Помимо этого Гаврилюк выполнял и общественные обязанности сборщика податей и волостного судьи [4, с. 118; 1, таб. 12].

П.С. Соловей (1862–1909) являлся крестьянином д. Осовцы Селецкой волости Пружанского уезда, в его распоряжении было всего четыре десятины наделной и пять десятин собственной земли. Будучи малоземельным, он после окончания народного училища связал свою жизнь со службой на Московско-Брестской железной дороге, работая конторщиком последние 12 лет до избрания депутатом [4, с. 569].

Б.С. Янушкевич (1872–1964) – крестьянин д. Раневичи Свислочской волости Волковысского уезда. Он окончил начальное училище при Свислочской учительской семинарии и был призван в армию. Служил в лейб-гвардии Литовском полку, получил унтер-офицерский чин ротного каптенармуса, в 1896 г. был направлен в Москву на коронацию Николая II. После воинской службы вернулся на родину, содержал почтовую станцию при Свислочском волостном правлении, владел девятью десятинами земли [4, с. 724; 1, таб. 18].

Депутаты принадлежали примерно к одной возрастной группе от 40 до 50 лет. Самым молодым был Янушкевич, которому на момент избрания было 37 лет. Большинство депутатов были православными, только Есьман являлся католиком.

Свою работу III Государственная дума начала 1 ноября 1907 г. Посланцы Гродненской губернии вошли в разные думские комиссии. Так, Тычинин был членом девяти комиссий: бюджетной (докладчик), для разбора корреспонденции, об исполнении государственной росписи доходов и расходов, по народному образованию

*Депутаты от Гродненской губернии в III Государственной думе:
выборы, социальные и политические характеристики, деятельность*

(докладчик), о гимназиях и подготовительных училищах, по вероисповедным вопросам (докладчик), по Наказу, по рабочему вопросу (докладчик), о мерах борьбы с пожарами [4, с. 632, 633]. Бич работал в восьми комиссиях: сельскохозяйственной (докладчик), бюджетной (докладчик), о неприкосновенности личности, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, об упразднении чиншевого права, по направлению законодательных предположений, по упразднению сервитутов, по разбору корреспонденции. В комиссии по упразднению сервитутов в период IV сессии он был секретарем [4, с. 54]. Янушкевич состоял в шести комиссиях: по рабочему вопросу, по местному самоуправлению, по судебным реформам, о мерах по борьбе с пожарами, по упразднению сервитутов, по направлению законодательных предложений [4, с. 724]. Есьман был членом пяти комиссий: продовольственной, земельной, по вероисповедным вопросам, по исполнению государственной росписи доходов и расходов (был докладчиком), по упразднению сервитутов [4, с. 187, 188]. Кузьминский входил в две комиссии – земельную и по разбору корреспонденции [4, с. 309]. Членом комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов был Войцюлик, а комиссии о путях сообщения – Соловей [4, с. 97, 569].

Политические воззрения большинства депутатов были консервативными, крестьяне и представители православного духовенства были убежденными сторонниками правительства. Во фракцию умеренно-правых вошли Войцюлик, Кузьминский, Гаврилюк, Соловей, Тычинин. Позже все они перешли в русскую национальную фракцию. К этой же фракции после смерти Соловья примкнул Янушкевич. Бич не изменил своим либеральным взглядам и стал членом фракции прогрессистов. Есьман, как и другие польские депутаты от белорусских губерний, вошел в группу Западных окраин (польско-литовско-белорусскую группу), став ее секретарем [4, с. 187].

Депутаты активно участвовали в законотворческой работе Думы, особенно когда обсуждались вопросы, связанные с землей, национальной политикой, народным образованием, или проблемы, затрагивавшие население Гродненской губернии. Используя Государственную думу, они попытались улучшить положение простых людей. Особое внимание было обращено на чиншевой вопрос.

Чиншевики – вечные и потомственные арендаторы помещичьих, церковных и государственных земель, платившие владельцу земли условленную арендную плату – чинш. После отмены крепостного права с чиншевиками, как правило, были заключены краткосрочные письменные договоры об аренде земель, оставшихся у их прежних собственников. Подобные договоры позволяли последним регулярно поднимать арендную плату и закабалять чиншевиков как в сельской местности, так и местечках и городах, где многие дома и церкви были построены на частных землях. По инициативе белорусских депутатов 4 декабря 1907 г. в III Государственную думу был внесен законопроект «Об упразднении в Белоруссии последних остатков чиншевого владения и чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения». Среди 35 подписей под законопроектом стояли подписи Кузьминского и Соловья [6, с. 95]. Предполагалась полная отмена чиншевого права. Арендкуемые чиншевиками земли должны были выкупаться государством у владельцев и предоставляться в собственность арендаторам. Последние обязаны были в течение 30 лет возместить правительству затраченные на выкуп денежные средства. Законопроект более трех лет находился на рассмотрении думской Комиссии по упразднению чиншевого права. Только 4 июня 1911 г. он получил одобрение общего собрания депутатов, но из-за позиции Государственного совета, к сожалению, законом так и не стал [6, с. 96].

Депутаты от Гродненской губернии приняли активное участие в думских прениях. Наибольшее внимание вызвала столыпинская земельная реформа. Серия законопроектов по аграрному вопросу, предложенная П.А. Столыпиным, наибольший отклик получила со стороны думских октябристов и русских националистов. Тычинин поддержал правительственную идею по переселению части крестьянского населения на восточные окраины, заявив о целесообразности освоения земель в Западной Сибири, Средней Азии и Закавказье. Кроме того, он обратил внимание на необходимость окультуривания земель, занятых лесами, болотами, песками и т.п., и в европейской части страны, привлекая для этого как государственные, так и общественные, и частные ресурсы [5, с. 151]. Бич, выступая по вопросу внедрения и развития хуторов, заметил, что этому в западных губерниях, и в частности в родном ему

Брест-Литовском уезде, будет серьезно препятствовать крестьянское малоземелье, отсутствие у крестьян финансовых средств и недостаток сельскохозяйственных знаний. По его мнению, при решении земельных проблем прежде всего необходимо было учитывать местные особенности. Бич выступал за учреждение выборных земств «с достаточными полномочиями в хозяйственной и культурной отраслях», которые должны были получить мощную финансовую поддержку от государства [5, с. 152, 156]. Таким образом, посредством земств он хотел приобщить к решению земельных вопросов наиболее зажиточную и культурную часть белорусского крестьянства.

Войцюлик, Гаврилюк, Соловей подписали предложенные правыми фракциями в 1907–1908 гг. законопроекты «О запрещении продажи частновладельческих земель не иначе, как при посредстве земельных банков», «Об улучшении и увеличении крестьянского землевладения и землепользования» [4, с. 97, 118, 569]. Малоземельный крестьянин Гаврилюк также поставил подпись под законопроектом «О наделении безземельных и малоземельных крестьян землей», который внесли на рассмотрение Государственной думы в марте 1908 г. представители либеральных фракций и трудовики [4, с. 118; 6, с. 262, 263]. Переданные в думские комиссии законопроекты дальнейшего движения не получили [6, с. 29, 31, 32, 264].

Тычинин и Кузьминский были одними из инициаторов законопроекта 17 июня 1908 г., предусматривавшего увеличение пенсий учителям церковно-приходских училищ. Последние получали пенсии значительно меньшие, чем учителя народных училищ. За 25 лет учительской работы им полагалась пенсия всего лишь 90 руб. в год, что существенно влияло на их материальное положение и социальный статус, хотя законодательство относило церковно-приходские училища к тому же типу начальных школ, что и народные училища. Мизерная пенсия ставила бывших учителей на грань выживания. Законопроект был передан в комиссию по народному образованию в качестве материала к аналогичному законопроекту, внесенному Министерством народного просвещения. Выработанный комиссией законопроект был одобрен 18 декабря 1909 г. Государственной думой и утвержден Николаем II 15 января 1910 г. [6, с. 33, 34]. Кроме того, Тычинин, Кузьминский, Войцю-

лик и Гаврилюк были среди депутатов, внесших законодательное предложение засчитывать стаж преподавания в церковно-приходских училищах в стаж для назначения пенсий по другим видам служебной деятельности [6, с. 34].

Тычинин и Бич поддерживали законопроект «Об установлении права поступать в высшие учебные заведения для лиц, оканчивающих реальные училища, духовные семинарии, кадетские корпуса, коммерческие училища и другие средние учебные заведения», который должен был устранить несправедливый порядок, когда выпускники гимназий могли поступать во все высшие учебные заведения, а выпускники реальных училищ – только в высшие специальные (технические). Депутаты предлагали предоставить выпускникам реальных училищ право поступать в университеты, сдав разницу в учебных планах. 22 марта 1911 года законопроект был передан в комиссию по гимназиям и подготовительным училищам в качестве материала. 23 мая 1912 года Государственная дума одобрила законопроект. Однако дальнейшего движения он не получил [6, с. 175, 176].

При обсуждении сметы Министерства народного просвещения на 1909 г. Кузьминский, выступая от фракции русских националистов, поддержал увеличение расходов по ведомству на 11 млн руб., отметив, что почти 7 млн руб. предлагается потратить на развитие начального обучения, т.е. главным образом «на увеличение содержания учащихся и на расширение школьной сети, в целях скорейшего достижения всеобщего начального образования». Отмечая необходимость увеличения объема преподавания, числа лет обучения, усиления прикладного направления обучения в начальных школах, он в то же время считал быстрое введение всеобщего начального образования невозможным: «Во-первых, потому, что для этого нужны очень большие средства, а во-вторых, потому, что еще важнее, что для этого нужны очень хорошо подготовленные учителя, которые бы в начинающих учение влагали добрые начала». До тех пор, пока не будут подготовлены необходимые учительские кадры, Кузьминский считал введение всеобщего начального образования преждевременным¹.

---

¹ Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв III. 1909 г. Сессия II. Часть III. Заседания 71–100 (с 6 марта по 24 апреля 1909 г.). – Санкт-Петербург: Государственная Типография, 1909. – С. 2530–2532.

*Депутаты от Гродненской губернии в III Государственной думе:
выборы, социальные и политические характеристики, деятельность*

Бич подписал либеральные законопроекты «Об отмене смертной казни», «Об изменении городского избирательного закона», «О найме торговых служащих», о введении выборных земств в Архангельской губернии и Сибири [4, с. 54].

Работа III Государственной думы продолжалась до 9 июня 1912 г. За это время состоялось пять сессий, 621 заседание. Было принято 2432 законодательных акта. Большинство из них относилось к категории так называемой «законодательной вермишели» – мелких законопроектов по второстепенным вопросам. Но основная историческая роль III Думы заключается в том, что в истории российского парламентаризма впервые сложилась уникальная ситуация, когда правительственная власть и представители общественности вступили в диалог, сумев прийти к некоторым важным для всей страны решениям: реформе крестьянского землевладения, улучшению положения в сфере народного образования, расширению земского самоуправления и другим. III Государственная дума просуществовала весь отведенный ей законом срок, подав пример движения, хотя и едва заметного, по пути к современному правовому государству.

После окончания работы Государственной думы судьба депутатов сложилась по-разному. Есьман вернулся к политической деятельности в независимой Польше, будучи вначале заместителем, а затем главой Брестского округа [11]. Тычинин в 1912 г. принимал участие в работе Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев)¹, в 1913 г. был назначен начальником Калишской учебной дирекции. На этой должности проработал до 1917 г. Есть информация, что в августе 1920 г. он числился в личном составе Министерства просвещения РСФСР [8, с. 672; 9, с. 675]. Сведений о его последующей жизни нет. Кузьминский, по непроверенным данным, умер в 1951 г. в Москве в возрасте 86 лет. Бич в годы Первой мировой войны эвакуировался в центральную Россию, в 1917 г. после Февральской революции он издал брошюру «Аграрный вопрос в России по источникам крестьянским», в которой обобщил и собственные наблюдения за жизнью крестьянства [2]. Дальнейшая его судьба, к сожалению,

---

¹ Труды I Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев). – Москва, 2012. – С. 553.

неизвестна. Жизненный путь депутатов-крестьян после окончания депутатских полномочий проследить крайне затруднительно, так как больше к политической деятельности они не возвращались.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что на выборы в Государственную думу на территории Гродненской губернии оказывали влияние как политические и социальные, так и национальные факторы. Во время выборов в III Думу, несмотря на изменение избирательного закона 3 июня 1907 г., большинство выборщиков по землевладельческой курии представляли интересы польских помещиков; по городской курии перевес был у «прогрессистов» и евреев. Только благодаря действиям местного православного духовенства, взявшего опеку над выборщиками-крестьянами, поддержке губернской администрации депутатами стали в основном представители умеренных и правых политических сил. Депутаты активно участвовали в законотворческой работе Думы, наибольшее их внимание вызвали столыпинская земельная реформа, чиншевой вопрос, пенсионное обеспечение учителей церковно-приходских школ, подготовка к введению всеобщего начального обучения и другие.

Таким образом, посредством Государственной думы представители Гродненской губернии впервые оказали влияние на развитие общественно-политической ситуации, как на территории современной Беларуси, так и в целом Российской империи.

Список литературы

1. 93-й созыв Государственной Думы: портреты, биографии, автографы. – Санкт-Петербург: изд-во Н.Н. Олшанского, 1910. – [66] с., [57] л. ил., портр.
2. Бич В.А. Аграрный вопрос в России по источникам крестьянским. – [Козмодемьянск]: [б. и.], 1917. – 16 с.
3. Бондаренко К.М. Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.): монография. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2010. – 416 с.: ил.
4. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 735 с.
5. Забаўскі М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.) – Минск: БДПУ імя М. Танка, 2008. – 267 с.

***Депутаты от Гродненской губернии в III Государственной думе:
выборы, социальные и политические характеристики, деятельность***

---

6. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы / под ред. П.А. Пожигайло. – Москва: РОССПЭН, 2006. – 768 с.
7. Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV Государственной думы. – Париж: Склад и изд-во Е. Сияльской, 1927. – 266 с.
8. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1914 год. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1914. – 868 с.
9. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год. – Петроград: Сенатская типография, 1917. – 890 с.
10. Список участников Совещания «Союза 17 октября» в Санкт-Петербурге 7 ноября 1913 года (по предварительным данным). – Санкт-Петербург: Тип. Тов-ва А.С. Суворина – Новое время, 1913. – 6 с.
11. Brzoza C., Stepan K. Poświęcie polscy w parlamencie rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny. – Warszawa: Wydaw. sejmowe, 2001. – 220 s.
12. Jurkowski R. Sukcesy i poronki. Ziemianstwo polskie Ziemi Zabraných w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa 1906–1913. – Olsztyn: Wyd-wo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2009. – 550 s.

КОТЮКОВА Т.В.* ТУРКЕСТАНСКИЙ КОМИТЕТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: ПОСЛЕДНИЙ АККОРД ИМПЕРИИ ИЛИ ПЕРВЫЙ АККОРД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В истории есть события, которые были точками сложнейшей социально-политической бифуркации и привели к смене эпох, оставаясь при этом на протяжении долгого времени крайне поверхностно изученными. Недолгая эпоха существования Туркестанского комитета Временного правительства (Турккомитета) пришлось на время, насыщенное более масштабными событиями, которые оттеснили историю первого демократического правительства Туркестана на второй план. Долгие годы история Турккомитета продолжала оставаться не самоценной научной темой, а неким фоном, который оттенял сложнейшую и острейшую политическую борьбу между старой, императорской, и новой, советской, Россией. Так чем же был Турккомитет в политическом смысле – последним аккордом старой России или первым аккордом новой?

Ключевые слова: Туркестанский комитет Временного правительства; Ташкентский Совет рабочих депутатов; Туркестанское генерал-губернаторство; Туркестанский край.

KOTYUKOVA T.V. Turkestan Committee of the Provisional Government: the last chord of the Empire or the first chord of Soviet power

Abstract. There are events in history, which, In terms of the historical process, Without a doubt, were the points of the most

---

* © Котюкова Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (ИВИ РАН). kotyukovat@mail.ru

complex socio-political bifurcation and led to a change of epochs, For a long time, they remain little or very superficially studied. The nature of this dissonance with the history of the Turkestan Committee of the Provisional Government, or as it was abbreviated The Turkish Committee, Hiding, in Tom, that the short era of its existence came at a time full of larger events, which pushed the history of the first democratic government of Turkestan into the background. For many years, the history of the Turkish Committee continued to be a non-self-valuable scientific topic, A kind of background, It was a bitter and bitter political struggle between the old, The Imperial, and new, The Soviet Union, Russia. What was the Turkoman Committee, In a political sense, – the last chord of the old Russia or the first chord of the new?

Keywords: Turkestan Committee of the Provisional Government; Tashkent Council of Workers' Deputies; Turkestan Governor General; Turkestan Territory.

Для цитирования: Котюкова Т.В. Туркестанский комитет Временного правительства: последний аккорд империи или первый аккорд советской власти (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 22–40. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.02

Введение

Со сменой исторических эпох и началом активного строительства на постсоветском пространстве национальных государств для их полноценной легитимности потребовались новые национальные герои с яркими и трагическими биографиями. Отказавшись от классового похода, подчеркнутое внимание исследователи в бывших советских республиках стали уделять этноконфессиональной принадлежности местных политических деятелей. Начала проводиться мысль о нелегитимности советской власти и всего советского периода истории. Более того, в новых национальных историографиях государств Центральной Азии весь советский период стал оцениваться как тоталитарный и даже колониальный. В то же время о национально-буржуазных образованиях первых лет революции (Кокандская автономия, Алаш-Орда и др.) заговорили как о подлинно законных, поддержанных широкими народными

массами. Тем самым обосновывалась преемственность между ними и установившимися современными режимами [6, с. 216–217].

За последние десятилетия на постсоветском пространстве относительно событий 1917 г. сформирована новая историческая память. Она, как и в случае с предыдущим пантеоном, зиждется на вере в абсолютную нравственную непогрешимость и безусловную политическую правоту новых национальных героев. При этом история Туркестанского комитета Временного правительства так и осталась периферийной. О ней, как правило, упоминают в рамках изучения других крупных научных вопросов. Рассмотрим, что происходило с марта по октябрь 1917 г. в Туркестане и какой была роль Туркестанского комитета Временного правительства в сложном историческом переходе от имперской к советской власти.

Падение самодержавия и ситуация в Туркестане

28 февраля 1917 г.¹ в Ташкенте было получено сообщение о падении в России самодержавия и о переходе власти в руки Временного комитета Государственной думы. Последний генерал-губернатор Туркестанского края А.Н. Куропаткин признал новую власть, а Временное правительство признало его своим комиссаром в Туркестане и даже предоставило ему некоторую свободу действий. В это же время в Ташкенте был организован Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. Исполнительный комитет возглавил В.П. Наливкин – бывший вице-губернатор Ферганской области, депутат Государственной думы второго созыва, примкнувший там к социал-демократам. Он сразу наладил контакт с генерал-губернатором, чего нельзя сказать о самом Ташсовете.

Новая власть утвердилась в Туркестане позже других регионов бывшей империи, поскольку Временное правительство устраивала фигура Куропаткина – близкого друга военного министра А.И. Гучкова [3, с. 187]. Однако Ташсовет вел активную агитационную работу в войсках Ташкентского гарнизона против генерала Куропаткина. 31 марта 1917 г. на объединенном заседании Ташсовета, Исполнительного комитета Ташсовета и других обществен-

---

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

ных организаций края были приняты решения об отстранении от занимаемых должностей Куропаткина, его помощника М.Р. Ерофеева, начальника Штаба Туркестанского военного округа Н.Н. Сиверса, а также о разделении гражданской и военной власти в крае, которая ранее была совмещена. В сложившейся обстановке Алексей Николаевич был вынужден подготовить военному министру прошение об отставке.

Рождение Турккомитета

7 апреля 1917 г. вместо старой администрации специальным решением Временного правительства был образован Туркестанский комитет Временного правительства (Турккомитет). Членами Турккомитета стали А.Н. Букейханов (комиссар Временного правительства в Тургайской области), М.Т. Тынышпаев (комиссар Временного правительства в Семиреченской области), С.Н. Максудов, В.С. Елпатьевский, А.Л. Липовский, П.И. Преображенский, О.А. Шкапский и А.А. Давлетшин (военный комиссар Временного правительства в Хивинском ханстве). Местными уроженцами в первом составе Турккомитета были Мухамеджан Тынышпаев (уроженец Семиречинской области, представлявший ее во II Государственной думе), Орест Шкапский (уроженец Ташкента, действительный член Туркестанского отделения Русского географического общества, служил в крае по переселенческой линии), Александр Липовский (уроженец Ташкента, директор одной из петроградских школ).

Председателем Турккомитета был назначен бывший член Государственной думы, управляющий Министерством внутренних дел кадет Н.Н. Щепкин. Этот выбор не был случайным: со времен революции 1905 г. кадеты имели в Туркестане очень неплохие позиции. Разделяли политические взгляды кадетов и бывшие члены мусульманской фракции Государственной думы разных созывов, вошедшие в состав Турккомитета: А.Н. Букейханов, М.Т. Тынышпаев и С.Н. Максудов.

Члены Турккомитета распределили между собой направления деятельности: Липовскому и Максудову достались просвещение и религиозные вопросы; Преображенскому и Давлетшину – проблемы Бухары и Хивы; Шкапскому, Тынышпаеву и Букейха-

нову – проблемы Семиречья; Елпатьевскому, Преображенскому и Щепкину – торговля, промышленность и землеустройство¹. Члены Турккомитета считали, что организация власти в крае должна выстраиваться «снизу», а сам Туркестанский комитет должен стать своеобразным министерством, сотрудничающим с местным населением. Представители комитета на местах наделялись одновременно правами и обязанностями председателей земских управ и губернаторов².

Перед Турккомитетом стояла также задача по организации и проведению выборов в Учредительное собрание. 12 апреля 1917 г. Щепкин в речи на Краевом съезде Исполнительных комитетов в Ташкенте отметил, что при благоприятном исходе дел проведение выборов в Учредительное собрание можно наметить на конец августа или начало сентября. Он подчеркивал, что Временное правительство заинтересовано в скорейшем проведении выборов, потому что его сила и авторитет напрямую зависят от той народной основы, на которую оно опирается³.

16 апреля 1917 г. Щепкин выступил на I Всетуркестанском съезде мусульман, в котором достаточно прямо изложил суть отношения Временного правительства к населению края: «Новому правительству известно, что туркестанские мусульмане являются отсталыми по отношению к другим мусульманам. Поэтому оно прислало со мной вместе несколько мусульманских комиссаров... Такое внимание, оказанное новым правительством, означает его лучшее отношение к вам. Новое правительство уверено в том, что вы не будете отделяться от России»⁴.

Временное правительство, признавая необходимость решения постимперского «национального вопроса», никогда не считало проблему самоуправления мусульманскими территориями столь же насущной, как в европейских регионах, и довольствовалось

---

¹ НА РУз. Ф. Р–1044. Оп. 1. Д. 10. Л. 1

² НА РУз. Ф. Р–1044. Оп. 1. Д. 37. Л. 36

³ ЦГА РУз. Ф. Р–1044. Оп. 1. Д. 37. Л. 33–36

⁴ Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение: [сб. документов и материалов] / ИРИ РАН, Научный совет Российской академии наук по истории социальных реформ, движений и революций; [сост., предисл. и примеч. С.М. Исхаков]. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 78.

управлением этими территориями через местные временные комитеты, слегка обновив персональный состав местной администрации [10, с. 664–665]. Необходимо отметить, что падение царизма значительной частью мусульман края было понято как «отказ русского правительства от государственной власти». По мнению комиссара Временного правительства на Памире И.И. Зарубина, это было связано с отсутствием разъяснительной работы среди населения [4, с. 32].

Разногласия с Ташсоветом

Ташкентский Совет рабочих депутатов был образован 3 марта 1917 г., а 4 марта – Ташкентский Совет солдатских депутатов. Вскоре они объединились в единый Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов. С первых дней у Турккомитета возникли серьезные трения с Ташсоветом.

С 7 по 15 апреля 1917 г. в Ташкенте прошел I учредительный съезд Туркестанского краевого Совета рабочих и солдатских депутатов. Как и в Ташсовете, в нем преобладали эсеры, кадеты и меньшевики. Большевики составляли в Ташсовете политическое меньшинство и могли действовать эффективно только в составе коалиции.

9 мая 1917 г. в местной печати появилось сообщение Турккомитета о прекращении своей деятельности ввиду реорганизации Временного правительства и разногласий с Ташсоветом. Министр-председатель Г.Е. Львов 12 мая 1917 г. от лица нового состава Временного правительства настоятельно просил членов Турккомитета продолжать исполнять свои обязанности. 12 мая 1917 г. новый состав Временного правительства подтвердил полномочия Турккомитета, пообещав пополнить состав последнего¹. 16 мая Щепкин в телеграмме на имя Г.Е. Львова и А.Ф. Керенского просил об отставке².

---

¹ Журналы заседаний Временного правительства, Март-октябрь 1917 года: в 4-х т. – Москва: РОССПЭН, 2001–2004. – Т. 2: Май-июнь 1917 года; т. 8 / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост.: Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. – 2002. – С. 62–63. – (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». ФАС России, ГА РФ).

² НА РУз. Ф. Р–1044. Оп. 1. Д. 41. Л. 68.

Непростая ситуация складывалась в старогородской (мусульманской) части города Ташкента. 4 июня 1917 г. в Петрограде на восьмом заседании Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета (Икомус) с докладом о деятельности Турккомитета и о проекте реорганизации краевой власти выступил председатель Туркестанского и Ташкентского Советов рабочих и солдатских депутатов Г.И. Бройдо. Позиция Краевого и Ташкентского Советов сводилась к критике бездействия Турккомитета по важнейшим вопросам обеспечения населения продовольствием, организации власти на местах и замены представителей старого режима. Бройдо настаивал на отставке действовавшего состава Турккомитета. Икомус заявил о своей полной солидарности с Туркестанским и Ташкентским Советами, высказав пожелание увеличить представительство мусульман в составе Турккомитета¹.

8 июня 1917 г., в бытность Керенского военным и морским министром, ташкентского уездного воинского начальника полковника Л.Н. Черкеса назначили командующим войсками Туркестанского военного округа, с производством в генерал-майоры. Впоследствии Черкес был включен в состав Туркестанского комитета Временного правительства². Неудачи, сопровождавшие попытки Турккомитета решить продовольственную проблему, во многом обусловили его судьбу, ход региональной политической борьбы и приход к власти большевиков. К сожалению, формат статьи не позволяет нам остановиться на этом аспекте жизни края детальнее.

Внутренние проблемы и реорганизация Турккомитета

1 июня 1917 г. Юридическое совещание при Временном правительстве обсуждало доклад В.Д. Набокова о подготовке проекта Положения о Турккомитете. Собравшиеся отметили, что Турккомитет будет высшим правительственным органом в крае, подотчетным только Совету края. После созыва Всероссийского Учредительного собрания планировалось создать в Туркестане областную автономию, хотя и признавалось, что это сложная задача ввиду этнографических особенностей края. После оживленного

---

¹ Великая российская революция 1917 года ... – С. 193–194.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. – С. 225.

обсуждения Юридическое совещание признало представленный проект Положения о Турккомитете не подлежащим удовлетворению¹.

14 июня 1917 г. Икомус вновь заслушал доклад «по туркестанским делам» – теперь уже члена Турккомитета генерала А.А. Давлетшина (служил в администрации Закаспийской области в 1890–1898 гг.). На заседании присутствовали Убайдулла Ходжаев (постоянный представитель Туркестана в Икомусе) и председатель Ферганского Совета рабочих и солдатских депутатов Вадим Чайкин. Давлетшин сообщил о сложной кадровой ситуации в Турккомитете. Ему был задан целый ряд непростых вопросов: чем объяснить конфликт между Турккомитетом и Ташсоветом; распался ли комитет сам по себе или же его члены подали в отставку; в чем выразилась положительная деятельность Турккомитета; каково в настоящий момент положение местного мусульманского населения; что представляет собой местная политическая организация Шуро-и-Исламия (Совет мусульман); имеет ли под собою реальную почву требование туркестанцами федерации?

Ответы Давлетшина были предельно ясными. Причиной конфликта стало желание Ташсовета монополизировать власть, поэтому проект Бройдо о реорганизации власти сочувствия у Турккомитета не встретил. Конфликт с Ташсоветом сделал продуктивную работу Турккомитета практически невозможной. Однако даже в таких сложных условиях началась работа по реформированию городского самоуправления, были упразднены органы административного управления Туркестанского генерал-губернаторства. Неупраздненными остались лишь областные правления.

С падением монархии в России среди мусульман края усилились консерваторы, особенно в Ферганской долине. При этом Советы мусульман, или Шуро-и-Исламия представляют в крае внушительную силу, состоящую из прогрессивных элементов, особенно в Ташкенте. Давлетшин заявил, что требования туркестанцами федерации не имеет под собой реальной почвы, они не осознают своей неподготовленности к федеративной системе

---

¹ Записи хода заседаний юридического совещания при Временном правительстве: март-октябрь 1917 года: в 2-х т. / отв. сост. О.Н. Копылова; сост.: О.В. Лавинская [и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2018. – Т. 1: Март-июнь 1917 года; Т. 13 / отв. ред. т. Б.Ф. Додонов. – 2018. – С. 370–371.

управления. Для федеративной республики нет потенциала управленческих кадров. Давлетшина в этом вопросе поддержал Чайкин¹.

На следующий день, 15 июня 1917 г., состоялось еще одно заседание Икомуса, на котором о реорганизации Турккомитета и возможных кандидатах в председатели рассказал Ходжаев, олицетворяя собой после Бройдо и Давлетшина одновременно коренного туркестанца и независимого эксперта. По мнению Ходжаева, Чайкин подходил на должность председателя по своим личным качествам, политическим убеждениям (всегда выступал в оппозиции к царской администрации и проводимой ею политике в Туркестане) и по отношению к мусульманам, он сможет руководить политической и экономической жизнью края. Икомусом было принято единогласное решение войти во Временное правительство с докладной запиской о необходимости назначения на пост председателя Турккомитета Чайкина².

Однако у Туркестанского и Ташкентского Советов был свой кандидат – В.П. Наливкин. Кандидатуру Чайкина они встретили буквально в штыки. 29 июня 1917 г. Г.Е. Львов предложил возложить временное исполнение обязанностей председателя Туркестанского комитета на члена комитета В.С. Елпатьевского³.

1 июля 1917 г. Временное правительство освободило Щепкина от должности председателя с оставлением в составе Турккомитета. Новыми членами комитета стали присяжный поверенный И.Н. Шендриков и В.А. Чайкин. На Чайкина было возложено председательствование в комитете⁴.

Находившийся в Петрограде в качестве делегата на I Всероссийском съезде Советов большевик А.Я. Першин сообщил в Ташсовет: «Мусульмане выставили кандидатуру Чайкина, мы протестовали. Сегодня мы предупредили Убайдулла Ходжаева, чтобы он и мусульманский комитет сепаратным путем не действовали и

---

¹ Великая российская революция 1917 года ... – С. 222–224.

² Там же. – С. 225–226.

³ Журналы заседаний Временного правительства, Март–октябрь 1917 года: в 4-х т. – Москва: РОССПЭН, 2001–2004. – Т. 3: Июль – август 1917 года / сост. Е.Д. Гринько; отв. ред. Б.Ф. Додонов. – 2004. – С. 35. (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». ФАС России, ГА РФ.)

⁴ Там же. – С. 59.

не выдвигали бы кандидатур на место председателя Турккомитета без согласия краевого Совета» [8, с. 91].

8 июля 1917 г. Временное правительство все же издало указ о назначении Чайкина председателем Турккомитета [2, с. 94]. Першин перешел к угрозам и шантажу. Ходжаев телеграфировал из Петрограда: «Делегаты из Ташсовета... усиленно выставляют на должность председателя Турккомитета кандидатуру Наливкина. Если же пройдет Чайкин, то они, по их словам, отправят его в арестантском вагоне. Поэтому Чайкин полностью отказался. По нашему мнению, кандидатура уважаемого Наливкина неприемлема» [8, с. 91–92].

Мусульмане края выставили кандидатом на столь ответственный пост немусульманина. Туркестанские большевики, протестуя против такого выбора, руководствовались исключительно политическими мотивами. Вероятно, Чайкин был для них настолько неудобной фигурой, что его этноконфессиональная принадлежность не имела для них никакого значения. При этом у Временного правительства вообще не было кандидата на эту должность. Оно отдало решение вопроса на откуп внутренним политическим акторам. Это лишний раз доказывает, что острейшую политическую борьбу за власть в Туркестане, развернувшуюся в 1917 г., нельзя сводить только к противостоянию «мусульман» / «немусульман».

Очень может быть, что в тех непростых политических обстоятельствах Чайкин искренне верил, что кандидатура Наливкина будет способствовать выработке политического консенсуса. Однако то, что Ташсовет делал ставку на Наливкина как на слабого политика, с которым даже и не планировали договариваться, а на которого рассчитывали оказывать давление, стало очевидным уже очень скоро. В 1928 г. П.Г. Галузо писал: «То обстоятельство, что... председателем комитета был с.-д. Наливкин и что с.-р. и с.-д. в нем имели подавляющее большинство, абсолютно ничего не меняло ни в характере политики комитета, ни в его объективной роли»¹. Пока шла политическая борьба, обязанности председателя Турккомитета исполнял А.Н. Липовский [11, с. 63]. 19 июля 1917 г.

---

¹ Галузо П.Г. Из истории национальной политики Временного Правительства / Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – С. 46.

управляющий Министерством внутренних дел И.Г. Церетели на заседании Временного правительства внес устное предложение о назначении Наливкина председателем Турккомитета¹.

Большую часть своей жизни Наливкин провел в Туркестане, прекрасно знал местные языки, был исследователем-самоучкой, написал ряд научных работ о жизни и обычаях мусульман края. Кроме позиции местных большевиков, на решение о назначении Наливкина главой Турккомитета мог повлиять и Керенский, детство и юность которого прошли в Ташкенте. Толстовские взгляды Наливкина, неприятие идеологии насилия и волевого решения проблем общественной жизни отдаляли его от большевиков, хотя он и не оставлял попыток примирить их с меньшевиками. Вопрос, почему его кандидатура была неприемлема для туркестанских мусульман, остается открытым. 20 января 1918 г. Николай Петрович покончил жизнь самоубийством на могиле жены, скончавшейся в ноябре 1917 г.

Летом 1917 г. Турккомитет продолжало лихорадить. Он стремительно утрачивал реальную власть, которая все больше переходила в руки Советов. Спасение ситуации Временное правительство и Турккомитет искали в новых кадровых назначениях. 23 июля 1917 г. Временное правительство, наконец, приняло решение освободить председателя Турккомитета В.А. Чайкина от занимаемой должности, согласно его заявлению². 24 июля Турксовет предложил новый состав Турккомитета во главе с Наливкиным. Совет заявил о желательности контролировать действия Турккомитета. Такая откровенная попытка узурпации власти не нашла поддержки среди населения.

Новый глава Турккомитета, или кадры решают все

27 июля 1917 г. в Азиатской части Главного Штаба была распространена докладная записка об учреждении при Временном правительстве особого комитета по делам Туркестанского края [3, с. 329]. Планы были очень широкими, стоял даже вопрос о создании в Ташкенте мусульманского университета. Глава комитета

---

¹ Журналы заседаний Временного правительства. – Т. 3. – С. 121.

² Там же. – С. 154.

(комиссар) на правах министра входил в состав Временного правительства. Им стал Н.Н. Шнитников, получивший с приходом к власти Временного правительства статус сенатора¹. Правда, комитет функционировал меньше месяца. Этот шаг был ничем иным, как попыткой сохранить лицо центральной власти и оставить за собой хотя бы видимость права последнего слова, соорудив над головой председателя Туркестанского комитета надстройку в виде комиссара Временного правительства по делам Туркестана.

Николай Николаевич Шнитников – отставной коллежский секретарь, юрист, присяжный поверенный, в прошлом – гласный Санкт-Петербургской городской думы, социалист; активно проявил себя на волне революционных событий 1905–1907 гг. Один из лидеров кадетской партии, В.Д. Набоков в своих воспоминаниях давал ему следующую характеристику: «Помню, что чуть ли не в первом заседании в субботу Керенский объявил, что он в товарищи (заместители. – Т.К.) себе берет Н.Н. Шнитникова, и помню, что этот незначительный факт произвел тогда на меня большое и крайне отрицательное впечатление... Шнитников – личность достаточно хорошо известная. Человек добрый и вполне порядочный, он вместе с тем человек с узко предвзятым отношением к каждому вопросу. Ни в адвокатуре, ни в городской думе, ни в какой-либо другой сфере он... никогда не пользовался ни малейшим авторитетом. И его Керенский хотел поставить рядом с собою, во главе всего судебного ведомства!... Помню, что стоило некоторого труда отговорить Керенского»².

Шнитников получил назначение в Туркестан, вероятно, не без протекции и дружеской поддержки Александра Федоровича. На ключевые посты Керенский постарался назначить своих друзей или людей, которых хорошо знал и которым симпатизировал. Его креатурами были: сменивший Шнитникова на посту комиссара Временного правительства в Туркестане генерал П.А. Коровиченко, комиссар по делам Закаспия граф Г.И. Доррер, член Туркестанского комитета Временного правительства И.Н. Шендриков,

---

¹ Михайловский Г. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: в 2-х кн. – Кн. 1. Август 1914 г. – октябрь 1917 г. – Москва: Междунар. отношения, 1993. – С. 257.

² Набоков В.Д. Временное правительство: воспоминания / вступ. ст. И.Н. Бороздина. – Москва: Т-во Мир, 1924. – С. 51–52.

посланник (комиссар) Временного правительства в Бухаре В.С. Елпатьевский.

Французский военный атташе в Персии Ж. Дюкрок писал о Коровиченко, Доррере и Шендрикове как о некоем политическом триумвирате, очень непродолжительное время управлявшем Туркестаном¹. Справедливости ради стоит отметить, что должность комиссара по делам Туркестана, которую занимал Шнитников, была практически декоративной.

Хорошо знавший Шнитникова начальник Международно-правового отдела МИД Г.Н. Михайловский писал в воспоминаниях: «То, что замышлялось при Временном правительстве в Средней Азии, далеко превышало прежние мечты и дела царского правительства. Грандиозность предприятия ослаблялась только его полной несвоевременностью и парадоксальным выбором людей»². И было чему удивляться. Шнитникова с Туркестаном связывало то обстоятельство, что он «имел в свое время адвокатские дела с французами в Бухаре». Елпатьевский, посланник Временного правительства в Бухаре, до того исполнявший обязанности председателя сиротского суда в Петрограде, имел виноградные плантации в Туркестане и изредка наезжал туда³.

В августе 1917 г., по рекомендации Туркестанского краевого мусульманского Совета и предложению Керенского, указом Временного правительства членом Туркестанского комитета был назначен председатель Туркестанского краевого мусульманского Совета М. Чокаев, еще один личный знакомый главы Временного правительства. В отличие от царского правительства и большевиков, Временное правительство формировало кадровую политику в крае на принципах землячества и кумовства. Кроме того, областные и уездные комиссары Турккомитета были в основном выходцами из числа старых уездных начальников и приставов, работавших еще с Куропаткиным.

---

¹ Чокай М.Я. Я пишу Вам из Нождана ...: воспоминания письма, документы: (сб., посвящ. Мустафе Чокаю). – Алматы: Кайнар, 2001. – С. 169.

² Михайловский Г. – С. 258.

³ Там же. – С. 257–258.

Большевики: выход на авансцену революции или конец Туркестанского комитета Временного правительства

Большевики для Туркестана были сравнительно молодой политической силой. В основном это были люди, приехавшие в край на волне февральских событий. Они плохо ориентировались в местной специфике, но при этом были крайне пассионарны и четко формулировали свои цели и задачи.

11 сентября в Ташкенте было создано совещание краевых демократических организаций. Большевики выступили с предложением объявить это совещание Революционным комитетом и передать ему всю полноту власти. Их предложение было отклонено 11 голосами против шести¹. Протестуя, большевики покинули собрание и ушли на заседание исполкома Ташкентского Совета, где вновь внесли резолюцию об организации Ревкома. Теперь заседание покинули правые эсеры. После их ухода исполком Ташсовета принял резолюцию большевиков о передаче власти советам, создании Ревкома и об устройстве общегородской демонстрации. Правые эсеры направились к генералу Черкесу и сообщили ему о принятой исполкомом резолюции. В свою очередь, Турккомитет в экстренном порядке запретил проведение митингов².

Несмотря на это, 12 сентября большевики организовали шеститысячный митинг рабочих и солдат Ташкента. Из трех предложенных на голосование резолюций – эсеровской, меньшевистской и большевистской – митинг принял резолюцию большевиков: о немедленной реквизиции продуктов и предметов первой необходимости; об осуществлении рабочего контроля над производством и распределением продуктов; о переходе земли без выкупа в руки крестьян; об издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, профсоюзов и фабричных комитетов; о передаче всей власти в руки Совета [9, с. 234].

Сместив в городе представителей власти, назначенных Временным правительством, и арестовав членов краевого Совета рабочих и солдатских депутатов, Ташсовет попытался овладеть вла-

---

¹ Свободный Самарканд. 1917. 17 сентября.

² Наша газета. 1917. 12 сентября.

стью во всем Туркестане. Был избран Временный революционный комитет, состоявший из 14 человек: пять большевиков, два меньшевика, пять эсеров и два анархиста¹. Под его руководством была предпринята попытка государственного переворота.

Генералу Черкесу не удалось разогнать митинг: военные части, получившие от него соответствующий приказ, отказались его выполнить. Вечером того же дня было устроено экстренное совещание Турккомитета и генерала Черкеса с представителями Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов. Черкес предложил немедленно арестовать членов Ревкома, но сам был арестован ими.

13 сентября Краевой Совет созвал объединенное собрание с представителями крестьянского и киргизского Советов, на котором было принято решение не признавать Ревком и Исполком, о чем было опубликовано обращение к населению. В ответ на это Исполком Ташсовета отстранил от работы руководителей Краевого Совета, которые на следующий день бежали в Скобелев (ныне г. Фергана), где уже находились многие офицеры и чиновники как царского, так и Временного правительства.

14 сентября председатель Турккомитета Наливкин отправил в Петроград телеграмму, прося выслать в Ташкент вооруженную помощь. Реакция Петрограда не заставила себя долго ждать. 16 сентября в ответной телеграмме Керенского, в частности, говорилось: «Преступная попытка Ташсовета расшатать в Туркестане власть центрального правительства является явно контрреволюционной и будет признана мятежом со всеми вытекающими из этого последствиями»². В тот же день Наливкин был арестован. Юнкера Ташкентской школы прапорщиков и военного училища поспешили ему на помощь³. В результате оказанного давления Владимир Петрович признал, что «был введен в заблуждение, почему и в таком (негативном. – *Т.К.*) виде освещал перед Временным правительством ход ташкентских событий» [11, с. 67–68].

17 сентября между Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов и Наливкиным было подписано со-

---

¹ Наша газета. 1917. 14 сентября.

² НА РУз. Ф. Р–1044. Оп. 1. Д. 41. Л. 1

³ Туркестанские ведомости. 1917. 8 октября.

глашение, по которому он должен был телеграфировать генералу Коровиченко об отмене его военной экспедиции в Ташкент. Большевики, в свою очередь, обязывались прекратить антиправительственные выступления, но тут же нарушили свои обещания, после чего и Наливкин отказался выполнять свои [11, с. 68].

Еще одна версия событий передана в воспоминаниях начальника 3-го политического отдела МИД Российской империи В.О. фон Клемма. В сентябре большевики остановили на улице автомобиль Наливкина и вынудили его уступить Совдепу ряд функций высшего управления краем. Наливкин подписал документ, согласившись на все эти требования с единственным условием, что Совдеп должен признать его как главнокомандующего войсками. Этот пост он принял вследствие болезни генерала Черкеса.

Соглашение, в которое вступил Наливкин под давлением большевиков, обсудили на чрезвычайном заседании Турккомитета под председательством Шендрикова. Было принято единодушное решение, что не может быть никаких соглашений с горстью людей, которые задумали свержение власти. «Наливкин скоро открыл, – вспоминал фон Клемм, – какую ошибку он допустил, ибо демагоги вскоре напечатали его обязательство и жестоко осмеивали его лично в своих газетах, не выказывая никакой жалости к этому старому и добродушному человеку, на назначении которого на пост председателя Туркестанского комитета они сами настаивали ранее перед центральным правительством»¹.

20 сентября Наливкин, обращаясь к областным и уездным комиссарам, начальникам военных гарнизонов края, назвал сентябрьские события в Ташкенте контрреволюционными². 21 сентября на заседании Ташсовета была принята резолюция, в которой действия Наливкина осуждались, а Турккомитету выражалось полное недоверие, с требованием отставки Наливкина. Такого рода известия из Ташкента продолжали поступать и спустя неделю после мятежа. Из телеграмм, получаемых Керенским, было очевидно, что улучшения обстановки не происходило³. Поэтому вой-

---

¹ Клемм фон В. Очерк революционных событий в русской Средней Азии [публикация В.Л. Гениса] // Вопросы истории. – 2004. – № 12. – С. 17–18.

² НА РУз. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 18–19.

³ Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. № 177. 21 сентября 1917.

ска под командованием генерала Коровиченко для восстановления порядка в Туркестан все же отправили. 24 сентября они прибыли в Ташкент. Коровиченко был назначен Генеральным комиссаром Временного правительства по управлению Туркестанским краем вместо никак не проявившего себя на этом посту Н.Н. Шнитникова и командующим войсками Туркестанского военного округа вместо ушедшего в отставку Наливкина.

25 октября 1917 г. в Ташкенте состоялось совещание большевиков и членов Исполнительного комитета Ташкентского Совета, на котором было принято решение об организации вооруженного восстания в Ташкенте. Действуя на опережение, в ночь с 27 на 28 октября генерал Коровиченко отдал приказ окружить здание, где проходило совещание. Были произведены аресты. Утром 28 октября 1917 г. в Ташкенте начались вооруженные столкновения между войсками Турккомитета под командованием Коровиченко и революционно настроенными солдатами ташкентского гарнизона и рабочими железнодорожных мастерских. Коровиченко потерпел поражение и был арестован.

К вечеру 31 октября весь город был занят революционными солдатами и рабочими. Утром 1 ноября революционные отряды ворвались в Ташкентскую крепость, где находились сторонники Временного правительства. Параллельно были произведены массовые аресты. В Ташкенте была установлена советская власть. Бывшему председателю Турккомитета Наливкину, опасаясь за свою жизнь, пришлось перейти на полулегальное положение.

Переворот в Ташкенте, по воспоминанию одного из участников событий, был «совершен и молчаливо признан всем краем»¹. Однако местные мусульманские политические организации отнеслись отрицательно к свержению Турккомитета. 2 ноября 1917 г. состоялось совещание всех демократических организаций, на котором рассматривался вопрос о создании временной краевой власти, призванной заменить Туркестанский комитет. Решено было составить новый краевой орган из девяти человек – от Совдепа, от мусульманских депутатов, эсеров и меньшевиков [3, с. 514].

---

¹ Белов И.П. Туркестан // Этапы большого пути: воспоминания о гражданской войне. – Москва: Воениздат Наркомата Обороны СССР, 1963. – С. 386.

Вместо заключения

Существуют две диаметрально противоположные оценки степени вовлеченности мусульман Туркестана в политические процессы 1917 г. Одни авторы считают, что основная масса коренного населения не была вовлечена в происходящие политические события и не понимала их смысла. Более того, основная масса местных мусульман рассматривала происходившее как борьбу за доминирование между различными группами европейского населения [1, с. 108]. Другие считали, что политическая активность представителей коренных народов Туркестана, главным образом его средних и низших слоев, значительно возросла в это время [7, с. 211–219].

15–22 ноября 1917 г. в Ташкенте прошел III Краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В сформированное левое эсеровско-большевистское правительство не вошел ни один представитель коренного населения. В резолюции Съезда подчеркивалось: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органах высшей власти фракция приветствовала бы»¹.

26 ноября 1917 г. в Коканде экстренно собрался IV Чрезвычайный краевой съезд мусульман. В резолюции съезда подчеркивалось, что он отражает волю всех народов, населяющих Туркестан, к самоопределению в составе Федеративной Российской Республики и провозглашению Туркестанской (Кокандской) автономии. Это был своеобразный ответ на решения, принятые несколькими днями ранее в Ташкенте.

Таким образом, Временное правительство было готово к компромиссам, включив в состав Турккомитета мусульман, потому, что в значительной степени унаследовало отношение к этноконфессиональному вопросу от правительства царского, с обязательной представительской квотой для так называемых «коренных»,

---

¹ Наша газета. 1917. 23 ноября.

пусть и непропорциональной реальному количеству населения. Хотя имперская традиция отношения к Туркестану, как к «окраине на особом положении», в действиях Турккомитета просматривается волне очевидно. Первое левозеровско-большевистское правительство Туркестана стояло на иных позициях и придерживалось иных политических взглядов.

Список литературы

1. Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. – Душанбе: Ифрон, 2009. – 571 с.
2. Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон махторияти) / АН Респ. Узбекистан, Ин-т истории. – Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. – 268 с.
3. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 1090 с.
4. Бухерт В.Г. «Настоятельнейшие нужды Памирского района». Записка И.И. Зарубина. 1917 г. // Восточный архив. – 2011. – № 24. – С. 30–32.
5. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии / под общей ред. Ю.А. Лысенко. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2018. – 383 с.
6. Джумаев А.Б. «Скажите, а Ленин еще вернется?» К истории Октябрьской революции в Средней Азии: наброски и размышления с неизбежными экскурсами в современность // Дружба народов. – 2017. – № 10. – С. 213–224.
7. Исмаилов Х. Туркестан в эпоху двух революций // История СССР. – 1990. – N 5. – С. 211–219.
8. История и историки Узбекистана в XX столетии / Алимова Д.А. (отв. ред.). – Ташкент: Navro'z, 2014. – 428 с.
9. История Узбекской ССР. С древнейших времен до наших дней / под ред. акад. И.М. Муминова; АН АзССР, Ин-т истории. – Ташкент: Фан, 1974. – 582 с.
10. Олкотт М.Б. Средняя Азия // Критический словарь русской революции: 1914–1921: сб. статей: пер. с англ. / Э. Акстон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев (сост.). – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – С. 664–674.
11. Флыгин Ю.С. Владимир Наливкин: ориенталист, педагог, администратор: [научно-биограф. очерк]. – Ташкент: Muharrir nashriyoti, 2017. – 71 с. – (Российские исследователи Средней Азии).

РОГАТЫХ А.Д.* «ВЕДЬ С НАМИ ВОРОШИЛОВ, ПЕРВЫЙ
КРАСНЫЙ ОФИЦЕР...» К.Е. ВОРОШИЛОВ КАК ПРЕДСТАВИ-
ТЕЛЬ СТАВКИ ВГК

Аннотация. В статье рассматривается деятельность К.Е. Ворошилова на должности представителя Ставки Верховного главнокомандования во время первой попытки снятия блокады Ленинграда 1941 г., в период Любанской операции 1942 г., операции «Искра» 1943 г. и освобождения Крымского полуострова в 1944 г. На основании архивных данных и воспоминаний очевидцев анализируется правовой статус маршала как представителя Ставки, его функции, взаимоотношение с фронтовым руководством и другими представителями Верховного командования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; представитель Ставки ВГК; И.В. Сталин; К.Е. Ворошилов; Г.К. Жуков.

ROGATYKH A.D. «After all, Voroshilov is with us, the first red officer...» K.E. Voroshilov as a representative of the Stavka of the High command

Abstract. The article examines the activities of K.E. Voroshilov as a representative of the Headquarters of the Stavka of the High Command during the first attempt to lift the siege of Leningrad in 1941, during the Lyuban operation in the 1942, Operation Iskra in 1943, liberation of the Crimean peninsula in 1944. Based on archival data and eyewitness memories, the legal status of the Marshal as a representative of Headquarters, his functions, relationships with front-line leadership and other representatives of the Supreme Command are analyzed.

---

* © Рогатых Алексей Дмитриевич – аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); alex-ro-dm@mail.ru

Keywords: Great Patriotic War; representative of the Stavka VGK; Stalin; Voroshilov; Zhukov.

Для цитирования: Рогатых А.Д. «Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер...» К.Е. Ворошилов как представитель Ставки ВГК. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 41–62. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.03

Введение

Деятельность маршала К.Е. Ворошилова во время Великой Отечественной войны много раз становилась предметом исследовательского интереса. Из последних научных работ, посвященных его персоне, можно отметить биографию, изданную в серии «ЖЗЛ» за авторством историка Н.Т. Великанова от 2017 г. [2], или труд исследователя Ю.В. Рубцова «Сталинские маршалы в жерновах политики», вышедший через два года (и являющийся переизданием его монографии 2000 г.), где описывался жизненный путь Ворошилова наряду с другими маршалами 1930–1940-х годов [8]. Внимание к фигуре «первого красного офицера» проявляется и в англоязычной научной литературе. Так, в монографии Шейлы Фицпатрик «О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике» (изданной в России в 2021 г.) деятельность Ворошилова рассматривается в рамках коллективной биографии других членов сталинского ближнего круга [9].

Однако, касательно участия Ворошилова в событиях 1941–1945 гг., все вышеперечисленные работы носят обзорный характер. События, в которых маршал принял участие в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования, описаны достаточно кратко. Между тем последняя проблема представляет собой совершенно особый интерес, так как ее решение позволит более глубоко понять место «героев» Гражданской войны в войне Великой Отечественной. Тем более актуальна такая постановка вопроса в свете пересмотра традиционной точки зрения о Ворошилове как о совершенно некомпетентном военачальнике (особенно в условиях «войны моторов») [3, с. 409–410; 5, с. 27, 116, 136, 289]. Рассмотрение указанной проблематики будет являться целью данной статьи.

Ленинград в блокаде

В конце 50-х годов XX в. был составлен перечень должностей, занимаемых Ворошиловым с 18 мая 1940 г. Согласно ему, маршал четыре года занимал должность представителя / уполномоченного Ставкой¹. В первый раз Ворошилов исполнял обязанности в этом качестве в 54-й армии с 24 по 29 сентября 1941 г.² Перед выездом на место он 22 сентября посетил кабинет Сталина³. В журнале боевых действий (далее ЖБД) данной армии указано, что маршал прибыл туда в 18:00 24 сентября. Бывший адъютант Ворошилова М.И. Петров писал в своих мемуарах, что упомянутое выше назначение было неожиданным, ведь после снятия Ворошилова с должности командующего Ленинградским фронтом и отзывом его в Москву Петрову казалось, что в столице они задержатся надолго⁴. Пролить свет на обстоятельства данного решения могут два разговора по прямому проводу: между начальником Ленинградского фронта Г.К. Жуковым и командующим 54-й армии Г.И. Куликом от 15 сентября, и между начальником оперативного отдела Генерального штаба Красной армии А.М. Василевским и начальником штаба 54-й армии А.В. Сухомлиным от 20 сентября. Во время своего диалога Жуков с Куликом так и не смогли договориться, когда последнему надлежало бы перейти в наступление – командующий Ленинградским фронтом настаивал, чтобы операция началась на следующий день после их разговора, тогда как последний, ссылаясь на неготовность своих войск (главным образом из-за того, что артиллерия и часть стрелковых соединений еще не успели выйти на свои позиции и отсутствием проработки взаимодействия между ними), данную просьбу отверг⁵. В результате

---

¹ РГАСПИ.Ф. 74. Оп. 2. Д. 130. Л. 96–98.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 410. Оп. 10122. Д. 30. Л. 12.

³ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. – Москва: Новый хронограф, 2008. – С. 351.

⁴ Петров М.И. В дни войны и мира. – Москва: Воениздат, 1982. – С. 33.

⁵ Жуков Г.К. В борьбе за город Ленина // Операция «Искра». Сборник воспоминаний / сост. С.М. Бойцов, С.Н. Борщев. – Ленинград: Лениздат, 1973. – С. 16–18.

разговор, начинавшийся в крайне вежливом тоне, закончился упреками со стороны Жукова, констатацией низкого уровня взаимодействия между фронтом и 54-й армией и его следующим замечанием: «на вашем месте Суворов поступил бы иначе»¹. Сухомлин в ходе своего диалога с Василевским попросил последнего прислать самолет связи для разгрузки их шифроргана (перегруженного работой из-за деятельности представителя Ленинградского фронта А.М. Шилова и представителя Северо-Западного фронта М.В. Захарова) и «приказать нашу линию фронта передать тов. Жукову, так как я с ним связи не имею...»². Таким образом, приезду представителя Ставки ВГК предшествовали беспорядок в вопросах взаимодействия между армией и Ленинградским / Северо-Западным фронтами (на тыловые службы последнего опиралось снабжение частей маршала Кулика) и отсутствие стабильной связи между ними. Возможно, Ставка надеялась отправкой своего уполномоченного решить этот клубок проблем. При таком раскладе маршал должен был бы стать своеобразным «узлом связи» для координации всех участников событий на северном участке боевых действий. Петров же, не упоминая этих обстоятельств, писал об обязанности Ворошилова как представителя Ставки оказывать помощь Кулику в проведении им наступательной операции по деблокаде Ленинграда³. При этом, согласно директиве Ставки от утра 24 сентября, вся ответственность за успех операции ложилась только лишь на последнего⁴. 26 сентября он в числе прочих адресатов получил директиву из Москвы о передаче руководства 54-й армией генерал-лейтенанту М.С. Хозину⁵. В этот же день Сталин вместе со своим заместителем в ГКО В.М. Молотовым сообщили новому командованию Ленинградского фронта о решении отозвать Ворошилова из 54-й армии⁶. В ходе переговоров по прямому проводу,

---

¹ Жуков Г.К. В борьбе за город Ленина // Операция «Искра». Сборник воспоминаний / сост. С.М. Бойцов, С.Н. Борщев. – Ленинград: Лениздат, 1973. – С. 18.

² ЦАМО РФ.Ф. 3. Оп. 6. Д. 2. Л. 83–83.

³ Петров М.И. В дни войны и мира. – С. 34.

⁴ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н.Л. Волковского. – Санкт-Петербург: Полигон, 2004. – С. 48.

⁵ Там же. – С. 50–51.

⁶ Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 11. – С. 190.

состоявшихся в 8.30 утра того же дня, начальник Генштаба РККА Б.М. Шапошников просил Жукова пока не ставить в известность об этом решении ни Кулика, ни представителя Ставки¹. Данных о деятельности Ворошилова во время первой попытки прорыва блокады нет ни в ЖБД армии, ни в ЖБД ее частей и соединений, ни в мемуарах адъютанта маршала (хоть он и любил описывать действия и поступки своего начальника самыми яркими красками). Данное обстоятельство, а также короткое пребывание Ворошилова на данном участке фронта (официально он занимал эту должность до 29 сентября, согласно списку должностей) позволяет сделать вывод о том, что в первой операции по снятию блокады Ленинграда представитель Ставки ВГК существенной роли не сыграл.

Трагедия Мясного Бора

Вскоре Ворошилов снова был назначен на эту должность, и опять на Северо-Западное оперативно-стратегическое направление – с 15 февраля по 25 марта 1942 г. на Волховском фронте во время проведения его войсками Любанской наступательной операции. Как и в прошлом случае, мы располагаем крайне ограниченными сведениями о его действиях в качестве представителя Ставки. В журнале посещений кабинета Сталина отмечалось, что Ворошилов находился там 13 февраля². Сказать сколь-нибудь точно, было ли принято решение о его новом назначении именно в этот день, не представляется возможным. В ЖБД Волховского фронта нет записи о том, когда маршал прибыл в его расположение. Однако сохранились отрывки из дневника бывшего командира взвода связи в 4-й гвардейской стрелковой дивизии (далее СД) П.П. Лопатина, в которых указана точная дата прибытия представителя Ставки на Волховский фронт – 18 февраля³. Там же автор высказал надежду на то, что маршал примет меры по улучшению снабжения войск фронта. В нашем распоряжении есть две директивы Ставки, первая из которых (датированная 1 марта) предписывала Вороши-

---

¹ ЦАМО РФ.Ф. 3. Оп. 6. Д. 2. Л. 89.

² На приеме у Сталина. – С. 361.

³ Лопатин П.П. Из военного дневника // Трагедия Мясного Бора: сборник воспоминаний участников и очевидцев о Любанской операции / авт.-сост. И.А. Иванова. – Санкт-Петербург: Политехника, 2015. – С. 159.

лову вместе с командующим фронтом и командармом 2-й ударной армии отчитаться о причинах «позорной» сдачи населенного пункта Красная Горка¹. Вторая же (от 21 марта), утверждала соображения Военного совета Волховского фронта по планируемой Новгородской операции и уведомляла местное командование о том, что в его распоряжение было отправлено пополнение в лице одной стрелковой дивизии и двух стрелковых бригад. В конце документа особым пунктом предписывалось познакомить с его содержанием маршала². Следует особо отметить то обстоятельство, что в разработке упомянутой выше наступательной операции сам Ворошилов деятельного участия не принимал, о чем косвенно свидетельствует отсутствие подписи под ее обзорным планом (подписали документ два члена Военного совета фронта и его начальник штаба)³. Подробнее о работе Ворошилова как представителя Ставки ВГК в данный промежуток времени мы можем узнать из мемуаров бывшего командующего Волховским фронтом К.А. Мерецкова (Петров же в своих воспоминаниях о тех событиях умалчивает).

Мерецков писал, что Ворошилов по прибытии передал ему наказ Ставки активизировать наступательные действия войск фронта⁴. Вскоре Ворошилов посетил почти все армии фронта и 13-й кавалерийский корпус, где задержался на длительное время. Во время этих встреч представитель Ставки ВГК «беседовал с солдатами и командирами, ободрял их, обращался с призывами, а там, где было необходимо, требовал и подгонял»⁵. Подтверждают посещение представителем Ставки 13-го кавалерийского корпуса бывший делопроизводитель строевого отдела его штаба В.Н. Соколов (он же называет конкретную дату этого события – 25 февраля)⁶ и бывший

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–2). Ставка ВГК, 1942 г. Документы и материалы / под общ. ред. В.А. Золотарёва. – Москва: Терра, 1997. – С. 112.

² Там же. – С. 139.

³ Там же. – С. 506–507.

⁴ Мерецков К.А. На службе народу. – Москва: Вече, 2015. – С. 273.

⁵ Там же. С. – 274.

⁶ Соколов В.Н. В штабе 13-го кавкорпуса // Трагедия Мясного Бора: сборник воспоминаний участников и очевидцев о Любанской операции / авт.-сост. И.А. Иванова. – Санкт-Петербург: Политехника, 2015. – С. 69.

комиссар 59-й особой бригады И.Х. Венец¹. Последний сообщил и о разговоре руководства бригады с Ворошиловым, в ходе которого он обратился к ним с таким вопросом: «Сознаете ли вы сами, товарищи, понимают ли ваши воины, как далеко вы забрались, как близко подошли к Ленинграду, чтобы помочь ленинградцам, умирающим от обстрелов и еще больше от голода и холода?»²

8 марта маршал был в кабинете Сталина³. По свидетельству Мерецкова, из этой поездки Ворошилов вернулся вместе с членом ГКО Г.М. Маленковым и новым заместителем командующего Волховским фронтом генерал-лейтенантом А.А. Власовым⁴. После его отъезда войска 2-й ударной армии еще раз попробовали взять Любань, но вновь безрезультатно. Ее командующий генерал-лейтенант Н.К. Клыков был смещен со своей должности, а новым командармом стал генерал Власов. Сам же представитель Ставки даже после своего отбытия не забыл о нуждах Волховского фронта и уже 28 марта подал на имя Маленкова записку с просьбой рассмотреть вопрос об пополнении войск фронта рядовым и офицерским составом, боеприпасами, продовольствием и фуражом, а также об улучшении его железнодорожного сообщения с остальной страной⁵.

К середине весны 1942 г. Ворошилов дважды успел побывать в должности представителя Ставки ВГК. В обоих случаях нашим войскам не удалось добиться поставленных задач – блокада Ленинграда так и не была снята. В сентябре 1941 г. маршал не понес ответственности за провал (в отличие от Кулика, снятого в конце месяца с поста командарма). Но уже за провал Любанской операции, кроме командующего фронтом (23 апреля 1942 г. Мерецков лишился своей должности, а сам Волховский фронт расформировали) понес наказание уже и сам представитель Ставки, причем в достаточно жесткой форме. Так, 1 апреля вышло постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О работе тов. Ворошилова», в тексте которого констатировалось, что его пребывание на Волхов-

---

¹ Венец И.Х. 2-я ударная не сдавалась! // Трагедия Мясного Бора. – С. 104.

² Там же.

³ На приеме у Сталина. – С. 363.

⁴ Мерецков К.А. На службе народу. – С. 276.

⁵ РГАСПИ.Ф. 83. Оп. 1. Д. 18. Л. 66–71.

ском фронте «не дало желаемых результатов». Указывались и другие ошибки, допущенные им, начиная с Финской войны¹. Командирован же был маршал на фронт в качестве представителя Ставки, чтобы оказывать помощь местному командованию (причем в документе утверждается, что это была его личная просьба, а от должности командующего фронтом он впоследствии сам отказался). По мнению составителей документа, Ворошилов был пригосаен лишь для тыловой работы². В нашем распоряжении нет достоверных данных о том, как такая масштабная критика повлияла на «Первого красного офицера», некогда столь массово воспетого советской пропагандой (об этом не пишет даже его адъютант Петров). Однако, несмотря на данное постановление, уже в конце 1942 г. он снова получил назначение на тот же участок фронта.

Операция «Искра»

2 декабря 1942 г. маршалу было поручено координировать действия Ленинградского и Волховского³ фронтов в намечающейся (уже четвертой по счету) наступательной операции по деблокаде «Северной столицы»⁴. В этом качестве он пребывал до 4 апреля 1943 г. Впрочем, отправился исполнять свои обязанности маршал отнюдь не сразу. Его адъютант заявлял, что Ворошилов отправился в Ленинград только 15 декабря (а прибыл непосредственно на место 17)⁵. Его слова подтверждают записи журнала посещений Сталина: один раз до нового назначения – 1 декабря и три раза после вступления в должность – 7, 8 и 13 декабря⁶.

Первое документальное свидетельство о деятельности Ворошилова в это время относится к 18 декабря 1942 г., когда он, как зафиксировали составители ЖБД 8-й армии Волховского фронта,

---

¹ Советское военно-политическое руководство в годы Великой Отечественной войны. Государственный Комитет Оборона СССР. Политбюро ЦК ВКП(б). Совет народных комиссаров СССР: сб. Документов / сост. Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. – Москва: Кучково поле Музеон, 2020. – С. 245.

² Там же.

³ Волховский фронт был восстановлен в июне 1942 г.

⁴ Блокада Ленинграда в документах ... – С. 127.

⁵ Петров М.И. В дни войны и мира. – С. 76.

⁶ На приеме у Сталина. – С. 392–393.

посетил тактическое учение 930 стрелкового полка 256 СД¹. Увиденным маршал остался доволен. В ЖБД 2-й ударной армии сохранилась запись, датированная первыми числами января, о том, что он присутствовал на некоторых учениях в формате: батальон—полк—дивизия (рядом с ним находились члены Военного совета Волховского фронта К.А. Мерецков и Л.З. Мехлис)². 3 января представитель Ставки ВГК отчитывается Верховному о ходе приготовлений к операции «Искра». Он отметил качество подготовки к наступлению командования 67 армии Ленинградского фронта (на дивизионном и армейском уровнях), которую лично проверял³. Отметил также и то, что командование 67-й и 2-й ударной армий уже согласовало план совместных действий, и в самом Волховском фронте к операции готовятся интенсивно. В конце попросил Сталина прислать в свое распоряжение «квалифицированного и авторитетного артиллерийского генерала» и «одного крупного инженера-фортификатора»⁴.

Повышенное внимание представителя Ставки к положению дел в 67-й армии накануне прорыва подтверждал в своих воспоминаниях и ее бывший командарм М.П. Духанов. Он писал, что Ворошилов (вместе с командующим Ленинградским фронтом Л.А. Говоровым и Первым секретарем города А.А. Ждановым) неоднократно заслушивал его доклады о состоянии вверенных ему войск⁵. Примерно в это же время представитель Ставки посетил 80 СД 8-й армии, где наблюдал за ходом учений [6, с. 23–24].

Через три дня Ворошилов направил Верховному главнокомандующему новый доклад, в котором утверждал, что об «Искре» противник пока «не смекает»⁶. Также он спрашивал у Сталина, будет ли удовлетворена его предыдущая просьба об отправке соответствующих специалистов и просил прислать еще и генерал-лейтенанта ВВС Г.А. Ворожейкина. Для какой именно цели ему нужны эти «военспецы» — маршал не сообщал, однако есть осно-

---

¹ ЦАМО РФ.Ф. 344. Оп. 5554. Д. 630. Л. 34 (об).

² ЦАМО РФ.Ф. 204. Оп. 89. Д. 1424. Л. 3.

³ Блокада Ленинграда в документах ... — С. 128–129.

⁴ Там же. — С. 129.

⁵ Духанов М.П. В сердце и в памяти. — Москва: Ленинград: Советский писатель, Ленингр. отд., 1965. — С. 233.

⁶ Блокада Ленинграда в документах ... — С. 129.

вания предполагать, что здесь он не был единственным заинтересованным лицом. Так, в письме к начальнику 4-го управления Центрального штаба партизанского движения Р.П. Хмельницкому от 26 февраля Ворошилов заявил о том, что Мерецков ждет его (Хмельницкого) приезда на фронт¹.

О деятельности маршала в период подготовки новой наступательной операции по деблокаде Ленинграда мы можем прочитать и в воспоминаниях Петрова. Там указано следующее: «В те дни К.Е. Ворошилов буквально не знал усталости. Его можно было увидеть то в одной, то в другой дивизии, чаще всего в поле, в походной обстановке. Он меньше задерживался в штабах, справедливо полагая, что в частях и соединениях сможет получить необходимую и более полную информацию об их боеготовности»². О частом посещении Ворошиловым боевых учений вспоминали заместитель командующего Волховским фронтом И.И. Федюнинский³, член Военного совета 67-й армии А.Е. Хмель⁴, командир 268 СД С.Н. Борщев⁵, командарм 2-й ударной армии В.З. Романовский⁶ и ряд других старших офицеров, принимавших участие в описываемых событиях. Один из них – командующий артиллерией 67-й армии И.М. Пядусов отметил особое внимание маршала к задачам, поставленным перед расчетами орудий прямой наводки в грядущем наступлении⁷. Другой – командующий 13-й воздушной армией С.Д. Рыбальченко – поведал о том, как Ворошилов обсуждал с ним координацию действий авиации двух фронтов⁸. В ЖБД 136-й стрелковой дивизии также имеются данные о посещении ее частей [6, с. 115].

10 января на Волховский фронт прибыл еще один представитель Ставки, а именно Г.К. Жуков. По его свидетельству, в

---

¹ РГАСПИ.Ф. 74. Оп. 2. Д. 94. Л. 89–89 (об).

² Петров М.И. В дни войны и мира. – С. 77.

³ Федюнинский И.И. Славная победа // Операция «Искра». – С. 44.

⁴ Хмель А.Е. Семь незабываемых дней // Операция «Искра». – С. 141.

⁵ Борщев С.Н. Бросок через Неву // Операция «Искра». – С. 204–206.

⁶ Романовский В.З. Действует 2-я Ударная... // Операция «Искра». – С. 237.

⁷ Пядусов И.М. Артиллерийский удар // Операция «Искра». – С. 299.

⁸ Рыбальченко С.Д. Крылатые помощники пехоты // Операция «Искра». – С. 289.

преддверии начала наступления, Ворошилов находился на Ленинградском фронте¹. С этого момента оба представителя Ставки ВГК будут увязывать свои действия друг с другом. 15 января Ворошилов докладывал Сталину о ходе операции и, в частности упомянул, что с 14-го числа находится в Ленинграде, по договоренности с Жуковым. Приблизительно в это же время заместитель Верховного посетил Северную столицу, где вместе с Ворошиловым, Говоровым и Мерецковым отработал план по очищению от немцев Кировской железной дороги, о чем и сообщил Верховному 20 января². О том, что маршал участвовал в такого рода совещаниях, писали и Петров, и Мерецков, правда, они относили данные собрания к разным периодам подготовки / проведения операции «Искра». Кроме упомянутого выше совместного заседания командующих двух фронтов, нам достоверно известно еще о двух подобных совещаниях 26 января и 4 февраля. Последнее проходило в штабе Ленинградского фронта, о чем свидетельствует ЖБД уже Волховского фронта³. Согласно информации из документа: Мерецков и Мехлис выехали в штаб к Говорову для «увязки вопросов взаимодействия» по вызову Ворошилова⁴.

Совещания командования обоих фронтов при участии представителей Ставки проходили на фоне все более нарастающих проблем для наших войск. После освобождения Шлиссельбурга 18 января наступление Красной армии увязло в хорошо подготовленной немецкой обороне. Сигнализировать о возрастающих проблемах для личного состава Ленинградского и Волховского фронтов Ворошилов начал уже 27 января. В своем донесении в Москву он сообщал, что на совещании от 26 января (на котором, помимо членов Военных советов обоих фронтов, присутствовали присланные по просьбе Ворошилова Ворожейкин и генерал-майор инженерных войск М.П. Воробьев) было принято решение еще раз попытаться прорвать позиции немцев под Синявином фронтальным ударом, с привлечением дополнительных резервов⁵. Однако 1 фев-

---

¹ Блокада Ленинграда в документах ... – С. 131.

² Там же. – С. 133.

³ ЦАМО РФ.Ф. 204. Оп. 89. Д. 1306. Л. 6.

⁴ Там же.

⁵ Блокада Ленинграда в документах ... – С. 133–134.

раля уже непосредственно Ставка ВГК (в лице Сталина и Жукова, который, судя по подписанным им документам Верховного командования, в этот момент возвращается в Москву) констатировала тот факт, что и новое наступление советских войск на этом участке провалилось¹. Теперь Ставка приказывала войскам Ленинградского и Волховского фронтов окружить Мгинско-Синявинскую группировку противника. Разграничительную линию между двумя фронтами она оставила без изменений (важно отметить то обстоятельство, что ее определение в компетенцию Ворошилова не входило, хоть ему и была поручена координация действий сил Ленинградского и Волховского фронтов).

Последовавшие вскоре бои за овладение станцией Мга и Синявинскими высотами ознаменовались для советских войск большими потерями и минимальным продвижением. В таких случаях, по меткому замечанию известного отечественного историка А.В. Исаева, когда завышенные ожидания советского командования от наступления себя не оправдывали, участники событий на страницах своих воспоминаний вместо описания хода боевых действий рассказывали подчас невероятные истории. И пролетарский характер маршала для подобного рода «постановок» подходил как нельзя лучше. Так, командарм 67-й армии М.П. Духанов вспоминал о попытке приехавшего представителя Ставки разобраться в текущей ситуации:

«— Но ведь войска несколько раз преодолевали огонь гитлеровцев и овладевали позициями на этом участке. Тут что-то не так, — возразил маршал.

Я молчал.

— Получается, как у старого хрена в рассказе Гоголя «Заколдованное место», — не вытанцовывается! Что вы намерены делать дальше?

— Посмотрю своими глазами, что там происходит, и тогда приму решение.

— Вот это дельно. Положение на своей карте оставлю без изменения. Уверен, заколдованное место преодолеете, ведь вы не

---

¹ Блокада Ленинграда в документах ... — С. 135–136.

старый хрен, – заключил К.Е. Ворошилов, рассмеялся, пожелал успеха и уехал»¹.

К концу последнего зимнего месяца накал боев несколько спал. Ворошилов в письме к своей жене от 25 февраля 1943 г. так отозвался о своих действиях в этот период: «О себе почти ничего сообщить не могу, так как за последнее время у нас наступил штиль. Живу я больше в машине – приходится переезжать с одной армии в другую и часто бывать в Ленинграде»². О днях прибывания Ворошилова в городе на Неве мы можем судить по журналу посещений кабинета Жданова. Согласно ему, маршал был у него 24, 29 декабря 1942 г., 3, 4 февраля 1943 г. и 16 и 26 марта этого же года³. 6 и 7 марта маршал был в Москве на приеме у Сталина⁴.

27 февраля вышла директива Ставки ВГК, подводящая итоги зимнего наступления в районе Ленинграда. В качестве главной причины провала наступательных действий на данном направлении была названа нескоординированность действий 67-й армии Ленинградского фронта и 2-й ударной армии Волховского⁵. Мерцкову предписывалось к 3 марта представить свои соображения о дальнейших операциях и характере взаимодействия с Ленинградским фронтом. Такое же задание получил и Ворошилов.

4 марта представитель Ставки предоставил в Москву свои соображения по новому плану ликвидации Мгинско-Синявинской группировки противника. Ворошилов в целом согласился с оценками обстановки военными советами и Ленинградского (заметив только, что местное командование переоценивает возможности своих стрелковых дивизий), и Волховского (которому, по мнению представителя Ставки, следовало бы немного изменить вектор наступления правого фланга 8-й армии) фронтов⁶. Закончил свой доклад маршал просьбой удовлетворить заявки фронтов по артиллерийским снарядам, так как грядущее наступление, по его мнению, следовало рассматривать, как артиллерийское.

---

¹ Духанов М.П. В сердце и в памяти. – С. 262–263.

² РГАСПИ.Ф. 74. Оп. 2. Д. 154. Л. 74.

³ Журнал посещений А.А. Жданова. 1941–1944 гг. – Санкт-Петербург: МОО «Национальный центр социальной помощи», 2014. – С. 218, 228–229, 232.

⁴ На приеме у Сталина. – С. 400.

⁵ Блокада Ленинграда в документах ... – С. 137–138.

⁶ Там же. – С. 138–139.

Через три дня Сталин приказал начать новое наступление – 14 марта. Координация действий обоих фронтов была опять возложена на Ворошилова. Последний же в предполагаемый день начала операции попросил об ее отсрочке на 4–5 суток из-за проблем с подвозом боеприпасов для Волховского фронта¹. Операция начнется 19 марта, а уже 1 апреля маршал будет ходатайствовать перед Верховным главнокомандующим об ее остановке из-за больших потерь при весьма ограниченных успехах. Впоследствии начальник отдела боевой подготовки Ленинградского фронта И.Ф. Никитин составил два отчета по итогам операции «Искра», в которых раскритиковал крайнюю скученность нашей пехоты на месте прорыва (когда комдивы на участке шириной 3–3,5 км размещают не 3–5 стрелковых батальонов, а 7–8), и долговременное отсутствие ротаций для подразделений, приводящее к тому, что стрелковые дивизии, не добившиеся успеха в полном составе, должны были снова пытаться выполнять одни и те же задачи после выбивания противником 3/4 своего личного состава². Эти, кажущиеся совершенно очевидными, ошибки так и не были исправлены представителем Ставки, несмотря на всю его опытность и энергичность. Как итог: первые семь дней операции «Искра» (с 12 по 18 января) стали одними из самых кровавых для Красной Армии за всю Великую Отечественную войну – около 70 000 убитых, раненых и пропавших без вести [6, с. 121], а командарм 67-й армии Духанов в марте этого же года своей должности лишился и остаток войны был заместителем у В.И. Чуйкова.

4 апреля Ворошилов покинул данный участок фронта, а на следующий день явится на прием к Сталину. Однако здесь надо отметить то обстоятельство, что маршал не перестал получать информацию об этом участке фронта. Так, в конце августа 1943 г. он получит письмо от генерал-майора Н.Е. Аргунова (ранее помогавшему Ворошилову выполнять поручение Государственного комитета обороны по контролю за формированиями новых подразделений), которого он просил еще в декабре 1942 г. информировать себя о происходящем на Волховском фронте. Аргунов своеобразно

---

¹ Блокада Ленинграда в документах ... – С. 141–142.

² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1258. Д. 200. Л. 15–16 (об).

выполнил данное поручение, рассказав в своем письме о событиях июля месяца¹.

Важным фактором этой последней поездки Ворошилова под Ленинград было то, что кроме него обязанности представителя Ставки исполнял еще и Жуков (пускай всего с 10 по 23 января). В это же время на Ленинградском фронте находилось шесть представителей Генштаба (помимо тех, кто был отправлен в армии обоих фронтов), с задачами от проверки взаимодействия разных видов войск до надзора за исполнением приказа № 306 (об одноэшелонном построении)². В нашем распоряжении нет данных о том, какие права и обязанности имели все эти лица. Соответственно, крайне сложно определить, кто из всего командного состава ответствен за успехи и провалы зимне-весенних наступательных операций на данном направлении. Сама же Ставка ВГК полагала, что у войск Ленинградского и Волховского фронтов отсутствует должный уровень координации действий, но самого Ворошилова в этом не обвиняла.

Освобождение Крыма

В последний раз Ворошилов исполнял обязанности представителя Ставки с 15 декабря 1943 г. по 19 апреля 1944 г. в Отдельной приморской армии на Керченском полуострове. Примечательно, что в данный период времени советским командованием готовилась операция по окончательному снятию блокады Ленинграда. Но на этот раз Сталин решил не привлекать Ворошилова к подготовке и проведению наступления, которое впоследствии будут называть «Первым Сталинским ударом», хотя последний и знал ленинградский участок фронта, как никто другой. Журнал посещений кабинета вождя зафиксировал последнее пребывание там Ворошилова перед отправкой в Крым, лишь 18 ноября³. Здесь оговоримся – в журнале имеется большая лакуна между 18 ноября и 15 декабря (запись есть только за 11 декабря). Тем не менее

---

¹ РГАСПИ.Ф. 74. Оп. 2. Д. 95. Л. 150–151.

² ЦАМО РФ.Ф. 217. Оп. 0001221. Д. 2866. Л. 1–2.

³ На приеме у Сталина. – С. 424.

можно предположить, что в данном случае Ворошилов не был заранее уведомлен о новом назначении.

На этот раз маршал сразу поехал на место назначения, одновременно с другим представителем Ставки ВГК, а именно начальником оперативного управления Генштаба С.М. Штеменко. Последний впоследствии вспоминал, что вместе с ними в Приморскую армию поехали два офицера Генштаба – полковник Л.М. Китаев и генерал-майор Л.А. Щербаков. Штеменко сообщал, что когда они все ехали на Керченский полуостров, Ворошилов устроил ему своеобразный экзамен на знание классических опер и русской литературы. На Керченском полуострове их уже ждали еще два офицера из Генерального штаба Красной армии¹. Одним из них был Н.Д. Салтыков; как и Штеменко, он после войны написал мемуары о деятельности маршала в качестве представителя Ставки в Крыму.

По воспоминаниям Салтыкова, Ворошилов по прибытии сразу поставил генштабистам задачу по проверке стрелковых дивизий Приморской армии². Затем он провел три совещания с командирами полков, дивизий и корпусов. Штеменко же поведал о том, как в первые недели своего пребывания в Крыму они вместе с маршалом заслушали доклады от командующего Приморской армии и Черноморского флота, а также побывали в расположении двух стрелковых корпусов. Но этим Ворошилов не ограничился – ему было необходимо быть непосредственно на передовой. Штеменко так комментировал это навязчивое желание Ворошилова: «он рвался в окопы, на передний край, хотя, по правде говоря, делать там ему было нечего»³.

22 декабря Ворошилов, Штеменко и Петров отправили Сталину план дальнейших операций войск Приморской армии⁴. Согласно воспоминаниям Штеменко, на совещании произошел кон-

---

¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед. Кн. 1. – Москва: Вече, 2014. – С. 284.

² Салтыков Н.Д. Докладываю в Генеральный штаб. – Москва: Воениздат, 1983. – С. 201–203.

³ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – С. 294.

⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–3). Ставка ВГК, 1943 г.: документы и материалы / под общ. ред. В.А. Золотарёва. – Москва: Терра, 1998. – С. 323–324.

фликт между Петровым и командующим Черноморским флотом Л.А. Владимирским по поводу роли флота в снабжении войск для грядущей операции. Тогда Ворошилов созвал большой совет, на котором присутствовали командиры как от Черноморского флота, так и от Приморской армии. По итогам этого совещания принято было решение послать о нем доклад Сталину. Ворошилов предложил подписаться под ним всем присутствующим офицерам (около десяти человек). Штеменко стал возражать против такого решения, аргументируя свою позицию тем, что Сталин хотел бы видеть под документом максимум три подписи – командующего, начальника штаба, члена военного совета (превышение «лимита» Верховный истолковал бы как попытку уйти от ответственности). Но Ворошилов смог настоять на своем, считая, что нельзя коллективное решение выдавать за единоличное¹. Приведённый случай достаточно красноречиво описывает неформальную сторону работы маршала в заявленном качестве; но есть ли в нашем распоряжении другой источник для проверки этих сведений?

В фонде Приморской армии в ЦАМО сохранился протокол совместного совещания военных советов армии и Черноморского флота с участием представителей Ставки ВГК, на котором рассматривался вопрос транспортировки войск и грузов через Керченский пролив от 25 декабря в городе Темрюк с подробным перечислением обязанностей всех сторон². Однако внизу текста их подписей нет, тогда как документ от 22 декабря был ими подписан. Данное обстоятельство может говорить о том, что уполномоченные Верховного командования не считали нужным расписываться на внутренних документах армии, оставляя тем самым местный ВС непререкаемым авторитетом в ее глазах.

10 и 22 января 1944 г. силами Отдельной приморской армии были произведены две десантные операции. Эти попытки советского командования выйти из позиционного тупика под Керчью провалились, и город пришлось брать лобовым штурмом. Ставка ВГК была недовольна таким ходом вещей и 27 января отправила Петрову и Ворошилову строгий наказ перенести центр тяжести

---

¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – С. 298.

² Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. 1. Роль Крыма в войне: документы и материалы. – Москва: ПрофМедиа, 2014. – С. 214–216.

боев из городской черты в открытое поле¹. Вскоре Сталин поменяет руководство Приморской армии – ее новым командующим станет генерал армии А.И. Ерёменко.

Спустя много лет после окончания войны Петров в интервью с писателем и бывшим фронтовиком В.В. Карповым скажет, что Ворошилов нес персональную ответственность за вышеупомянутые десантные операции, как их непосредственный организатор [4, с. 468–469]. Однако, по мнению исследователя Исаева, слова Петрова не подтверждаются архивными материалами – руководство Приморской армии начало вынашивать замысел обхода Керчи (который, собственно, и был предтечей вышеупомянутых десантов) еще до приезда представителей Ставки [1, с. 704–705].

Сам же Ворошилов в письме Хмельницкому от 6 февраля следующим образом комментировал январские неудачи советских войск: «дела у меня здесь затянулись и конца пока не видно. Народ здесь не совсем организованный, а немец довольно твердо держится, его нужно умело, сноровкою дать»².

Документально подтверждаются посещения маршалом разных частей и соединений Приморской армии. Первая такая поездка датируется 24 декабря 1943 г. Тогда представитель Ставки посетил дом командующего 16-м стрелковым корпусом К.И. Провалова, где провел совещание с командирами дивизий корпуса³. 8 февраля 1944 г. Ворошилов вместе с Петровым присутствовал на учениях 890-го горнострелкового полка⁴. Сохранилось свидетельство Штеменко о его совместной поездке с маршалом в расположение 9-й Краснознаменной пластунской дивизии, сформированной из кубанских казаков, во время которой последний снова проявил свой характер: «Мы несколько раз бывали на занятиях в этой дивизии. Однажды Климент Ефремович потребовал, чтобы все отправились туда верхом. Я пытался воспротивиться, доказывал, что совершенно ни к чему трястись на коне 20 километров, теряя драгоценное время. Но тщетно. Климент Ефремович заявил, что у ме-

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–4). – С. 37–38.

² РГАСПИ.Ф. 74. Оп. 2. Д. 94. Л. 91.

³ ЦАМО РФ.Ф. 849. Оп. 1. Д. 9. Л. 105.

⁴ ЦАМО РФ.Ф. 811. Оп. 1. Д. 45. Л. 27.

ня недостает понимания психологии казаков. Пришлось ехать»¹. Частыми были поездки Ворошилова в Москву. Согласно журналу посещений кабинета Сталина, маршал был у него: 21, 22, 28 февраля, 2, 9, 10, 13, 18, 21, 23 и 25 марта².

Нам неизвестно точное время отбытия Ворошилова в столицу и его возвращение на фронт. Его адъютант только указал, что маршал уехал в Москву во второй половине февраля³. По его же словам, Сталин приказал Ворошилову встретиться с другим представителем Ставки, а именно маршалом А.М. Василевским (курировавшим в тот период действия 3-го и 4-го Украинских фронтов), чтобы обсудить дальнейшие планы по освобождению Крымского полуострова. Встреча состоялась 29 марта в Кривом Роге⁴.

Впрочем, Ворошилов в это время занимался не только вопросами оперативного характера и проверкой боеготовности наших войск. Так, еще в декабре-январе 1943–1944 гг. он, вместе с Военным советом Отдельной приморской армии, предложил наркому путей сообщения Л.М. Кагановичу построить мост через Керченский пролив, о чем последний доложил Сталину⁵. А уже в марте к Ворошилову обратились с необычной просьбой: гражданка В.П. Коновницына в письме к нему назвала себя правнучкой генерала П.П. Коновницына – героя Отечественной войны 1812 г. и попросила увеличить ей пенсию. Он перенаправил ее обращение управляющему делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаеву, попросил назначить ей пенсию в 500 рублей в месяц⁶.

Можно с полным основанием считать период времени с декабря 1943 г. по апрель 1944 г. самым успешным для Ворошилова в должности представителя Ставки ВГК. И, хоть ему не удалось увидеть своими глазами полное освобождение Крыма, маршал продолжал интересоваться развитием Крымской наступательной операции. 17 мая 1944 г. он получил от ВС Отдельной Приморской

---

¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – С. 299.

² На приеме у Сталина. – С. 427–429.

³ Петров М.И. В дни войны и мира. – С. 12–128.

⁴ Там же.

⁵ РГАСПИ.Ф. 81. Оп. 3. Д. 308. Л. 97.

⁶ РГАСПИ.Ф. 74. Оп. 2. Д. 94. Л. 99.

армии доклад с краткой хронологией боев, произошедших после его отъезда¹.

Заключение

Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют точно сказать ни то, как принималось решение о назначении Ворошилова представителем Ставки – в дни своего назначения в кабинете Сталина его не было, – ни причины, по которым его могли внезапно снять с этой должности. В упомянутом постановлении Политбюро от 1 апреля 1942 г. хоть и говорилось, что маршал сам пожелал поехать представителем Ставки на Волховский фронт двумя месяцами раньше, но какими-либо еще данными, подтверждающими возможность выбора данной должности, мы пока не располагаем. Также сейчас не представляется возможным ответить на вопрос, почему человека, с июня 1941 г. находившегося (с перерывами) на Ленинградском направлении, на последнем этапе войны отправили на совершенно незнакомый ему участок фронта.

Ворошилов в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования, как правило, решал четыре типа задач. Во-первых, он проверял подготовку частей и соединений Красной армии (часто с выездом по месту их дислокации). Во-вторых, он проводил (а иногда и организовывал) совещания командного состава фронта / армии. В-третьих, он предоставлял Сталину доклады о текущем положении на фронте. В-четвертых, представлял перед Ставкой интересы местного руководства (например, о переносах срока наступления).

Определить степень ответственности Ворошилова за провалы советских войск и их успехи достаточно непросто. Во многом это явилось следствием того обстоятельства, что его функции как представителя Ставки ВГК не были должным образом определены. Сталин либо ставил ему задачу по оказанию «помощи» местному командованию, либо требовал от него «координировать» действия двух фронтов. Эти весьма расплывчатые формулировки оставляли большой простор для трактовок того, какие права и обязанности есть у представителя Ставки по отношению к местному

---

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. 1. – С. 256.

командованию. Открытым оставался вопрос и о том, несет ли представитель Ставки личную ответственность за неудачно проведенные операции. Лишь один раз Ставка ответила на него утвердительно. Трижды Сталин менял командование фронтов, где находился Ворошилов, но сам маршал в провалах операций не был обвинен ни разу.

Сталин предпочитал не разграничивать сферы обязанностей между Ворошиловым и другими представителями фронтов, Ставки или Генштаба, с которыми он должен был взаимодействовать. В результате роль Ворошилова сводилась к тому, что он был как бы еще одним членом Военного совета фронта / армии, посредником между Ставкой и местным руководством. На этой позиции Ворошилов приносил командованию наибольшую пользу, как мы могли видеть на примере его участия в боевых действиях под Ленинградом в начале 1943 г., когда он просил Сталина об отсрочке начала нового наступления для лучшей его подготовки или о поставке дополнительных боеприпасов. Таким образом, Ворошилов большую часть войны находился в положении, в котором он мог своей деятельностью оказать ограниченное содействие фронтовому или армейскому командованию в подготовке очередных наступательных операций, что практически лишало его надежды на реабилитацию после тяжелых поражений советско-финской и первых месяцев Великой Отечественной войн.

Этими провалами Ворошилов навлек на себя суровую критику со стороны Сталина [7, с. 50–53], но, судя по всему, не был ею сломлен. Уполномоченный Ставки мог проявлять инициативу в решении вопросов оперативного, интендантского или даже сугубо бытового характера, мог взять на себя функции арбитра, дабы уладить конфликт между теми или иными командующими. Впрочем, тогда же проявилась и другая черта маршала, заключающаяся в попытках показать окружающим свой высокий культурный уровень. Так, в 1943 г. Ворошилов упрекал бывшего помощника командующего Ленинградского фронта по формированию войск М.Т. Попова за 20 грамматических ошибок в письме и советовал ему воспользоваться услугами опытного преподавателя, чтобы помочь его грамматическому «горю»¹. Ворошилов мог обращаться

---

¹ РГАСПИ.Ф. 74. Оп. 2. Д. 94. Л. 24–25.

к своим подчиненным и по поводу совсем очевидных вещей, как то – понимают ли они значение снятия блокады с Ленинграда, или заставить их ехать верхом 20 км по бездорожью ради завоевания призрачного уважения в казачьей среде. Всё это указывает на своеобразную попытку (скорее всего даже неосознанную) представителя Ставки психологически ослабить таким образом удар по своему авторитету. Отсутствие специального военного образования и малого опыта руководства крупными военными объединениями Ворошилов компенсировал своей кипучей деятельностью, порой порождавшей забавные казусы.

Тем не менее Ворошилову удалось оставить после себя добрую память среди своих коллег, о чем свидетельствуют их весьма комплиментарные воспоминания о его деятельности в качестве представителя Ставки. Только благорасположение к его персоне окружающих офицеров могло гарантировать ему поддержание авторитета, что было особенно важно, учитывая всю «щекотливость» положения Ворошилова в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Битва за Крым 1941–1944 гг. / Исаев А.В., Хазанов Д.Б., Глухарёв Н.Н., Романько О.В. – Москва: Эксмо: Яуза, 2016. – 896 с.
2. Великанов Н.Т. Ворошилов. – Москва: Молодая гвардия, 2017. – 510 с.
3. Исаев А.В. Иной 1941. От границы до Ленинграда. – Москва: Яуза: Эксмо, 2011. – 416 с.
4. Карпов В.В. Полководец. Война генерала Петрова. – Москва: Вече, 2014. – 672 с.
5. Мосунов В.А. Битва за Ленинград – Неизвестная оборона. – Москва: Яуза: Эксмо, 2014. – 384 с.
6. Мосунов В.А. Прорыв блокады Ленинграда. Операция «Искра». – Москва: Пятый Рим, 2019. – 272 с.
7. Рогатых А.Д. И.В. Сталин и Верховное командование Красной армией в годы Великой Отечественной войны // Новый исторический вестник. – 2023. – № 3 (77). – С. 40–59.
8. Рубцов Ю.В. Сталинские маршалы в жерновах политики. – Москва: Вече, 2019. – 480 с.
9. Фицпатрик Ш. О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2021. – 528 с.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(415)"1086/1399"

DOI: 10.31249/hist/2024.04.04

БОГДАНОВА А.А.* «LIFE-AS-JOURNEY»: ИРЛАНДСКИЕ МОРСКИЕ НАРРАТИВЫ В ДОСТИЖЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ IRISH STUDIES¹

Аннотация. В центре внимания находится обзор последних результатов в изучении раннесредневековых ирландских Navigatio («Плаваний», др.-ирл. – Immrama) и морских нарративов в целом. Наиболее оригинальны исследования Дж. Смита и Э. Муллиган, а также ряда ученых, продолжающих разработку темы так называемого Иного мира и его атрибутов: мотивы волшебных птиц и позиции женских образов.

Ключевые слова: кельтология; раннесредневековые ирландские морские нарративы; плавание Святого Брендана; Иной мир.

BOGDANOVA A.A. «Life-as-journey»: Irish maritime narratives in the light of the recent contributions to the Irish Studies

Annotation: The review is dedicated to the newest contributions in the field of Irish Maritime Narratives' Studies and specifically of the Old Irish Immrama. In the light of the recent Celtic Studies' paradigms the most original research is provided by J.L. Smith and A. Mulligan; moreover, a research experience of 'the Otherworld theme' is still in

---

* © Богданова Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, преподаватель Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, младший научный сотрудник лаборатории урбанистики, Тюменский государственный университет; bognastia1996@gmail.com

¹ Работа осуществляется при поддержке гранта РНФ № 23-28-01592 «Феномен морских плаваний в культурах премодерна: контракт с морем, модели и практики».

‘the work in progress’ related to some details as the motif of miracle birds or Otherworld women figures.

Keywords: Celtic studies; early medieval Irish maritime narratives; the voyage of St Brendan; The Other World.

Для цитирования: Богданова А.А. «Life-as-journey»: ирландские морские нарративы в достижениях современных irish studies (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 63–73. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.04

Дискуссии относительно правильного истолкования морских ирландских нарративов не утихают. В кельтологической мысли последних 30-ти лет, как нам представляется, были разработаны два подхода (с принятием комплексной природы данных текстов). Первый оперирует трактовками *Navigatio* как своеобразных *journey-of-life*, где морское путешествие – способ трансформации и личного роста героя, и за физическими лишениями неотвратно следует духовно-моральное совершенствование. Классической работой здесь мы считаем статью М. Агирре [5]. Современные авторы, вспоминая достижения У. Тралла и Дж. Вудинга, трактуют *Immrama* как «путь верующего по жизни», *self-posed exile*¹. Неслучайны и метафоры жизни человека как полета птицы у Беды², в

---

¹ Ср.: Э. Гросу: «Море (помимо того факта, что вода – символ очищения) может быть рассмотрено в качестве символа земной жизни, дороги, которую мы должны преодолеть на пути к небесному Дому» [10, р. 18]; А. Варандас: «Определенный опыт, который святые путешественники подобным образом обретают на морских просторах, опасный и желанный одновременно, символизирует результат пройденных испытаний человеческой души в течение жизненного пути и заслуженную награду райского блаженства» [20, р. 425]. Там же указан и тезис Дж. Вудинга об *Immrama* как светского восприятия метафоры *life-as-journey*, корни которой лежат в монастырском концепте морского паломничества и в ирландском пенитенциальном праксисе – понимании моря как средства наказания и искупления. Источником его называют либо августинскую традицию (А. Варандас, Э. Гросу), либо Св. Колумбана (Ф.С. Корандей, Дж. ДиАнжелло).

² «Вот как сравню я, о король, земную жизнь человека с тем временем, что неведомо нам. Представь, что в зимнюю пору ты сидишь и пируешь со своими приближенными и советниками... И вот через зал пролетает воробей, влетая в одну дверь и вылетая в другую. В тот краткий миг, что он внутри, зимняя стужа не властна над ним; но тут же он исчезает с наших глаз, уносясь из стужи в стужу. Такова и жизнь людская, и неведомо нам, что будет и что было прежде» [1, с. 141].

которых С. Дисалво видит «переходы между человеческим миром и запредельным; необузданное, дикое и вместе с тем сакральное или, по крайней мере, сверхъестественное» [8, с. 141].

В той же парадигме рассуждает и Дж. ДиАнжело, сторонник комплексного изучения данного феномена, когда находит в «Плавании Майль-Дуйна» модель становления образцового христианина [7, р. 92].

Второй подход исходит из разработок исследователей, видящих в Immrama отражение различного рода практик раннеирландского социума, в последнее время – именно христианских: паломничества и литургики. Как сказал Ф. Ианелло, плавание – аллегорический путь и одного монаха, и церкви (ирландской?), и всего христианского мира: «Хотя Nav. основано на идее монашеской общины и сожития, но и недостатка в упоминании анахоретов и отшельников нет... Впрочем, нет и достаточно исчерпывающих доказательств в пользу того, что Nav. существенно смоделировано на основе монашеских архетипов... скорее, оно являет собой литературную репрезентацию постепенного перехода через аллегорические и символические этапы единого христианского мира к святости» [11, р. 18].

Тему паломничества развивает А. Варандас и Дж. ДиАнжело, подтверждая полисемантическую древнеирландского *ailithre* в зависимости от его целей и функций¹. Последний видит в «Плавании Уа Корра» именно пенитенциальное *ailithre*, несмотря на имеющееся противоречие в начале истории, где есть намек на паломничество в созерцательных целях², с поправкой на допущение, что автор повести вряд ли вообще различал мотивацию «поиска неизвестного и поиска спасения». Последующий тезис ДиАнжело о том, что христианско-этический посыл «Плавания Майль-Дуйна» необязательно связан с пенитенциальным паломничеством (и, в целом, коннотации Immrama с феноменом *ailithre* иногда могут быть поверхностными и обманчиво очевидными), не менее за-

---

¹ Это давно доказано рядом специалистов, из последних см.: Ф.С. Корандея [2], Ф.Д. Прокофьева [4, с. 14]; плодотворно работает Дж. Вудинг.

² «Однажды пришли они к самой гавани и наблюдали за солнцем, клонящимся к западу, и дивились его ходу. 'В какую сторону идет солнце, когда оно под водой?' – спросили они себя. – И что может быть удивительней, чем море безо льда, когда любая другая вода покрывается льдом?' » [3, с. 137].

нимателен в свете вышеупомянутой активизации темы и, казалось бы, прочной аргументации обратного у ряда кельтологов ранее [7, р. 87, 90].

Часть исследователей продолжает изучать *liturgical timing* (С. Дисальво) путешествия Святого – Immrama также все больше вовлекаются в поиски литургической семантики. Интересно взглянуть, как данный процесс влияет на интерпретации отдельных мотивов, например с птицами. С. Дисальво видит в них типичные общехристианские символы и аллегории, в то время как Э. Эхнер в своей магистерской диссертации старается нарочно абстрагироваться от них в пользу фольклорной и мифологической составляющей, в частности на универсальном функционализме образов птиц в качестве медиаторов Иного мира [9, р. 50].

Впрочем, важно подчеркнуть, что, какую бы позицию не занимали специалисты, они делают это с полным пониманием и принятием комплексной природы Navigatio, Immrama и прочих ирландских *seafaring discourses* – главным достижением, как нам представляется, споров второй половины прошлого века. Острова в равной степени заключают в себе и землю обетованную, «землю святых», и место наказания грешников, и цель миссионера, и последние архаические осколки «кельтского» Иного мира [7, с. 90].

Встреча св. Брендана и Колумба в культурно-ментальном пространстве инсулярности

Взгляд Дж. Смита оригинален – он не уходит ни в источниковедческий, ни в литературно-текстологический, ни в исторический анализ, но применяет к Navigatio сугубо теоретико-абстрактное, можно даже сказать философское, рассмотрение его как составляющей *literally islescape*. Согласно данной концепции, океан, море – некое общее пространство, по которому циркулируют идеи и образы, превращающее острова в активных носителей и трансляторов свойственных им культурных кодов, способных преодолевать всевозможные географические и временные ограничения и, в определенном смысле, существовать вне их [18, р. 60, 63]¹.

---

¹ «В этой статье я нацелен дать обобщенное понятие литературного *islescape*... «Море островов» зачастую выступает против типичных средневековых и нововременных представлений о ландшафте, посредством культуры оно

Этот феномен острова как культурного хранилища, самоидентификации его обитателей и «медиатора» входит в современный научный дискурс под обозначением «инсулярности» (*insularity*); а морское (океаническое) пространство, разделяющее и коннектирующее одновременно, – *islescape*; успешное функционирование внутри него интеллектуальных потоков Дж. Смит остроумно называет «интеллектуальным колониализмом» (*intellectual colonialism*). Таким образом, формируются краеугольные понятия новой терминологии в схемах и штудиях об «инсулярности» Э. Хау'офа, Ж. Абу-Луход, Я. Собески, П. Хордена и Н. Парцелла, Дж. Смита, с недавних пор – и Ш. Мак Махуны¹.

Как история *Navigatio* приняла вневременной характер, или обрела способность передавать свои смыслы сквозь время (*temporal connection*)? Дж. Смит предлагает несколько положений. Во-первых, часть локусов и мест назначения недоступно априори для читателя, иногда – даже для самих героев. Здесь Смит интересно привлекает достижения христианского направления, в рамках которого библейские паттерны *Navigatio*, в том числе ветхозаветные топографические маркеры, достаточно подробно изучены.

Во-вторых, огромное количество редакций и переводов *Navigatio*, подобных немецкому *Reise-fassung*, самим фактом своего существования служат доказательством поразительной способности традиции о Брендане к ретеллингу, рецепции и постоянной генерации новых интерпретаций [18, p. 66].

Подобное становилось причиной сильного ментального воздействия средневековых географических концептов на общества

повсеместно генерирует ощущение домашнего уюта, создает объединяющую гостеприимную среду, которая все еще пребывает с нами и продолжает связывать нас сквозь огромные пространства, как в физическо-материальном, так и в интеллектуальном смысле. Лучше сказать об этом, скорее, как об умозрительном море островов, нежели как о картине изолированных, одиночных идей, затерянных в глубинах времени и пространства... Труд Э. Хау'офа заставляет нас отойти от концепции островов в море, как их воспринимала средневековая культура, и посмотреть на море островов, где истории сближают. Конечно, это далеко не тот мир, в котором все связи налажены без помех и преград, но это определенно то место, где чувство общности и гостеприимства торжествует над отчужденностью» [18, p. 60].

¹ Все указанные авторы процитированы в статье Дж. Смита [18]. О Ш. Мак Махуне см. его последние работы [15].

эпохи премодерна – и «Остров Св. Брендана» продолжал фиксироваться на картах XIV в. Восприятие современниками *Navigatio* «скорее как основанного на фактах прото-маршрута, а не мифа» конструировало схемы фронта (термин, на наш взгляд, уместный, но Дж. Смитом не используемый), который постепенно продвигался на запад Атлантики. Пространство за пределами фронта всегда позиционировалась как неизведанное и отчасти недостижимое – именно в тех образах и смыслах, что видел и св. Брендан.

Immrama и социально-гендерное измерение

Еще в 2003 г. Элма Джонстон предложила интерпретацию «Плавания Майль-Дуйна» как некой «социальной лаборатории» (*social laboratory*). Несмотря на то, что социальный контекст, который, безусловно, глубоко сокрыт в данных текстах, не был в полной мере конкретизирован ею¹, подобный вектор не лишен перспектив.

Совершенно иначе построен труд Эми Муллиган, которая не только ставит во главу угла социально-гендерные вопросы, но и ставит для их решения реальный педагогический эксперимент². В ходе его проведения разным группам студентов было предложено чтение скандинавских или ирландских морских нарративов с

---

¹ Главная мысль автора была, скорее, в интерпретации «Плавания» как отклика автора-монаха на упадок и моральное разложение ирландской церкви IX в.

² Что не отменяет того обстоятельства, что некоторые попытки задействовать информацию из раннесредневековых текстов для понимания и решения гендерных проблем современного общества кажутся нам несколько прямолинейными [16, р. 148]. Конечно, привлечение актуальной повестки благоприятно для поддержания интереса к тематике «Плаваний»; однако не стоит забывать об их сложном историко-культурном наполнении, сформированном и востребованном во многом только в рамках раннесредневековой ирландской монастырской среды. Аналогичных замечаний не лишено и утверждение Э. Себо о том, что вызовы ковидной ситуации могут заставить профессионалов и широкую аудиторию обратиться к Immrama в качестве опыта преодоления длительной изоляции [17]. Подчеркнем также, что разнообразие женских и маскулиных репрезентаций не должно быть ограничено сугубо материалом морских нарративов, их изучение требует широкого источниковедческого кругозора; определенных успехов в этом плане добилась Лиза Бител (Lisa Bitel). См. также недавнюю статью Э. Беккуса, известную Э. Муллиган [6].

задачей оценки линий поведения и возможностей женских и мужских персонажей.

Следуя за оценками своих учеников о женских репрезентациях в «Плаваниях» как более закрытых и второстепенных по сравнению с исландскими, в происхождении Майль-Дуйна Э. Муллиган, как и некоторые ученые до нее [14], видит метафорическую суть насильственного союза монахини и войны. Ее толкование схоже с тезисами М. Агирре и Э. Джонстон [5; 13] о заложенном таким образом конфликте духовного и низменно-первобытного, а в сакральном измерении – христианского и светского, внутри самого героя. Автор анализирует в повествовании женское и мужское строго обособленно, подчеркивая, например, что акт насилия над аббатисой не влечет никакой юридической или общественной санкции, кроме сюжетного намека, что Айлиля, ее насильника, вскоре настигает страшная смерть в церковном пожаре. В то же время именно эта смерть, смерть отца, служит поводом для кровной мести и двигает повествование дальше [16, p. 140].

Гендерные нарративные роли женских персонажей ограничены, закрыты, в том числе в лиминальной зоне, какой и предстает Остров женщин; их положение статично, они «заперты» в своем Ином мире: «Реакция королевы <с Острова женщин> на происходящее много говорит нам о женской жажде роста, перемен, деятельности и активности, неудовлетворение которой ведет к фрустрации... С. Кляйн: “Весь окружающий мир, не поощряющий у женщин-изгнанников склонность к движению, как будто сговорился, чтобы поймать их в ловушку, заточить ее в месте, где каждая деталь создана для ограничения и пресечения любых перемещений”. Королева и ее дочери... не пытаются задействовать искусство кораблестроения и навигации, которые помогли бы им покинуть остров и устремиться в погоню за желаемым, таким образом, состояние загнанности и стазиса, топографически подчеркнутое, усиливается» [16, p. 141, 143]. Это созвучно выводам М. Агирре об «импотентном Ином мире» (*sterile Otherworld*), хотя роль женских фигур в сюжете ученый анализирует в несколько другом ракурсе [5]. Согласно его теории, в «Плавании» картины Иного мира разворачиваются постепенно, остров за островом, и позиции героинь тоже подчинены данному генеральному авторскому замыслу: сначала путники встречают одну девушку, и тут

же их отбрасывает в море (эп. XVII); затем следует более проработанный эпизод со стеклянным мостом и его хозяйкой (структура его идентична первому), наконец, Остров женщин – центр сил Иного мира на пути Майль-Дуйна, после которого влияние мифических локусов идет на спад и уступает место христианской тематике. Подобные обнаруженные нами различия лишней раз показывают, насколько семантически и семиотически «Плавания» многослойны, и что общий методологический подход вовсе не сужает диапазон возможных интерпретаций.

***

В заключение отметим, что состав группы *Immrama* в исследовательском дискурсе продолжает быть нестабильным. В то время как у ученых сформировалось некое понимание «ядра» из четырех текстов, многогранная общая проблематика, тем не менее, крепко связывает их с *Navigatio Sancti Brendani* и еще одной группой – *Eachtra*¹. Ряд работ, рассматриваемых здесь, посвящен именно *Navigatio*, которое все еще иногда позиционируется как «латинское *imram*» [20, р. 425; 7, р. 85; 12; 19]. Однако опыт споров вокруг дефиниции дает о себе знать, и кельтологи неизменно подчеркивают ряд особенностей *Brendanian*'ы и ее совершенно иной уровень изучения и масштабной историографии; равно как и *Eachtra* неизменно обособляются по двум критериям – их принадлежности к «мифологическому и псевдоисторическому контексту» и полной концентрации на цели – таинственном *Otherworld*.

Помимо продолжения «традиционных» направлений отрадно видеть попытки применения нестандартных подходов, поиск соприкосновения методологических и терминологических новшеств с материалом древних морских нарративов – и в итоге благодаря этому выйти далеко за пределы кельтологии, темы и проблемы которой все еще остаются довольно специфическими и доступными узкому профсообществу. Работы Дж. Смита и Э. Муллиган достаточно наглядно показывают возможные перспективы выхода на широкие компаративные исследования «инсулярности»

---

¹ Дж. ДиАнжело объединяет в одну группу четыре *Immrama*, *Navigatio*, эпизод с Патриком и Мак Куйлом и «Житием Св. Колумбы» в изложении Адамнана [7, р. 86].

и семантики океанического пространства, или раскрытия дополнительных смыслов текста посредством проведения реальных педагогических и социальных экспериментов.

Список литературы

1. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / пер. с лат., ст., примеч., библиогр. и указ. В.В. Эрлихмана; отв. ред. С.Е. Федоров. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 361 с. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Beda_Dostopochtennyj/tserkovnaja-istorija-naroda-anglov/#source (дата обращения: 30.03.2024).
2. Корандей Ф.С. Паломничества в раннесредневековой ирландской традиции: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Тюмень, 2005. – 192 с.
3. Плавание Уа Корра / пер. Т.А. Михайлова, А.М. Рудычева // Атлантика: Записки по исторической поэтике. О чудесных островах в средневековой ирландской традиции. – Москва: Макс Пресс, 2016. – Вып. 13. – С. 129–148. – URL: <https://istina.msu.ru/download/31003938/1fELgr:WUZB0Xmelkn261DMCjELq18Cn-w/?ysclid=luuhhwc8wq603591521> (Дата обращения: 30.03.2024).
4. Прокофьев Ф.Д. Феномен peregrinatio и его преломление в раннеирландской литературной традиции: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Москва, 2012. – 522 с.
5. Aguirre M. The hero's voyage in Immram Curaig Mailduin // Études Celtiques. – 1990. – Vol. 27. – P. 203–220. – URL: https://www.persee.fr/doc/ecelt_0373-1928_1990_num_27_1_1930 (дата обращения: 30.03.2024).
6. Bekkhus E. Men on Pilgrimage – Women Adrift: Thoughts on Gender in Sea Narratives from Early Medieval Ireland // Gender in Medieval Places, Spaces and Thresholds. – London: University of London Press, 2019. – P. 93–106. – URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctv9b2tw8.13> (дата обращения: 30.03.2024).
7. DeAngelo J. Imitating Exile in Early Medieval Ireland // Outlawry, Liminality, and Sanctity in the Literature of the Early Medieval North Atlantic. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. – P. 69–104. – URL: <https://doi.org/10.1515/9789048534593-004> (дата обращения: 30.03.2024).
8. Disalvo S. Unde sunt aues istae?: Notes on Bird-Shapeshifting, Bird Messengers, and Early Medieval Hagiography // Shapeshifters in Medieval North Atlantic Literature. – Amsterdam: Amsterdam univ. press, 2018. – P. 127–154. – URL: <https://doi.org/10.1515/9789048535132-008> (дата обращения: 30.03.2024).
9. Eichner E.S. Magical birds as a link between the Mabinogion and other Celtic Literature: facts and fancies. Thesis submitted for the degree of Master of Arts // Academia. – The University of Wales Trinity St. David, 2018. – P. 46–55. – URL: https://www.academia.edu/109879209/Magical_birds_as_a_link_between_the_Mabinogion_and_other_Celtic_literature_facts_and_fancies?uc-sb-sw=37924017 (дата обращения: 30.03.2024).
10. Grosu E. Navigatio Sancti Brendani Abbatis: Allegory of the Characters // Transylvanian Journal of Multidisciplinary Research in Humanities. – 2017. –

- Vol. 22 (1). – P. 7–18. – URL: https://www.academia.edu/33837497/NAVIGATIO_SANCTI_BRENDANI_ABBATIS_ALLEGORY_OF_THE_CHARACTERS (дата обращения: 30.03.2024).
11. Iannello F. Brendano di Clonfert homo religiosus e homo viator // *Fortunatae: Revista canaria de Filología, Cultura y Humanidades Clásicas*. – 2010. – N 21. – P. 9–25. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4276660> (дата обращения: 27.03.2024).
  12. Ireland D. 'Without blinding darkness': The imagery of divine light in 'Nauigatio Sancti Brendani' // 37 th Annual University of California Celtic Conference. – 2015. – URL: https://digitalcommons.providence.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=theology_students (дата обращения: 30.03.2024).
  13. Johnston E. A sailor on the seas of faith: the individual and the church in The voyage of Máel Dúin // *European encounters: essays in memory of Albert Lovett*. – Dublin: Univ. College Dublin, 2003. – P. 239–252.
  14. Key H.C. *Otherworld Women in Early Irish Literature*. – Amsterdam University Press, 2023. – URL: <https://www.jstor.org/stable/jj.2354059> (дата обращения: 30.03.2024).
  15. Mac Mathúna S. Ireland and the Immrama: An Enquiry into Irish Influence on Old Norse-Icelandic Voyage Literature. – München: Münchner Nordistische Studien, 2021. – 190 p.
  16. Mulligan A.C. Seaworthy: Irish Immrama, Old Norse Voyage Tales, and the Women of the North Atlantic // *The Medieval North and Its Afterlife: Essays in Honor of Heather O'Donoghue*. – Berlin; Boston: Medieval Institute Publications, 2024. – P. 135–150. – URL: <https://doi.org/10.1515/9781501516597-013> (дата обращения: 30.03.2024).
  17. Sebo E. Exiles: Medieval Experiences of Isolation // *Neophilologus*. – 2023. – Vol. 107. – P. 83–84. – URL: https://www.researchgate.net/publication/364337999_Exiles_Medieval_Experiences_of_Isolation (дата обращения: 30.03.2024).
  18. Smith J.L. Brendan meets Columbus: A more commodious islescape // *Our Sea of Islands. New Approaches to British Insularity in the Late Middle Ages* / Ed.: M.B. Goldie, S. Sobecki. – Palgrave Macmillan, 2023. – P. 59–71. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-46405-8> (дата обращения: 30.03.2024).
  19. Thrall W.F. Clerical Sea Pilgrimages and the Imrama // *The Manly anniversary studies in language and literature*. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1923. – P. 276–283.
  20. Varandas A. The sacred space of gods and saints: Some considerations about the sea and exile in Irish mythology and tradition // *Creating Through Mind and Emotions*. – 2022. – P. 423–428. – URL: https://www.researchgate.net/publication/363024880_The_sacred_space_of_gods_and_saints_Some_considerations_about_the_sea_and_exile_in_Irish_mythology_and_tradition (дата обращения: 30.03.2024).

УДК 94(47).084.6; 94(510).092

DOI: 10.31249/hist/2024.04.05

КАЗЛИТИН М.Д.* ТАЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГОМИНЬДАНА В ПУБЛИКАЦИЯХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (2011–2021)

Аннотация. Обзор представляет собой анализ современных исследований китайских авторов о тайных организациях Гоминьдана за последнее десятилетие. Автор подробно рассматривает различные работы, посвященные этой теме, и выделяет основные направления исследований, подходы к анализу и ключевые выводы. Основное внимание уделяется изменениям в исследованиях данной тематики за последние десять лет, выявляются тренды и новые подходы к изучению тайных организаций Гоминьдана.

Ключевые слова: Гоминьдан; тайные общества Гоминьдана; общество Голубых рубашек; КПК; Чан Кайши.

KAZLITIN M.D. Secret organizations of the Kuomintang in publications of Chinese researchers (2011–2021)

Abstract. The overview is an analysis of recent studies by Chinese authors on secret organizations of the Kuomintang over the past decade. The author examines various works dedicated to this topic in detail, highlighting the main research directions, approaches to analysis, and key findings. The main focus is on changes in research on this topic over the past decade, trends and new approaches to studying secret organizations of the Kuomintang are identified.

Keywords: Kuomintang; Kuomintang secret societies; Blue shirt society; CCP; Chiang Kaishi.

Для цитирования: Казлитин М.Д. Тайные организации Гоминьдана в публикациях китайских исследователей (2011–2021). (Обзор) // Соци-

---

* © Казлитин Михаил Дмитриевич – магистр (1 курс) Института стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ); kazlitin.mik@yandex.ru

альные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 73–83. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.05

Количество исследований, посвященных тайным обществам Национальной партии Китая, невелико. В российском китаеведении и западной синологии данная тема не получила должного внимания. Основным источником информации по этой теме являются работы китайских ученых и исследователей. Проблема изучения данной тематики заключается в том, что большой массив информации был уничтожен участниками данных организаций, а то, что осталось, хранится как правило в недоступных для исследователей коллекциях и архивохранилищах.

Одной из центральных работ за период 2011–2021 гг. можно назвать статью китайского исследователя Сюй Ювэя. Данная работа ставит перед собой цель обозначить проблемные вопросы в изучении ранней истории тайного «Общества практики трех народных принципов» («Саньминьчжун Лисиншэ», или просто «Лисиншэ»). Сюй Ювэй также проводит достаточно тщательный анализ биографии одного из участников организации «Общества практики трех народных принципов» – Сю Ляна – на основе книги «Десять лет назад» (Шиняньцзянь, 十年前), написанной Сю в 1942 г. В первой части автор указывает на проблему нехватки или отсутствия источников. Основное количество документов Общества хранится у родственников его участников и в частных коллекциях, часть – в архивах Разведывательного управления Тайваня и Комитета по партийной истории Центрального комитета Китайской национальной партии в Тайбэе [5, с. 141].

Во второй части Сюй Ювэй разбирает саму личность Сю Ляна, коротко повествует о его биографии до 1931 г., когда была образованная контактная группа «Десяти» (Шижэньтуань, 十人团), возглавляемая одним из лидеров «Лисиншэ» и лидером «Десятки» – Дай Ли. Также повествуется о знакомстве Сю с Даем и их продвижении по партийной линии. Отрывок с биографией Сю Ляна был основан на сочинении самого Сю «Десять лет назад» [5, с. 141–142].

В третьей части автор обозначил главные проблемы данной тематики. Во-первых, это то, что названия контактной группы: «Шижэньтуань», «Мичацзу» (密查组), «Шижэнь ляньюлоцзу»

(十人联络组), «Дяоча тунсюнь сяоцзу» (调查通讯小组) и другие варианты вводят в заблуждение исследователей. Название «Ши-жэньгуань» появилось лишь в 1942 г., в этот же год было написано Сю Ляном произведение «Десять лет назад». И так как Сю, участник данного общества, в своих записях употреблял слово «Ши-жэньгуань», то вопрос о подлинном названии контактной группы не может вызывать сомнений. Во-вторых, даты создания контактной группы. Сюй Ювэй, ссылаясь на записи другого члена «Десятки», утверждает, что указанная Сю Ляном дата – ноябрь 1931 г. – находится под вопросом. Поэтому, как считает автор, более точная дата – 28 декабря 1931 г., так как она упоминалась в дневнике другого участника «Десятки». В-третьих, вопрос членства в «Десятке». Сюй Ювэй в своем исследовании называет семь точных участников группы (Дай Ли, Хуан Юн, Сюй Лян, Чжан Яньюань, Тан Цзун, Чжэн Силинь Ван Тяньму) и три участника, чьё членство вызывает сомнения (Цао Хуэйсянь, Чжоу Вэйлун и Ху Тяньцю). В-четвертых, вопрос о деятельности организации, которую исследователь разделяет на внутреннюю и внешнюю. В-пятых, вопрос об условиях жизни членов общества. Выясняется, что почти все участники жили довольно скромно и бедно. Автор аргументирует это, приводя в пример стиль жизни Дай Ли и Сю Ляна. В-шестых, вопрос о некоем господине Чжан Гуаньфу, который как-то связан с Дай Ли. В-седьмых, жизнь и обстановка в «Десятке» во время Первого Шанхайского сражения с японцами 28 января 1932. Сюй Ювэй правильно замечает, что эссе в основе своей посвящено деятельности Дай Ли [5, с. 142–145].

Ещё одной примечательной работой по тематике тайных организаций Гоминьдана является статья Чжан Цзинсуна. Автор ставит перед собой задачу рассмотреть различные меры, принятые Чан Кайши, для централизации Китая после его объединения в 1928 г. Организация «Лисиншэ» стала одной из центральных тем исследования. В 1928 г., после Северного похода, Поднебесная, по мнению лидеров Гоминьдана, наконец-то объединилась. Тем не менее в стране существовали различные проблемы, которые нужно было решать немедленно. Одна из них – беспомощность и разложение партии, и решение данной проблемы виделось её лидерам лишь в радикальной перестройке, которая должна вызвать минимальные потрясения внутри Гоминьдана. Цель – сформировать

тайное объединение лучших молодых людей из академии Вампу, чтобы на основе принципов демократии и централизации создать внутрипартийную организацию, которая была бы единой в воле, строгой в дисциплине, ответственной и оперативной в действиях, с целью создания духовной основы партии, реформирования политики, пробуждения народа и, в конечном счете, «возрождения китайской нации». Чан Кайши, как пишет автор, поддержал подобную инициативу, потому что он также видел в этой проблеме экзистенциальную угрозу существования не только партии, но и Китая [7, с. 75].

15 декабря 1931 г. Чан Кайши ушел в отставку. Автор пишет, что произошло это из-за поражения во внутрипартийной борьбе, хотя основная причина – захват Японией Маньчжурии в результате Мукденского инцидента в сентябре 1931 г. Этим воспользовались противники Чан Кайши внутри партии, а именно Ван Цзинвэй и Ху Ханьмин, потребовавшие отставки генерала [4, 192]. Чан Кайши верил, что причина поражения – отсутствие у него независимости и свободы действий. Автор утверждает, что именно по приказу Чан Кайши в конце февраля 1932 г. Тэн Цзе, Хэ Чжунхань, Лю Цзяньцзюнь, Кан Цзэ и Дай Ли организовали «Общество практики трех народных принципов» (三民主义力行社) [7, с. 75].

Чжан Цзинсу пишет о структуре «Лисиншэ», разделяя организацию на три уровня. Первый и самый большой по численности уровень – «Общество возрождения Китая» (Чжунхуа фусиншэ, 中华复兴社), его члены занимались только выполнением приказов сверху. Второй, исполнительный уровень – «Общество товарищей-революционеров» (Гэмин цзюньжэнь тунчжихуэй, 革命军人同志会) и «Общество молодежи-революционеров» (Гэмин циньнянь тунчжихуэй, 革命青年同志会). Члены данных обществ, по-видимому, занимались тем, что передавали приказы с высшего уровня на первый и следили за их исполнением. Наконец, «Общество практики трех народных принципов» было высшим уровнем принятия решений и командования. Здесь находилась элита Общества, руководителем которого был сам Чан Кайши [7, с. 75].

В своей работе китайский исследователь также упомянул «СС Clique» (Central Club Clique) – тайный клуб, организованный братьями Чэнь Гофу и Чэнь Лифу по указанию Чан Кайши. Целью клуба, по-видимому, была слежка за деятельностью КПК, подго-

товка различных кампаний против нее и внедрение своих членов внутрь Гоминьдана с целью выявления агентов Компартии [7, с. 75]. В 1938 г. клуб был переименован в «Центральное управление информации» (Чжунтун). Нетрудно заметить, что главным ориентиром Клуба была борьба с коммунистами в Китае. Однако «Лисиншэ» также придавала большое значение этой проблеме, что вызывает вопросы о их возможном конфликте или соперничестве. Скорее всего, члены Клуба также входили в состав «Лисиншэ» либо находили способ взаимодействовать друг с другом. Возможно, их посредником был сам Чан Кайши, однако точных сведений по этому вопросу нет.

Подтверждает информацию о структуре организации «Лисиншэ» в своей статье дочь одного из участников этого сложноустроенного общества – Дэн Юаньюй. «Лисиншэ» действительно состоял из трех уровней, однако существовал интересный принцип секретности: члены первого уровня не знали о существовании второго и, тем более, третьего. Члены же второго уровня прекрасно были осведомлены о первом, но ничего не знали о третьем. Третий же уровень, как уже было сказано, это командование – основные и постоянные члены организации, которые знали обо всем и отвечали за все [2, с. 14].

Работа Дэн Юаньюй также отлично раскрывает взаимодействие между членами «Лисиншэ». Идея создания такой тайной организации зародилась еще в 1931 г., до Мукденского инцидента. Автор пишет, что именно Тэн Цзе и Сяо Цзань сформулировали концепцию организации и план действий. «Лисиншэ» должна была набирать новые кадры за счет кадетов академии Вампу [2, с. 13–14]. Дэн Вэньи стал одним из первых членов организации, потому что он был секретарем Чан Кайши, чиновником из провинции Хунань и бывшим кадетом Вампу. Дэн владел книжной лавкой «Бати» и выделял деньги на нужды «Лисиншэ» [2, с. 14]. На них (примерно 300 серебряных юаней) члены организации арендовали три комнаты для проведения собраний и работы. Скорее всего, этот дом находился в столице Китайской Республики – Нанкине [2, с. 13]. 1 марта 1931 г. считается днем основания организации, но также и днем, когда 40 будущих членов, как пишет автор, приняли присягу. В этот день было также выбрано название организации – «Общество практики трех народных принципов», которое предло-

жил Тэн Цзе. Дэн Юаньюй также пишет, что 1 марта, после присяги, каждый член организации проголосовал за основные должности в Обществе, результаты голосования были запечатаны и переданы Чан Кайши. Генерал же, для того чтобы распределить роли между участниками организации, предложил им две темы: «Рассуждение о железной и кровавой политике Бисмарка» и «Обсуждение значения кооперативов».

На следующий день Чан Кайши, опираясь на результаты голосования, содержание статей и свои знания о каждом члене организации, провел оценку и только после этого распределил задания между участниками. Через день Чан Кайши объявил, что 13 человек избраны в должности управляющих «Обществом практики трех народных принципов», включая Тэн Цзе, Хэ Чжунхана и Кан Цзэ как постоянных управляющих. Тэн Цзе также был назначен секретарем, Кан Цзэ – директором отдела организации, Дэн Вэньи – директором отдела подготовки, Гуй Юнцин – директором отдела военных дел, Дай Ли – начальником спецслужбы, Ли Иминь – начальником общего отдела. Еще 5 человек были избраны членами ревизионной комиссии, а Чжоу Фу был назначен секретарем ревизионной комиссии [2, с. 13–15].

У Дэн Юаньюй и Чжан Цзинсун разные данные о создателях «Общества практики трех народных принципов». В статье Дэн Лю Цзяньцзюнь не упоминается, но Чжан Цзинсун утверждает, что Лю Цзяньцзюнь был одним из идейных вдохновителей Общества. Пролить свет на этот вопрос может статья китайского исследователя Лу Личжи, которая была опубликована еще в 1996 г. В ней сказано, что Лю, вдохновленный записями беседы между неким итальянским журналистом Людвигом и Бенито Муссолини, написал эссе, в котором изложил идеи по реорганизации партии Гоминьдан. Это сочинение было названо «Рассуждения о реорганизации Национальной партии» (Гайцзу Гоминьдан дэ чуи, 改组国民党的刍议), которое, как пишет автор, очень понравилось Чан Кайши [3, с. 37–38]. Однако Лю Цзяньцзюнь был вынужден проходить вступительные экзамены даже не на второй, а на третий уровень организации – в «Общество возрождения Китая» (Чжунхуа Фусиншэ, 中华复兴社). Как пишет Лу Личжи, Лю Цзяньцзюнь провалил экзамены, а идеи из его статьи были украдены и переписаны Кан Цзэ. Впоследствии Лю стал одной из значимых фигур организации.

В работе Дэн Юаньюй раскрывается тема взаимоотношений между лидерами «Общества практики трех народных принципов» и Чан Кайши, который также являлся председателем организации. Организационные и кадровые вопросы обсуждались и принимались коллективно. Хотя Чан Кайши имел решающий голос, он уважал решения исполнительного комитета организации, а свое мнение озвучивал в качестве «совета». Иногда мнение Чан Кайши не принималось, и на собраниях происходили открытые споры, но генерал никогда не использовал свое положение председателя организации для принятия окончательных решений. В начале октября Тэн Цзе и Сяо Цзань написали отчет о деятельности организации, в котором было высказано мнение, что иногда Чан Кайши «капризный и неопределенный в своих суждениях». Позднее, на встрече с коллективом, он лишь шуточно заметил: «Вы, видимо, бедные люди с большими амбициями». В следующем году на заседании исполнительного комитета Чан Кайши снова вернулся к этому случаю [2, с. 14]. Отношения между Клубом и «Лисиншэ» начали ухудшаться из-за того, что теперь генерал все больше решений принимал самостоятельно.

В январе 1933 г. Чан Кайши указал цели «Лисиншэ»: «проводить обсуждения, искоренять предателей, бороться с контрреволюцией. Действовать, а не только распространять пропаганду». Чан Кайши лично разработал временное положение «Лисиншэ», в котором были отмечены следующие принципы: «подчинение руководителю, практичность, строгое соблюдение дисциплины, выполнение приказов, преданное исполнение обязанностей, сохранение конфиденциальности. В случае нарушения готов принять крайние меры». «Лисиншэ» все больше занималась шпионажем, сбором информации и убийствами. Из демократической организации, целью которой было возрождение Китая, возвращение морали и ценностей (как правило конфуцианских), «Лисиншэ» превратилась в «ручного пса» Чан Кайши, который должен был беспрекословно слушать своего лидера.

Дэн Юаньюй также опровергает название «Общество голубых рубашек» («Ланьшишэ»), которым зачастую называют «Общество практики трех народных принципов», подчёркивая ее фашистский характер [2, с. 14–15]. И тут снова надо вернуться к Лю Цзяньцзюню, который в своем идеологическом эссе создал образ

членов будущей организации: молодые люди, выпускники академии Вампу, носящие голубую / синюю форму. Лю считал, что синий цвет символизирует мир, прогресс и служение, в отличие от красного террора, белой безнадежности, желтой слабости и черной грязи [3, с. 37]. Один из выпускников Вампу и членов «Лисиншэ» Гань Госюнь в своей статье пишет, что эссе с идеями Лю Цзяньцуня, которое понравилось Чан Кайши, называлось «Общество голубых рубашек китайской Национальной партии» (Чжунго Гоминьдан Ланьшишэ, 中国国民党蓝衣社) [1, с. 2]. Неясно, почему Дэн Юаньюй стала отвергать название «Общество голубых рубашек» и фашизм как идеологическую основу этого общества, учитывая также, что Лю Цзяньцунь был большим поклонником дуче.

Исследователь Цзинь Чжися (Оксфордский университет) в своей статье рассматривает фракционные политические аспекты, влияющие на назначение персонала в политическом управлении Военного комиссариата Китайской республики и в политических структурах армии на всех уровнях во время войны. В работе упоминаются «СС Club», который, как пишет автор, должен был бороться с «античанкайшискими силами» (反蒋派). Однако Чан Кайши, как пишет автор, не был удовлетворен работой клуба и распустил его. В 1931 г. генерал дал указания Тэн Цзе, Хэ Чжунханю и Кан Цзэ создать «Общество возрождения Китая» (Чжунхуа Фусиншэ, 中华复兴社), т.е. последний уровень в иерархии организации [6, с. 126]. В дальнейшем автор продолжает упоминать именно «Общество возрождение Китая», а не «Лисиншэ», притом что Тэн Цзэ, Хэ Чжунхань и Кан Цзэ входили именно в директорат верхнего уровня.

Цзинь Чжися пишет, что после создания организации внутри нее был создан аппарат политической подготовки с целью интеграции и полного внедрения в академию Вампу и дальнейшее ее подчинение. Вслед за этим Департамент по политической подготовке Общества стал проникать в другие провинции и получил возможность управлять системой политической работы, постепенно установив единую организационную форму и систему руководства. В этот период система политической работы распространилась с Центральной армии на войска Восточного, Северо-Западного и Сычуаньского регионов [там же].

После начала полномасштабной войны с японскими захватчиками в июле 1937 г. в соответствии с требованиями Военного комитета Гоминьдана на всех уровнях военных подразделений начали создавать политические учреждения, которые были независимыми от вооруженных сил и имели свою структуру, подчиняясь непосредственно политическому отделу Военного комитета. В конце 1937 г. правительство Национальной республики Китай разделило страну на несколько военных округов, командующие которых обладали властью над местными партийными и государственными органами. В начале 1938 г. был создан политический отдел Военного комитета (Чжэнсюньчу, 政训处), который затем постепенно превратился в политическое управление в каждом военном округе. Формально он направлял письма командующим военных округов с просьбой рекомендовать двух кандидатов на должность главы и заместителя главы политического управления, но на практике большинство назначений производилось центральными органами. Как пишет автор, в некоторых районах, где контроль был в руках сильных фракций, политический отдел вынужден был делать определенные уступки. Так, политический отдел Военного комитета не смог отказать членам Гуансийской группировки, которые хотели поставить главой политического отдела военного округа своего человека [6, с. 127–128]. При этом большая часть глав и их замов принадлежали именно к «Обществу возрождения Китая», некоторые из них – к Клубу. Из 15 округов восемь глав и восемь замов – члены Общества, две главы и один заместитель – члены Клуба, остальные же принадлежали к своим кликам – Гуаньсийской, Шаньсийской, фракции последователей Сунь Ятсена и фракции поддержки одного из высокопоставленных членов Гоминьдана Чэнь Чэна [6, с. 128].

Политический отдел военного округа, напрямую подчинявшийся Политическому отделу Военной комиссии, имел право на управление политическими органами и рабочими группами всех подразделений в своей юрисдикции. Постепенно отдел стал контролировать деятельность политических управлений в различных военных округах, армиях и дивизиях. Согласно правилам, Политический отдел военного округа мог напрямую направлять офицеров рангом не выше полковника на различные задания. Отдел должен был сначала представить отчет Политическому отделу Военной

комиссии (т.е. вышестоящему начальству) и только после этого получал право на отправку и назначение куда-либо офицеров выше полковника [6, с. 128–129].

Одна из главных задач политического отдела – возвращение кадров. После начала японо-китайской войны (1937–1945) политические органы были широко развернуты в армиях по всей стране, а численность политического персонала быстро расширялась. Как по количеству, так и по качеству политический персонал не соответствовал новым требованиям, поэтому обучение политических работников для занятия различных должностей в организации стало одной из наиболее важных задач политического отдела Военной комиссии. Основными источниками нового персонала стали обычные офицеры, переведенные на политическую работу, и молодежь, прошедшая централизованную подготовку (возможно, имела в виду базовая военная подготовка). Первые чаще всего становились офицерами среднего и высшего звена, а последние – базовыми политработниками [там же].

Политработники были очень важны для Центрального правительства, местные генералы и командиры имели огромное влияние на своих солдат, поэтому зачастую могли отказаться от выполнения приказов партии. Политработники за счет пропаганды и других механизмов повышали влияние и лояльность к Центральному правительству, тем самым подрывая авторитет прежних командиров. Однако руководители военных подразделений часто рассматривали политработников как специальных агентов, направленных центральными властями для наблюдения за ними, а не для поддержания боевого духа войск. Чан Кайши и Чэнь Чэну неоднократно заявляли о том, что политработники должны подчиняться командующим войсками. Даже Политическое управление заявило на южном учебном собрании (Наньюэ чжэнгунхуэйичжун, 南岳政工会议中) 1939 г. о необходимости «борьбы с разведчиками», а затем потребовало от политработников «подчиняться командующим войсками на всех уровнях, не имея даже тени наблюдения за своими командующими». Командующим войсками было приказано «нести ответственность за командование и проверку их политическими работниками» [6, с. 129].

Представленные в обзоре работы не полностью раскрывают тему тайных организаций Гоминьдана, однако помогают предста-

вить картину внутрипартийной действительности. Несмотря на то, что Чан Кайши был военным и политическим лидером, в Китае существовали силы, способные поколебать его власть. Поэтому генерал стал предпринимать различные меры, дабы сохранить свое лидерство. Создание организаций, занимавшихся различными видами деятельности, от шпионской до учебно-пропагандистской и даже, в определенном смысле, террористической, стало одним из основных методов борьбы за власть внутри Китая. Тема тайных организаций сложна еще и из-за того, что, как уже было сказано выше, большая часть материала была уничтожена участниками этих обществ. Некоторая же часть хранится в частных собраниях родственников и в архивах на Тайване.

Список литературы

1. Гань Госюнь. Общество голубых рубашек. Общество возрождения Китая. Общество практики трех народных принципов // Серия документов о периоде Республики Китай, изданная Институтом исследования новейшей истории Китая Китайской академии социальных наук. – Пекин, 2014. – 282 с.
2. Дэн Юаньюй. Тайная политическая группировка, на которую полагался Чан Кайши – все, что касается создания и деятельности общества «Лисиншэ», организации, основанной Дэн Вэньи = (蒋介石倚重的秘密政治团体 – 父亲邓文仪组建力行社的前前后后) // Всеобщее изучение культуры и истории. – 2017. – № 2. – С. 13–16.
3. Лу Личжи. Мечта Лю Цзяньцюня о «Обществе голубых рубашек» = (刘健群的“蓝衣社”梦) // Весна и Осень периода Республики. – 1996. – № 2. – С. 37–39.
4. Панцов А.В. Чан Кайши. – Москва: Молодая Гвардия, 2019. – 507 с.
5. Сюй Ювэй. Ранняя деятельность организации «Лисиншэ» в архивах. На примере Сю Лян = 档案中力行社的早期活动.以徐亮为例 // Военно-исторические исследования. – 2011. – № 2. – С. 141–146.
6. Цзинь Чжися. Военно-политический состав Гоминьдана и военная централизация в период антияпонской войны = 抗战时期国民党军队政工人事与军队中央化 // Архивы Китайской Республики. – 2021. – № 2. – С. 125–134.
7. Чжан Цзинсун. Краткое обсуждение основных мер, принятых Национальным правительством Нанкина для усиления централизации перед началом антияпонской войны = 略论抗战爆发之前南京国民政府加强中央集权的主要措施 // Труды Института истории и культуры Северо-Западного университета. – 2013. – С. 75–77.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРНОГОРЦЕВ / СЛИЕПЧЕВИЧ Д., ДОМБРОВСКАЯ-ПРОКОПОВСКАЯ Е., ВЕЙНОВИЧ Д.

Social control of everyday life and political construction of (montenegrin) identity / Slijepcevic D., Dąbrowska-Prokopowska E., Vejnović D. // European review of applied sociology. – 2024. – N 17 (28). – P. 41–56.

Ключевые слова: конструирование идентичности; идентичность черногорцев; Черногория; социальный контроль; постиндустриальное общество; глобализация.

Keywords: construction of identity; Montenegrin identity; Montenegro; social control; post-industrial society; globalization.

Для цитирования: Петрухина Д.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 85–90. – Реф. ст.: Social control of everyday life and political construction of (montenegrin) identity / Slijepcevic D., Dąbrowska-Prokopowska E., Vejnović D. // European review of applied sociology. – 2024. – N 17 (28). – P. 41–56.

Совместная статья коллектива авторов из университетов Бани-Луки (Босния и Герцеговина) и Белостока (Польша) посвящена влиянию социальных и политических факторов на формирование идентичности черногорцев. В основу исследования легли теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, формы идентичности, предложенные М. Кастельсом, а также социальный конструкционизм Л.П. Бергера и Т. Лукмана¹.

---

¹ Berger, L.P. & Luckmann, T. The Social Construction of Reality: A Discussion on the Sociology of Knowledge / Open Road Media. – 2011. – 219 p.

Анализируя исторические и современные социально-политические процессы в Черногории, авторы особое внимание уделяют внедрению социального контроля в пространство личности человека («колонизации жизненного пространства») (с. 42). Этот процесс приводит к искажению исторической памяти, разрушению традиционных ценностей и социальных отношений, а в конечном счете и к утрате устойчивой идентичности.

К инструментам социального контроля постиндустриального общества можно отнести глубокую информатизацию и цифровизацию общества, секуляризацию, распространение межэтнической ненависти и страха перед терроризмом и т.п. Социальный контроль используется во всех процессах и институтах, связанных с регулированием индивидуального и коллективного поведения членов общества.

Целью социального контроля является соблюдение всеми членами общества установленных правил и норм, которые распространяются посредством системы образования и средств массовой информации (СМИ). В результате подобного конструирования идентичность человека утрачивает свою глубинную связь с его индивидуальностью и приобретает приспособленческий характер, превращаясь в социально выгодный конструкт (с. 43). Таким образом, по мнению авторов, политика идентичности как часть социального контроля направлена на «разрушение и замену личности на идентичность» (с. 44).

Для традиционных обществ обычно характерна стабильная и прочная форма идентичности, основанная на религиозных ценностях и небольшом количестве социальных ролей. В индустриальном обществе происходит секуляризация, увеличивается количество социальных групп и ролей, усложняются социальные отношения и, как следствие, наблюдается дестабилизация идентичности.

Согласно утверждениям авторов, система постиндустриального («постмодерного») общества, в отличие от досовременных и современных систем, стремится утвердить единую модель идентичности для всех. Превращение идентичности в «дискурсивную надпись» («discursive inscription»), лишенную смысла, только ускоряет этот процесс. В результате для субъекта постмодерна характерны множественность и «истерия» идентичности: в нем сосуществуют несколько идентичностей (часто противоречащих

друг другу), поскольку больше нет четкого представления, кто он такой.

Нестабильность возникает из-за того, что выбранная идентичность в любой момент может потерять свою социальную ценность, так как общество меняется очень быстро. Таким образом, неуверенность становится основным экзистенциальным состоянием личности современности. В конечном счете это приводит к превращению индивидов в пассивных потребителей в экономике и пассивных наблюдателей в политике (с. 45).

Авторы делают вывод, что глобализация представляет серьезную угрозу для коллективных идентичностей людей, поскольку нестабильность и фрагментарность идентичности нарушают цельность личности человека и разрушают его социальные связи.

Кризис современного общества возникает из-за сужения жизненного мира человека под действием расширения внешней системы. Как следствие, решение этой проблемы может заключаться в расширении свободы действий людей, их открытом межличностном общении на равных и принятии согласованных решений.

Для обоснования дальнейших рассуждений авторы исследования обращаются к классификации идентичностей по источникам их конструирования, предложенной М. Кастельсом¹, который выделил легитимирующую, проектную идентичность и идентичность сопротивления. Легитимирующая идентичность «насаждается сверху», т.е. конструируется институтами власти, чтобы расширить свое доминирование и сформировать гражданское общество. В качестве примера приводится наднациональная идентичность периода социализма, формированием которой занималась Коммунистическая партия СССР в XX в.

Идентичность сопротивления «рождается снизу», т.е. характерна для социальных субъектов, которые по разным причинам стигматизируются властными структурами. Такие люди часто не включаются в глобальные процессы, а создают собственные сообщества. В среде «сопротивления» часто появляются националисты и религиозные фундаменталисты. Проектная идентичность возникает, когда социальные субъекты строят новую идентичность и

---

¹ Castells M. The Power of Identity / Wiley-Blackwell. – 1997. – 461 p.

при этом стремятся к трансформации всей социальной структуры. Так возникают новые политические акторы, например, феминистское движение (с. 47).

Современная теория прогресса подразумевает, что идентичность, основанная на традициях, является препятствием для капиталистического развития, главная цель которого – создание глобального рынка и рост прибыли. В условиях господства общества потребления идентичность становится товаром, подчиняющимся законам рынка: каждый человек может бесконечно выбирать, изменять и «обменивать» его в соответствии с текущими тенденциями. В современном мире такая идентичность считается социально желательной и конструируется властными структурами посредством определенной политики, основными механизмами которой являются средства массовой информации (СМИ) и система образования.

СМИ формируют идентичность через процессы социализации и интериоризации, демонстрируя образец социального поведения и используя популярных личностей как базовые модели идентификации. В соответствии с данными императивами люди интериоризируют диктуемые ценности (с. 48).

Функция системы образования несколько шире, чем СМИ: кроме трансляции ценностей, в ее задачу входит подготовка рабочей силы к участию в рынке труда. Современное образование ограничено передачей необходимой информации и нацелено на минимизацию развития критического мышления учащихся. Одно из наиболее эффективных средств конструирования идентичности системой образования – влияние на историческую память общности.

Применительно к Черногории этот процесс может быть проиллюстрирован исключением из учебников истории информации о деятельности сербского епископа Петра II Петровича Негоша¹. По мнению авторов, это было сделано, чтобы скрыть исторический факт сербского происхождения черногорцев, которые ведут свое начало от сербской династии Црноевичей и ее подданных. Кроме того, династия Петровичей-Негошей, реформаторов и модернизаторов

---

¹ Петр II Петрович Негош (1813–1851) – правитель Черногории с 1830 г., прославившийся также как крупнейший поэт своего народа. См.: Петар II Петрович Негош – митрополит, реформатор, поэт: 200 лет со дня рождения / отв. редактор Ю.А. Созина. – Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2013. – 420 с.

торов страны, во время своего правления в первой половине XIX в. опиралась во внешней политике на Россию. Однако распространение этих фактов не выгодно черногорским властям, реализующим идеологический проект создания черногорской нации на основе самостоятельной этнической общности.

С 2011 г. из учебников для начальных и средних школ были исключены не только Пётр II Петрович Негош, но и другие писатели и поэты, составляющие цвет южнославянской литературы: Матия Бечкович, Десанка Максимович, Алекса Шантич, Меша Селимович и др. Однако в 2021 г., уже при другом правительстве, было объявлено об изменении учебной программы и возврате исключённых писателей.

Идея черногорской национальной идентичности (черногорства) основана на том, что черногорцы – «потомки “красных хорватов”», поскольку регион Дукля якобы был частью «Красной Хорватии». Как следствие, черногорцы культурно являются частью Запада, которому «они обязаны своей западной культурной идентичностью, хотя некогда были вынуждены принять сербское название» (с. 51).

Первая попытка создать независимое черногорское государство была предпринята в 1941 г., когда под итальянским протекторатом было основано марионеточное государство Черногория. Оно прекратило свое существование к концу Второй мировой войны.

Черногория получила независимость в результате референдума 2006 г., на котором за выход из союза с Сербией проголосовали 55,3% жителей страны. Черногорские власти проводили активную политику отрицания сербской этнической и языковой идентичности Петра II Негоша и его религиозного влияния на черногорцев. В рамках искоренения оставшихся традиционных основ сербской культуры в пользу государства был поднят вопрос о конфискации имущества Сербской православной церкви. Кроме того, в 2019 г. власти объявили о восстановлении автокефалии Черногорской православной церкви (ЧОС), несмотря на противодействие епископата Сербской православной церкви в Черногории.

Тем не менее в 2020 г. партия, конструировавшая черногорскую национальную идентичность вышеописанными методами, потерпела поражение на парламентских выборах. В 2024 г., по мнению авторов, у власти в Черногории стоит партия «сопротив-

ления» – «Европа сейчас!» – либеральное движение, уделяющее особое внимание экономическим вопросам и борьбе с коррупцией (с. 54).

В заключение авторы делают общий вывод о том, что кризис идентичности является результатом ее политического конструирования. Это, наравне с текущим кризисом повседневной жизни, – неотъемлемая часть кризиса новых форм капитализма и проистекает как из «колонизации» личного жизненного мира людей, так и из роста их нарциссизма и индивидуализма.

Однако, несмотря на создание фрагментированной идентичности, идеальной для манипуляций, и атомизацию индивидов, движения сопротивления продолжают расти. Они представляют собой новые коллективные силы, созданные на основе попыток индивидов сохранить культурное наследие и основанную на нем идентичность. Сам смысл существования таких движений заключается в сохранении культурного разнообразия и защите индивидуальных и групповых прав на него.

Будущее идентичности – не в разрушении личности человека, а в гармонии природы, истории и культуры, в сохранении общих ценностей и целей, взаимоуважении и принятии «другого», считают авторы.

Д.В. Петрухина*

---

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); darkamercante@gmail.com

---

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 303.446.4; 930; 94(47).072–073 DOI: 10.31249/hist/2024.04.06

КРАСНИКОВА Ю.Н.* ДЕПАРТАМЕНТ УДЕЛОВ В СТРУКТУРЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕ-
РИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ
ТЕМЫ)

Аннотация. Департамент уделов был образован Павлом I с целью формирования хозяйственной структуры для обеспечения членов императорской фамилии. Для пополнения бюджета ведомства ему передавались различные имущества, в том числе и крестьяне. Постепенно Департамент обособился от других центральных учреждений Российской империи в силу специфики предметов ведения. В статье выделены наиболее разработанные в исторической науке темы, касающиеся как самого учреждения, так и подведомственного крестьянства. В заключение дана оценка состояния историографии вопроса и перспектив разработки возможных направлений дальнейшего изучения данной проблематики.

Ключевые слова: Российская империя первой половины XIX в.; Департамент уделов; удельные крестьяне в Российской империи; изучение структуры государственных учреждений Российской империи в отечественной историографии.

---

* © Красникова Юлия Николаевна – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургской государственной университет» (СПбГУ); julia2404@mail.ru

KRASNIKOVA Yu.N. The Appanage Department in the state institution structures of the Russian Empire in the first part of 19 th century (the degree of the studied topic)

Abstract. The Appanage Department was created by Paul I in order to form a separate economic structure to supply the Imperial family members. To replenish the Department's budget, various belongings including peasants, were transferred to it. Gradually, the Department is separated from other central institutions of the Russian Empire due to the specifics of the subjects of competence. The article marks the most developed topics in the historical science concerning both the institution itself and the dependent peasantry. In conclusion, an assessment of the historiography state of the issue and the prospects for developing of possible directions for further study of this problem is given.

Keywords: Russian Empire of the first half of the XIX century; Department of appanages; appanage peasants in the Russian Empire; study of the structure of state institutions of the Russian Empire in Russian historiography.

Для цитирования: Красникова Ю.Н. Департамент уделов в структуре государственных учреждений Российской империи первой половины XIX в. (степень изученности темы) (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 90–109. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.06

Изучение хозяйственных и управленческих проектов, реализованных таким центральным государственным учреждением, как Департамент уделов, представляет эвристический интерес. Изменения в удельном хозяйстве, в котором особенно сильно проявилась роль императора (и как первого помещика, и как государя) [39], характеризовались противоречивостью. Перед нами предстанет механизм, изучение которого позволяет выявить процессы поиска российской властью путей повышения эффективности управления крестьянским населением и народным хозяйством в период качественных трансформаций, связанных с переходом от традиционного общества к индустриальному.

Департамент уделов аккумулировал в своем штате прогрессивных представителей бюрократии, которые постоянно генериро-

вали идеи и готовы были их реализовывать. Удельное хозяйство выступало своеобразным полигоном для воплощения их замыслов и проектов. Осмысление такого опыта представляет несомненный интерес.

В то же время важным при изучении истории государственного управления остается рассмотрение развития институтов Российской империи XIX в. Они отличались высокой структурной динамикой. Законодатель всю первую четверть XIX в. находился в поисках оптимальных форм организации ведомств. По данным исследователя М.А. Приходько, в министерствах в то время установился смешанный коллежско-министерский порядок управления: текущие вопросы решались старым коллежским порядком принятия управленческих решений. Только в делах, требовавших более быстрого оперативного реагирования, применялись единоличные властные полномочия министра [62]. Постепенно государственные учреждения все больше переходили к единоначалию и строгой вертикали власти.

Изучение крестьянского вопроса в России конца XVIII – первой половины XIX в. представляется весьма значимым. История крестьянства в России в изучаемый нами период – это история подавляющего большинства населения, поэтому «состояние сельскохозяйственного производства и положение занятых им людей в социальной структуре становились в определенные исторические периоды существенным фактором реформаторских либо революционных сдвигов» [50, с. 28].

Устойчивость системы социальных отношений в первой половине XIX в. обеспечивалась балансом между степенью эксплуатации крестьян и их хозяйственными возможностями. Немаловажным фактором поддержания крестьян в тяглоспособном состоянии являлся патернализм. По мнению ряда современных ученых, «у русского крестьянина было гораздо больше уверенности в завтрашнем дне, чем у западноевропейского арендатора» [65]. Эволюция взаимоотношений между условными владельцами и крестьянами в удельной деревне в изучаемый нами период была двухвекторная: с одной стороны, усиливался контроль со стороны ведомства, с другой – расширялась политика попечения со стороны членов императорской семьи. Крестьяне знали, что, являясь императорскими людьми, они могут рассчитывать на помощь.

Подчеркнем, что любые модернизационные процессы должны быть взаимообусловлены, они не могут развиваться вне социального контекста. Как показало исследование истории удельного хозяйства, нельзя реализовать даже самый привлекательный проект, если он не «вызрел» внутри социума; привнести институции в чистом виде невозможно. В механизмах сложившихся институтов кроется главная разгадка эффективного администрирования.

Историография Департамента уделов имела два основных дискурса: изучение самого учреждения и подведомственного ему удельного крестьянства. Вопросы административного характера были напрямую связаны с заведованием сельским населением удельной деревни. По этим причинам мы сначала рассмотрим исследования по истории Департамента уделов, а потом удельного крестьянства.

В Российской империи тема организации и управления личным хозяйством императора изучалась крайне мало. Вместе с тем свободного доступа к документам у исследователей не было. В самом конце XIX в., при подготовке юбилейного издания, Департамент допустил некоторых чиновников и историков в главный удельный архив. Издание оказалось настолько объемным, что к юбилейной дате авторы успели опубликовать лишь однотомник [69]. Только в начале 1900-х годов последовательно вышли три тома издания «История уделов за столетие их существования. 1797–1897» [26]. Перед авторами стояла задача показать успехи ведомства, поэтому решить какие-то серьезные теоретические вопросы им не удалось. Тем не менее труд содержал в себе ценные материалы: для написания было привлечено немалое количество источников, собраны многочисленные статистические сведения. Трехтомник имеет определенную историческую ценность и сегодня. В дальнейшем в дореволюционный период специальных трудов не выходило.

Советская историография, несмотря на активное изучение крестьянского вопроса, редко уделяла внимание рассматриваемому учреждению. Особо отметим вышедшую в 1967 г. статью З.И. Кудрявцевой [49]. Она привлекла богатый архивный материал, на основании которого раскрыла некоторые аспекты темы взаимодействия Департамента уделов с другими государственными учреждениями России.

Современные исследователи проявляют интерес к изучению истории Департамента уделов и выявлению его места в структуре государственных учреждений Российской империи. В статье М.А. Приходько, посвященной министерской реформе в целом, организация Департамента уделов определялась как составная часть реформистской политики начала XIX в. [63]. А.А. Ефимов исследовал процесс формирования системы удельных имений [22], но, к сожалению, к существенно новым выводам не пришел.

В современной историографии были изучены изменения в структуре ведомства от времени его организации до середины XIX в., рассматривалась эволюция делопроизводства и взаимодействия между Департаментом уделов и другими учреждениями Российской империи. Утверждается, что Департамент смог создать самостоятельную обособленную структуру, которая все меньше и меньше взаимодействовала с другими учреждениями [42]. Департамент уделов сохранял свой особый правовой статус. Это было связано с предметами его деятельности и закрытым характером удельного бюджета. Во второй четверти XIX в. было окончательно закреплено исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, только за удельными властями, которые напрямую через министра подчинялись императору. Департамент уделов во второй четверти XIX в. разделил документальные потоки между министром и его помощником (первым товарищем), чтобы найти пути оптимизации в распределении объемов документооборота [47].

Изучена роль волостного писаря: его способность ведения документации, умение составить деловое письмо и вести журналы отчетности были незаменимы. От быстрой и качественной работы зависела эффективность управленческого действия. Для удельных крестьян, находившихся в юридической зависимости, служба писарем зачастую становилась принудительной обязанностью. Волостной писарь, в отличие от делопроизводителей удельных контор и канцелярии Департамента уделов, не получал государственное жалование, а содержался за счет крестьянского мира. При этом писарь обладал огромным влиянием внутри него [38].

Сведения о Департаменте уделов содержатся в некоторых исследованиях, посвященных истории высших и центральных учреждений в России. Например, в в третьем томе многотомной ра-

боты, составленной под редакцией Н.П. Ерошкина [9], описана внутренняя структура Департамента уделов в том виде, в котором он вошел в состав Министерства императорского двора. Между тем в первое десятилетие XIX в. учреждение имело совершенно другое внутреннее устройство. Вкратце перипетии деятельности Департамента уделов затронуты в работах, посвященных Министерству императорского двора и уделов [55], хотя Департамент являлся структурной частью этого учреждения с 1826 г.

На наш взгляд, лаконичность упоминаний интересующей нас темы в трудах объяснялся двумя причинами. С одной стороны, созданное в начале второй четверти XIX в. Министерство императорского двора включало в себя большое количество структурных частей, поэтому рассмотреть подробно все подразделения в рамках одной работы довольно сложно. С другой стороны, Департамент уделов сохранил свою самостоятельность и автономность, что осложняло исследовательские задачи.

Итак, анализ научной литературы по истории Департамента уделов показал, что ведомство чаще становилось объектом исследования в рамках общей истории государственных учреждений Российской империи, а диссертационное исследование на тему «Департамент уделов в структуре государственных учреждений Российской империи в первой половине XIX в.» стало первым опытом целостного рассмотрения истории ведомства [36].

Исследования, объектом изучения которых стали удельные крестьяне, более обширны. Первые работы (публицистического плана, но с выраженными элементами научного обобщения) были посвящены подготовке отмены крепостного права в удельной деревне и ее осуществлению [5; 71]. История крестьянства интересовала дореволюционных исследователей в связи с той общественной полемикой, которая развернулась в народнической среде во второй половине XIX в. Спорили о роли крестьянской общины как важного института самоуправления [8]. В основном авторы идеализировали крестьянское самоуправление в удельной деревне [7]. Среди таких работ стоит выделить статьи руководителя Трудовой народно-социалистической партии В.А. Мякотина, которые основаны на широком круге документов. Автор смог подробно осветить структуру организации местных органов власти в удельных

имениях; рассмотрел вопрос о личных и имущественных правах крестьян [53; 54].

Статья историка П.А. Голубева во многом отличалась от всех предыдущих работ по истории удельного крестьянства. Возможно, на автора оказало влияние его крестьянское происхождение, он знал и понимал вопрос изнутри. Более того, он был замечательным статистиком и очень внимательно относился к анализу цифрового материала. В статье автор ставил вопрос о том, какими путями удельное ведомство сосредоточило в своих руках огромное количество земли и убедительно доказал, что основная масса ее была незаконно отторгнута у казны [10].

Советские историки обратились к рассмотрению истории удельных крестьян в середине XX в., хотя в целом изучение сельского населения Российской империи не прекращалось. Изменился вектор исследований крестьянства, он уже соответствовал идеологическим представлениям советского государства о длительной борьбе населения за социальную справедливость. Первоначальный научный интерес вызывали наибольшие по численности группы крестьянства: помещичьи и государственные. В 1948 г. историк Н.М. Дружинин констатировал: «Нельзя дать обобщающей истории крестьянства XIX в. без создания монографии об удельных крестьянах, темы совсем нетронутой» [18, с. 3]. Историческая наука уже обладала достаточным методическим инструментарием и опытом изучения российской деревни, исследовательские успехи объяснялись и большой источниковой базой. Советская историография обширна по количеству исследовательских работ, посвященных изучению истории удельных крестьян, поэтому мы рассмотрим ключевые сюжеты.

В советской историографии первые исследования были посвящены крестьянским движениям в удельной деревне. Все они имели региональный характер, а их изучение проводилось преимущественно на материалах местных архивов. Авторы выдвигали тезис о связи крестьянских выступлений с усилением крепостнических отношений [66]. Особенно ярко это проявилось, по их мнению, в период организации общественной запашки и введения поземельного сбора [14; 15; 16]. Были предприняты попытки осветить крестьянские движения во всех удельных имениях страны с момента их образования и до начала развертывания админи-

стративно-хозяйственных реформ в них, т.е. с 1797 по 1827 г. [11, с. 58]. В этих работах не нашли отражения формы крестьянского сопротивления, не выявлены внутренние мотивы, побуждавшие сельчан к неповиновению.

В 60-е – начале 80-х годов XX в. внимание историков было сосредоточено в основном на изучении проблемы разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства в удельных имениях страны [12; 17; 19; 27; 28; 33; 60; 61; 67]. Исследования, проводимые на основе изучения материалов официального делопроизводства удельных экспедиций (контор) и Департамента уделов, позволили вскрыть сложность и противоречивость процессов социального расслоения крестьян, обеспечили выявление ряда общих и отличительных моментов в углублении кризиса феодально-крепостнического строя применительно к удельным, помещичьим и государственным имениям страны.

В работах позднесоветского периода наметились проблемные аспекты, которые до сих пор являются дискуссионными. Так, исследователи по-разному оценивали правовое положение удельных крестьян и степень их эксплуатации. Одни авторы полагали, что между удельными и государственным крестьянами нет различия ни в правовом, ни в экономическом отношениях [52; 74]. Другие же, напротив, доказывали, что удельные крестьяне были разновидностью частновладельческих или мало от них отличались [13, с. 60]. Третьи утверждали, что социальному статусу тружеников удельной деревни были присущи черты как помещичьих, так и государственных крестьян, т.е. они представляли собой особую категорию сельского населения [49].

Нечеткость определения правового статуса удельных крестьян была заложена еще в положении «Учреждение об императорской фамилии». В поземельном отношении законодатель приравнивал удельных крестьян к помещичьим и закрепил, что крестьяне эти не входят в разряд частновладельческих и относятся к удельным. По мере обнаружения неясностей и затруднений в правоприменительной практике издавались уточняющие нормативно-правовые акты. Процедура правового регулирования растянулась на всю первую половину XIX в. В первой четверти XIX в. удельные крестьяне имели двойственный характер регулирования правовых отношений: они уже лишились части гражданских и имущественных

прав, которыми обладали государственные и экономические крестьяне, но еще не во всем были уравнены с помещичьими. Со второй четверти XIX в. удельные крестьяне не только в поземельном, но и в правовом отношении все больше уравнивались с помещичьими. Но этот процесс так и не был доведен до своего логического завершения, удельные крестьяне сохранили неопределенный (своего рода промежуточный) правовой статус. В целом правовое положение ведомственного крестьянства в изучаемый период существенно и последовательно изменялось [36].

Среди работ по истории удельных крестьян первой половины XIX в. следует особо выделить ряд обзорных трудов. Интерес представляют работы Л.П. Ивашуты [25] и П.П. Котова [29; 30], которые рассмотрели историографию вопроса и дали анализ проблематике изучения удельного крестьянства в советской науке. Труды З.И. Кудрявцевой [49] и Н.С. Половинкина [59] раскрывали состав и содержание документов по истории удельного крестьянства в фондах ЦГИА СССР (ныне РГИА).

В целом советская историография внесла большой вклад в изучение истории удельных имений. Были подняты многие проблемы, до этого вообще не рассмотренные исторической наукой. Авторами получены ценные статистические данные на основе изучения массовых исторических источников из архивных фондов.

В постсоветский период оживился интерес историков к изучению российского крестьянства в дореформенный период в целом. В последние годы уделялось большое внимание проблемам сельского расселения и демографии, влиянию естественных условий на крестьянское хозяйство, крестьянскому менталитету, социальной психологии и истории общины. Эта тенденция в полной мере относится и к изучению удельной деревни.

Многие ученые в XXI в. все чаще подчеркивали важность проведения исследований не только на макро- и микроуровнях. Они склонялись к мнению о том, что делать общие выводы о крестьянстве России чрезвычайно сложно, так как различия в экономических, географических и исторических факторах развития разных регионов, провинций, уездов обуславливают высокую вариативность социальной эволюции. В связи с этим появляется все больше работ, обращенных к региональной тематике исследований. В частности, изучались особенности аграрной политики удельного ве-

домства в Симбирской губернии [57; 68], Северо-Западном регионе [2; 30; 48], на Русском Севере [32], во Владимирской и в Нижегородской губерниях [51, 64], в Поволжье [23] и на Южном Урале [73]. В этих работах выявлены особенности развития удельной деревни в разных регионах Российской империи. У такого подхода есть и свои недостатки. За частностями можно не увидеть общих тенденций. Поэтому создание обобщающего исследования по истории удельного крестьянства Российской империи сохраняет свою актуальность и сегодня.

В связи с качественной трансформацией исторической науки появились новые направления в изучении деревни. Особое место среди научных направлений принадлежит социокультурной истории; в ее рамках поднята проблема менталитета русского крестьянства [35; 40]. Рассматривались также вопросы быта сельского населения, повседневной жизни, юридической культуры крестьянства, уровня грамотности и системы обучения в российской деревне.

В последнее время вышли в свет работы, в которых рассматривалась политика «попечительства» в удельной деревне. Обращалось внимание на различные образовательные программы для удельных крестьян [31; 41; 43]. Можно выделить статью А.К. Воронова, рассматривавшего систему приказных училищ удельного ведомства [6]. Все авторы сходились в одном: несмотря на положительную направленность политики «попечительства» в сфере крестьянского образования, чаще всего сельчанам сложно было найти применение полученным знаниям.

Исследователи обращались и к теме национальных и религиозных особенностей в среде удельных крестьян. При этом сохранялась общая тенденция рассматривать вопрос на уровне отдельных регионов. Так, С.В. Орлов обратился к изучению расколичества в Алатырском уезде [56], С.С. Серкина в своем диссертационном исследовании исследовала этнический состав и характер взаимоотношений в многонациональных общинах Сибирской губернии [68]. Р.Б. Шайхисламов рассмотрел уникальную практику земельных отношений в среде удельных крестьян Южного Урала [72].

В изучаемый нами период приверженцы нехристианских и неправославных конфессий осуществляли свою деятельность в

рамках запретительного и ограничительного законодательства. Стратегия формирования отношений с нехристианским населением у удельного ведомства выстраивалась в зависимости от степени лояльности власти, как и в целом по всей Российской империи.

Среди удельных крестьян были приверженцы православия, старообрядчества, ислама, молоканского учения и др. По отношению к нерусским иноверцам религиозная политика Департамента уделов проводилась в русле общегосударственных принципов и законодательства и основывалась на веротерпимости. Совершенно другой была политика по отношению к удельным крестьянам, перешедшим из православия в другие религиозные течения: например, молокан и духоборов. Неправославные крестьяне были лишены целого ряда гражданских прав: они не могли избираться на должности, быть свидетелями по судебным и межевым делам, ограничивались в передвижении и др. Получалось, что правоспособность крестьянина-раскольника находилась в прямой зависимости от его религиозной принадлежности. Такое полулегальное положение характеризовалось различными злоупотреблениями, которые чинили как местные власти и духовенство, так и родственники, и односельчане. К середине XIX в. экономические приоритеты перевесили: идеологическая и религиозная политика Департамента уделов в отношении вышедших из православия стала более сдержанной, хотя и специфичной [44].

В историографии был затронут и вопрос особенностей несения рекрутской повинности в удельной деревне, который регулировался как общегосударственными регламентирующими нормативными актами, так и носящими внутриведомственный характер. При этом удельные крестьяне в порядке несения рекрутской повинности причислялись к государственным, что подтверждает их двойственный правовой статус. С 1808 г. рекрутская повинность находилась в исключительном ведении удельных властей.

Рекрутская служба хоть и была достаточно регламентирована и технически расписана в нормативно-правовых актах, однако носила запутанный характер, так что приходилось уточнять применение тех или иных норм. Даже сам законодатель признавал, что надо бы навести порядок в системе рекрутирования, и неоднократно в изучаемый нами период за это брался [45].

Во второй четверти XIX в. все больше проявляла себя конскрипционная система комплектования армии. Она затронула и удельное ведомство. Круг лиц, которые имели право отсрочки, постоянно расширялся. Освобождение от рекрутчины становилось своеобразным поощрением к исполняемой крестьянами службе или являлось стимулом к получению образования. Рекрутство позволяло Департаменту уделов оставлять в удельной деревне наиболее способных к профессиональной деятельности крестьян [36].

В современной историографии нашел отражение и тот дискуссионный вопрос, который ставился еще в советский период – юридическое положение удельного крестьянства. Н.В. Дунаева в своей монографии изучила нормативно-правовые источники для определения такого базового элемента, как правосубъектность удельных крестьян. Последняя определялась особенностями российской государственности, характером властных отношений и положением личности в обществе. В первой половине XIX в. удельное ведомство стремилось завершить правовую изоляцию крестьян, используя в том числе и механизмы общественного надзора за их поведением. В сфере действия обычного права процессуальное положение крестьянина не регламентировалось, и он всецело зависел от мнения «мира». Кроме того, автор обратил внимание на личные гражданские права удельных крестьян, организацию местного самоуправления, крестьянскую реформу в удельной деревне и другие аспекты правовой жизни удельных крестьян [21].

С.С. Серкиной была предпринята попытка рассмотреть обычное право, распространившееся в среде удельных крестьян. Она пришла к выводу, что община контролировала многие стороны общественно-семейных отношений крестьян: опеку, наследование, усыновление, вопросы своевременной уплаты податей и повинностей. «Мир вмешивался в общественно-семейную жизнь чаще всего через традиционные обычно-правовые нормы, а также путем непосредственного вмешательства со стороны членов общины, соседей, родственников и сельской администрации» [68].

Современной исторической наукой был исследован вопрос о природе крестьянского протеста в первой половине XIX в. Намечалась тенденция к переосмыслению этой проблемы. В данном аспекте сложность представляет определение характеристик неповиновений и протестов [24; 34]. Из современных обобщающих ра-

бот отметим сборник научных статей «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)» [3; 4; 20], в котором авторы дали оценку крестьянским движениям с позиции восприятия происшедших событий самими крестьянами [1].

Сложно выявлять и классифицировать формы пассивного сопротивления, размах и масштабы которого трудно поддаются документальному анализу. По мнению Н.М. Ушакова, такие формы протеста «можно интерпретировать как привычный способ отстаивания своих интересов перед местными властями или некоторую крайность в реализации тех самых форм скрытного, молчаливого, повседневного сопротивления, которое власти чаще всего предпочитали не замечать для собственного спокойствия» [70]. На наш взгляд, на современном этапе требуется переосмысление крестьянского движения в удельной деревне с учетом ментальности ее населения, обычного права [46].

Изучен вопрос кормилиц членов императорской фамилии, которые набирались из удельных крестьянок. Несмотря на то, что они находились при высокородном младенце не более двух лет, заслуги кормилицы достаточно высоко ценились при дворе, что выражалось в системе преференций, великосветские родители были готовы удовлетворить практически любую просьбу бывших «мамок». Частично преференции бывшей кормилицы распространялись и на членов ее семьи. Русским няням-кормилицам, к сожалению, уделено в истории не так много места, как они того заслуживают [37].

В целом постсоветская литература, посвященная изучению удельных крестьян, достаточно разнообразна. Авторам удалось эвристически подойти к поиску тем, что расширило опыт изучения крестьянства удельной деревни. Стали подниматься те проблемы, которые не ставились в советский период. Успех исследовательской работы определялся в том числе и достаточным количеством первичных документов, отложившихся в региональных архивах. Однако до сих пор нет обобщающих концептуальных работ, которые ставили бы серьезные теоретические вопросы в проблемном поле изучения удельного хозяйства. Можно констатировать, что изучение Департамента уделов и удельного крестьянства в целом требует более системной обобщающей проработки.

Более разработанной является тематика, связанная с изучением сельского населения удельной деревни. Но, как представляется, в сравнении с другими категориями крестьян удельная их часть рассмотрена недостаточно. Все также остается актуальным создание обобщающего труда по истории удельного крестьянства в дореформенный период, в котором следует уделить внимание не только социально-экономической истории, но и вопросам повседневности, крестьянской ментальности.

Историография, посвященная Департаменту уделов, более чем скромна и имеет целый ряд перспективных направлений. В современной исторической науке все чаще стали обращаться к малоизученной тематике рассмотрения ведомственных округов, имевших «надгубернское» административное деление. Исследование административно-территориальной организации удельного хозяйства вполне входит в проблематику изучения управления ведомственными округами в контексте системы управления в Российской империи в целом. Это представляет особый интерес еще и потому, что удельное хозяйство часто становилось полигоном для социальных, экономических и управленческих проектов, которые потом были имплементированы в общегосударственные мероприятия.

В современной науке наметился интерес к изучению фронтиров Российской империи и «ментальной географии» регионов. В этом контексте изучение удельных имений представляется также довольно перспективным. В делопроизводственных документах ведомства сохранились факты отступления от нормативно закреплённых правил только потому, что невозможно было реализовать узаконенный регламент в силу региональной или местной специфики. В таких случаях императору и чиновникам ведомства приходилось принимать управленческие решения практически в «ручном режиме». Актуальными остаются и междисциплинарные исследования, например изучение правоприменительной практики законодательных актов в первой половине XIX в. в Российской империи. На примере Департамента уделов можно увидеть, что границы правоприменительного действия размывались абсолютным характером монархической власти. Император в отношении своего имущества, являясь верховным законодателем,

мог менять по своему усмотрению нормативное регулирование, иногда нарушая заложенные общегосударственные принципы [36].

Список литературы

1. Бокарев Ю.П. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – Москва: РОССПЭН, 1996. – С. 167–172.
2. Бразевич С.С. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII – середине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1993. – 19 с.
3. Буховец О.Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – Москва: РОССПЭН, 1996. – С. 183–195.
4. Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения и почему не следует воспринимать их буквально // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – Москва: РОССПЭН, 1996. – С. 195–209.
5. Вильсон И.И. Выкупные за земли платежи крестьян-собственников бывших помещичьих. 1862–1876 // Записки императорского географического общества. Т. 5. По отделению статистики / Изд. под ред. д. чл. М. Раевского. – Санкт-Петербург: Тип. В. Киришаума, 1878. – С. 259–380.
6. Воронов А.К. Приказные училища Департамента уделов (1828–1856 гг.) // Клио. – 2005. – № 4 (31). – С. 133–137.
7. Воронцов В.В. Межселенные переделы среди удельных крестьян // Русская мысль. – 1900. – № 5. – С. 140–159.
8. Воронцов В.В. Простая община удельных крестьян // Русская мысль. – 1899. – № 7. – С. 101–154.
9. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917: в 4 т. / Федер. арх. служба России. Рос. гос. ист. арх. Гос арх. РФ.; [Отв. сост. Д.И. Раскин]. – Санкт-Петербург: Наука. – Т. 1. – 1998. – 301 с.; Т. 2. – 2001. – 259 с.; Т. 3. – 2002. – 226 с.; Т. 4. – 2004. – 313 с.
10. Голубев П. Удельные земли и их происхождение // Вестник Европы. – 1907. – Кн. 10. – С. 752–776.
11. Горланов Л.Р. Классовая борьба удельных крестьян России в I трети XIX века // Научные труды Тюменского университета. – 1977. – Сб. 14. – С. 26–41.
12. Горланов Л.Р. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (II четверти XIX в.). – Владимир: ВГПИ, 1984. – С. 54–97.
13. Горланов, Л.Р. Удельные крестьяне России. 1797–1865. – Смоленск: СГПИ, 1986. – 108 с.
14. Григорьев П.Г. Волнения удельных крестьян во II четверти XIX века в Симбирской губернии // Записки НИИ языка, литературы и истории при Совете

*Департамент уделов в структуре государственных учреждений
Российской империи первой половины XIX в (степень изученности темы)*

- министров Чувашской АССР. – Чебоксары: Чувашполитграфиздат, 1950. – Вып. 4. – С. 82–130.
15. Гриценко Н.П. Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю в конце XVIII – начале XIX века // Вопросы истории. – 1954. – № 10. – С. 111–114.
16. Гриценко Н.П. Волнения удельных крестьян Среднего Поволжья в связи с общественной запашкой (1828–1860) // Ученые записки Ульяновского гос. пед. ун-та. – 1953. – Вып. 5. – С. 143–206.
17. Гриценко Н.П. Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне в период разложения феодально-крепостнического строя // Ученые записки Грозненского гос. пед. ин-та. – Грозный, 1957. – № 9. – С. 99–124.
18. Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Москва: ЛОИИ АН СССР, 1961. – 35 с.
19. Гриценко Н.П. Усиление феодальной эксплуатации удельных крестьян в условиях кризиса крепостного строя // Исторические записки. – 1956. – Т. 58. – С. 189–205.
20. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) / Дьячков В.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Протасов Л.Г. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). – Москва: РОССПЭН, 1996. – С. 146–154.
21. Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец 18 – первая половина 19 в.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 04.12.2020).
22. Ефимов А.А. История создания системы управления недвижимым имуществом Департамента уделов в Российской империи в конце XVIII века // Вестник Северного (Арктического) федерал. ун-та. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 5. – С. 14–23.
23. Завитаев А.Н. Размеры землепользования удельных крестьян Саратовского Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX века // Казанская наука. – 2015. – № 11. – С. 20–24.
24. Завитаев А.Н. Значение провинциальных архивов в деле изучения истории удельных крестьян России (на примере архивов Саратовской области) // Казанская наука. – 2010. – № 1. – С. 32–34.
25. Ивашута Л.П. Проблемы удельной деревни в советской исторической литературе // Вопросы истории Урала. – Свердловск: УГУ им. А.М. Горького, 1976. – Сб. 14. – С. 106–117.
26. История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 1–3. [Ред. Бородулина... при содействии Романова, Рейна и Чудновского]. – Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. Уделов. – Т. 1. – 1901. – 723 с.; Т. 2. – 1901. – 581 с.; Т. 3. – 1902. – 201 с.
27. Клеянкин А.В. К вопросу о землепользовании и купчих землях удельных крестьян Мордовии в I половине XIX века // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVII – начале XX). – Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева, 1979. – С. 91–104.

28. Клеянкин А.В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в I половине XIX века. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1974. – 186 с.
29. Котов П.П. К вопросу об удельных крестьянах в советской историографии // Проблемы изучения и преподавание историографии истории СССР в высшей школе. – Сыктывкар: СГУ, 1989. – С. 104–111.
30. Котов П.П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 гг.: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского ун-та. Серия История и филология. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 13–21.
31. Котов П.П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского ун-та. Серия История и филология. – 2012. – Т. 22, № 3. – С. 104–110.
32. Котов П.П. Удельные крестьяне Севера 1797–1863. – Сыктывкар: СГУ, 1991. – 80 с.
33. Котов П.П. Хозяйство удельных крестьян Севера в середине XIX в. // Хозяйство северного крестьянства в XVII – начале XX в. – Сыктывкар: СГУ, 1987. – С. 21–29.
34. Красникова Ю.Н. Восстание удельных крестьян Уренской волости (1829–1831) // Известия Санкт-Петербургского гос. аграр. ун-та. – Санкт-Петербург, 2014. – № 38. – С. 349–354.
35. Красникова Ю.Н. Гражданская позиция в среде крестьянства первой половины 19 века // Социальные проблемы российского села и аграрных отношений. Материалы междунар. науч. конф. «Седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения. 16–18 апреля 2015 года». – Санкт-Петербург: СПбГАУ, 2015. – С. 206–213.
36. Красникова Ю.Н. Департамент уделов в структуре государственных учреждений Российской империи в первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Санкт-Петербург: СПбГАУ, 2023. – 36 с.
37. Красникова Ю.Н. Кормилицы как особая социальная группа в Российской империи XIX – начала XX веков // Известия Санкт-Петербургского гос. аграр. ун-та. – Санкт-Петербург, 2015. – № 5. – С. 134–138.
38. Красникова Ю.Н. Легко ли быть волостным писарем? (на примере удельной деревни первой половины XIX в.) // История повседневности. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. – № 3 (23). – С. 41–63.
39. Красникова Ю.Н. Николай I: император и помещик (противоречивость политического лидерства в России) // Известия Санкт-Петербургского гос. аграр. ун-та. – Санкт-Петербург, 2014. – № 35. – С. 371–376.
40. Красникова Ю.Н. Почему крестьяне к царю в столицу ходили? (К истории хождения в Российской империи в первой четверти XIX века) // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XIII Всеросс. Науч. конф. – Санкт-Петербург: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2022. – С. 109–115.

*Департамент уделов в структуре государственных учреждений
Российской империи первой половины XIX в (степень изученности темы)*

---

41. Красникова Ю.Н. Развитие системы образования в удельных имениях во второй четверти XIX века, на примере главных и сельских училищ // Россия под властью Романовых: к 400-летию воцарения: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 15 марта 2013 г. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013. – С. 89–93.
42. Красникова Ю.Н. Расширение компетенции первого товарища министра Департамента уделов в первой половине XIX века // Вестник НГУ. Серия История, филология. – 2023. – Т. 22, № 1: История. – С. 64–77.
43. Красникова Ю.Н. Реализация образовательных программ в удельном ведомстве (первая половина XIX века) // Династия Романовых: традиции благотворительности и меценатства. Международная научная конференция. Москва, 4–6 июня 2013 г. – Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2013. – С. 108–111.
44. Красникова Ю.Н. Религиозная политика Департамента уделов по отношению к молоканскому движению в среду удельных крестьян в первой трети XIX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – Москва: РАНХиГС при Президенте РФ, 2011. – Т. 29, № 3/4. – С. 388–396.
45. Красникова Ю.Н. Рекрутские наборы удельных крестьян в первой четверти XIX века // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 2. – С. 42–44.
46. Красникова Ю.Н. Современная историография истории удельных крестьян (первая половина XIX века) // Герценовские чтения: Актуальные проблемы русской истории. 23 апреля 2013. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. – С. 253–262.
47. Красникова Ю.Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. – Екатеринбург: Центр научных и образовательных проектов, 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 451–469.
48. Красникова Ю.Н. Удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII–первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений. – Санкт-Петербург: СПбГАУ, 2014. – 164 с.
49. Кудрявцева З.И. Документы высших и центральных учреждений по истории удельных крестьян (1797–1863 гг.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX вв. – Ленинград: Изд. ЛГУ, 1967. – С. 176–204.
50. Ланской Г.Н. Современные историографические концепции аграрной истории России второй половины XIX – начала XX вв.: традиции и новаторство // Новый исторический вестник. – 2007. – № 1 (15). – С. 28–45.
51. Лукоянов Р., Павлова О.А. Удельные крестьяне Воротынского уезда // Социально-экономические проблемы развития муниципальных образований. Материалы научно-практической конференции студентов и молодых ученых: тезисы / ред. кол.: А.Е. Шамин, Н.В. Провалёнова, О.А. Фролова, А.В. Мартынячев. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. инженер.-эконом. ин-т, 2015. – С. 46–51.

52. Мороховец Е.А. Крестьянская реформа 1861 г. – Москва: Соцэкгиз, Полиграфкнига, 1937. – 162 с.
53. Мякотин В.А. Крестьянское самоуправление в удельных имениях // Русское богатство. – 1903. – № 6. – С. 51–93.
54. Мякотин В.А. Личные и имущественные права удельных крестьян // Русское богатство. – 1903. – № 7. – С. 63–70.
55. Несмеянова И.И. Министерство императорского двора и уделов в истории Российской государственности. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2009. – 275 с.
56. Орлов С.В. Раскольниковство в Алатырском уезде в первой половине XIX века // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000. – С. 125–127.
57. Орлов С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2003. – 17 с.
58. Парусов А.И. К вопросу о положении и борьбе удельных крестьян России в первой четверти XIX века // Ученые записки Горьковского пед. ин-та иностран. языков. – 1959. – Вып. 12. – С. 219–235.
59. Половинкин Н.С. Документы ЦГИА по истории удельной деревни в первой половине XIX в. // Советские архивы. – 1980. – № 6. – С. 46–47.
60. Половинкин Н.С. К вопросу о положении удельных крестьян России в первой трети XIX в. // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь в дореволюционной России. – Тюмень: ТГУ, 1978. – С. 54–68.
61. Половинкин Н.С. Удельная деревня Приуралья в первой половине XIX в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение. – Свердловск: УрГУ, 1986. – С. 127–134.
62. Приходько М.А. Историко-юридическая концепция развития министерской системы управления в России в начале XIX в. // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 12 (36). – С. 84–87.
63. Приходько М.А. Реформа центральных учреждений государственного управления и создание министерской системы управления в России в первой трети XIX века // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 187–197.
64. Просвирякова Т.Н. Деятельность государства в развитии грамотности удельного крестьянства (на примере Владимирской губернии) // Человек в российской повседневности: история и современность. – Пенза: ПГСХА, 2008. – С. 216–217.
65. Рянский Л.М., Рянский Р.Л. Положение помещичьих крестьян в конце XVIII–начале XIX в. // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права. Материалы научной конференции. Липецк, 12–13 апреля 2011. – Липецк: Мистраль-М, 2011. – С. 49–59.
66. Седов А.В. Борьба удельных крестьян против крепостничества (по материалам Нижегородской губернии) // Ученые записки Горьк. ун-та. – 1961. – Вып. 52. – С. 29–41.

*Департамент уделов в структуре государственных учреждений
Российской империи первой половины XIX в (степень изученности темы)*

---

67. Седов А.В. Крепостническая эксплуатация удельных крестьян // Труды Горьк. пед. ин-та. – 1956. – Т. 18. – С. 50–65.
68. Серкина С.С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII – первой половины XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2002. – 20 с.
69. Столетие уделов. 1797–1897. – Санкт-Петербург: типография Главного управления уделов, 1897. – 96 с.
70. Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): проблемы историографии. – Астрахань: изд. Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. – 169 с.
71. Ходский Л.В. Земля и земледелец. – Т. 1–2. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1891–1892. – 266 + 314 с.
72. Шайхисламов Р.Б. Влияние вотчинного права башкир на землепользование удельных крестьян // Единство. Гражданственность. Патриотизм: сб. науч. тр. к 100-летию Республики Башкортостан. – Уфа: Мир Печати, 2019. – С. 91–93.
73. Шайхисламов Р.Б., Мысляева Н.С. Удельные крестьяне Южного Урала в до-реформенный период // Современная научная мысль. – 2018. – № 6. – С. 52–56.
74. Эммаусский А.В. Разложение крепостничества и отмена крепостного права в Вятской губернии. К вопросу о формировании капитализма в России. – Киров, 1976. – С. 17–18.

УДК 303.446.4; 94(470.5); 930; 94(47).081–083;
DOI: 10.31249/hist/2024.04.07

АНАНЬЕВ Д.А.* ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Аннотация. В статье анализируются работы англо- и немецкоязычных исследователей, посвященные изучению истории социально-экономического развития Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Установлено, что западными историками использовался аналитический инструментарий теории «фронта», «колониационной», «модернизационной», «имперской» парадигм, наиболее обстоятельно изучалась аграрная история Сибири, а также проблемы развития транспортных коммуникаций в пореформенный период.

Ключевые слова: англо- и немецкоязычная историография социально-экономического развития Сибири; «новая имперская история»; крестьянские переселения в Сибири; колонизация Сибири; Транссибирская магистраль.

ANAN'EV D.A. Problems of socioeconomic development of Siberia during the late imperial period in the works of English- and German-language historians

---

* © Ананьев Денис Анатольевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI – начала XX в., Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН); denis.ananyev@gmail.com

¹ Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024–0007)

Abstract. The article analyzes works of the English- and German-language researchers studying the history of socioeconomic development of Siberia in the second half of the XIX – early XX century. It is established that Western historians in their analysis used the theory of “frontier”, “colonization”, “modernization”, “imperial” paradigms. The most thoroughly studied is the agricultural history of Siberia, as well as problems of transport communications development during the post-reform period.

Keywords: English- and German-language historiography of the socio-economic development of Siberia; “new imperial history”; peasant resettlements in Siberia; colonisation of Siberia; Trans-Siberian Railway.

Для цитирования: Ананьев Д.А. Проблемы социально-экономического развития Сибири в позднейимперский период в освещении англо- и немецкоязычной историографии. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 110–123. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.07

Истории социально-экономического развития Сибири за рубежом посвящена довольно обширная (прежде всего англо- и немецкоязычная) историография, что обусловлено широко распространенным представлением о колоссальном значении региона для экономики России. Особое внимание в зарубежном сибиреведении уделяется периоду второй половины XIX – начала XX в., времени ускоренной модернизации всех сфер жизни региона. Цель статьи – определить основную проблематику работ англо- и немецкоязычных исследователей, выявить использованные ими теоретико-методологические подходы, а также дать общую оценку их вклада в изучение темы.

Стремясь объяснить успешность присоединения и закрепления за Россией огромных пространств в Северной Азии, англо- и немецкоязычные авторы обращались к изучению аграрной истории Сибири, прежде всего массовых крестьянских переселений. На рубеже XIX–XX вв. одними из первых указанную проблематику анализировали немецкие специалисты, в частности К. Виденфельд [47] и В. Клумберг [24]. В истории аграрного освоения региона Виденфельд выделил четыре основных периода. Первый, по его

мнению, продолжался до середины XVIII в. и был отмечен сравнительно лояльным отношением правительства к вольнонародной колонизации. Второй, связанный с переходом к политике строгого государственного контроля и ограничений, завершился в середине XIX в. В течение следующего периода, длившегося до 1895 г., осуществлялась планомерная колонизация Северной Азии, хотя 1860–1870-е годы были отмечены уменьшением потока переселенцев из-за отсутствия должной поддержки со стороны правительства. Радикальное изменение позиции властей произошло только в середине 1890-х годов, обозначив начало нового этапа в истории крестьянских переселений в Сибирь.

По мнению Виденфельда, наряду со строительством Транссибирской магистрали переселения способствовали интеграции Сибири в общеимперское пространство. По своим масштабам они превосходили миграционный поток в Канаду, хотя немецкий исследователь поддержал предположение А.А. Кауфмана о том, что к 1900 г. пик переселений был пройден. В целом успехи аграрного освоения региона к началу XX в. Виденфельд оценивал как скромные, считая главным препятствием «человеческий фактор» – привычку и потребность крестьян в «административном поводе» [47, S. 117]. Указывая на нехватку людских ресурсов для полноценного освоения региона, исследователь даже высказался за сохранение уголовной ссылки в Сибирь, полагая, что лучше иметь ссыльных работников, чем не иметь никаких, а тех, кто придерживался противоположной точки зрения (Н.М. Ядринцев, Дж. Кеннан и др.), критиковал за «гуманистическую сентиментальность» [47, S. 119].

Периоду столыпинских переселений в Сибирь посвящена диссертация В. Клумберга, полагавшего, что миграции способствуют распространению достижений европейской цивилизации, и сопоставлявшего колонизационные процессы в России, странах Европы и Северной Америки. Вслед за Кауфманом немецкий исследователь считал главной причиной переселений аграрный кризис, вызванный низким агротехническим уровнем крестьянских хозяйств, а выход из кризиса связывал с процессами модернизации и интенсификации сельскохозяйственного производства. Как и Виденфельд, Клумберг критиковал сибирских крестьян за экстенсивные методы ведения сельского хозяйства и в целом негативно оценивал итоги всего переселенческого процесса. По заключению

автора, улучшению экономической ситуации в регионе могло бы способствовать введение земств. В начале XX в. скептическую позицию Клумберга во многом разделял Х.-Ю. Серафим, изучавший аграрную колонизацию Западной Сибири. В то же время более позитивно итоги столыпинских переселений воспринимали О. Хетцш [19], К. Дице [13], М. Шлезингер [38].

В англоязычной историографии первой половины XX в. также преобладали негативные оценки, как например в известном труде Дж. Робинсона [3, р. 110]. Иной взгляд отстаивали русские историки-эмигранты. А.В. Байкалов [7] предвосхитил концепции тех западных историков (В. Конолли [10], А. Колз [25], Б. Грэйсон [17], Н. Саул [36], Дж. Стюарт [40]), которые впоследствии писали об успешности модернизационных процессов в Российской империи. По заключению А.Г. Дорожкина, в немецкоязычной историографии второй половины XX столетия преобладали «пессимисты» (Ю. Нецольд, Б. Бонвеч, Д. Гайер и др. [3; 16; 32]), а в конце века – сторонники компромиссной концепции, отмечавшие как положительные, так и отрицательные аспекты аграрного развития дореволюционной Сибири.

Особенность историко-сибиреведческих исследований второй половины XX – начала XXI в. – широкое применение теории «фронта», позволявшей, по мнению западных историков, лучше понять экономические, социальные, культурные и этнические аспекты крестьянских переселений в Азиатской России. Вместе с тем сторонников данной теории критиковали за преувеличенные представления о своеобразии сибирского населения и недооценку усилий правительства, направленных на культурную и национальную гомогенизацию.

В 1950-х годах элементы теорий «модернизации», «колонизации» и «фронта» в исследовании по аграрной истории Сибири впервые соединил известный американский историк Д. Тредголд [43], ученик М.М. Карповича. Утверждая, что сибиряки отличались большим свободолобием, и что сибирский социум имел больше сходства с американским, нежели с тем, что сложился в Европейской России, Тредголд подчеркивал, что переселенцы искали в Сибири не только землю, но и свободу. Называя сельский сход подлинным «органом демократии» [43, р. 244], исследователь все же признавал, что до перехода к прямому народному участию

в формировании властных органов в дореволюционной Сибири было еще очень далеко.

Труд Тредголда высоко оценили за рубежом, но подвергли критике в советской историографии. В отличие от американского историка, во многом опиравшегося на работы Кауфмана, Л.М. Горюшкин называл главными причинами переселений в Сибирь не отсталость агротехники и рост народонаселения, а малоземелье (в условиях сохранения помещичьих хозяйств) и разорение крестьян в Европейской России. Признавая определенное сходство между американскими и сибирскими переселенцами и преобладание в Сибири «фермерского» пути развития деревни, что в известной степени созвучно идеям Тредголда, Горюшкин вместе с тем опроверг его вывод об отсутствии за Уралом капиталистического сельского хозяйства и «процветании трудового сибирского крестьянства» в условиях «социальной революции», якобы явившейся следствием столыпинской аграрной реформы [1; 2].

В англо- и немецкоязычной историографии последней трети XX в. отдельные положения теории «фронта» в своих исследованиях по аграрной истории Сибири применяли Д. Казмер [23], Э. Доннели [14], С. Беккер [8], А. Каппелер [22], уделявшие особое внимание этнокультурным и этносоциальным аспектам переселенческого процесса. Так, Д. Казмер, опиравшийся на модель У.М. Льюиса, которая описывает экономическое развитие при неограниченном предложении труда, показал, что в Сибири доходы перераспределялись от старожилов, владевших земельными участками, в пользу новоселов, старавшихся аккумулировать деньги для обзаведения собственным хозяйством.

Э. Доннели признавал наличие ситуации «фронта» в местностях совместного проживания казахов и русских, но отмечал, что после того, как была обеспечена военная безопасность региона, начали работать обычные механизмы колонизации с ее негативными последствиями для коренных этносов. С. Беккер проводил параллели с американским «фронтиром», полагая, что русские действовали в отношении казахов так же, как американцы – в отношении индейцев. А. Каппелер, подчеркивавший значение культурных и этнических особенностей в хозяйственном освоении территорий в условиях «фронта», усматривал в стремлении крестьян к свободе проявление вполне традиционной системы ценностей.

В представлении сторонников теории «модернизации» (к ним можно отнести, например, Б. Андерсон) такое стремление свидетельствовало об обратном – а именно, об отказе от традиционных ценностей. В подтверждение своей гипотезы о ведущей роли фактора «модернизации» американская исследовательница установила наличие положительной корреляции между уровнем оттока населения и высоким уровнем грамотности в регионах происхождения мигрантов (но при этом Андерсон не принимала во внимание этнический состав переселенцев) [6].

Расцвет англо-американской историографии, посвященной российскому крестьянству, пришелся на 1960–1990-е годы, под влиянием «социальной истории» и призывов к изучению «истории снизу». В ряду важнейших проблем, рассмотренных в работах западных историков, следует назвать эволюцию крестьянской общины. С позиций теории модернизации данный процесс анализировал Д. Мейси, полагавший, что чем сильнее государство пыталось с помощью бюрократии интегрировать крестьянство в остальное общество, тем больше оно усиливало эгалитарные и коллективистские черты общины. Однако в период столыпинской реформы община превратилась в инструмент «крестьянского эгоизма», все чаще защищая зажиточных крестьян и одновременно увеличивая слой сельских пролетариев [28, р. 222].

На материале сибирской истории указанную проблему анализировал Дж. Чэннон, пытавшийся выяснить причины возникновения передельной земельной общины за Уралом и определить ее специфику. Отмечая, что сибирские крестьяне полагались на общину больше, чем на институт частной собственности, британский исследователь пришел к выводу, что переход от индивидуально-общинного землепользования к общинно-передельному был вызван относительной нехваткой земли из-за роста численности населения [9]. В свою очередь, о постепенном ослаблении роли общины в Сибири писал немецкий историк Д. Дальман [11].

В современной немецкой историографии элементы теорий модернизации и фронта объединила Э.-М. Столберг (Штольберг), поставившая под сомнение успешность аграрного развития Сибири в предреволюционный период и считавшая особенностью этого развития доминирующее значение государства [41]. Отмечая большую роль П.А. Столыпина, заимствовавшего американский

опыт, с его ставкой на фермерские хозяйства и желанием избежать появления крупного землевладения, немецкая исследовательница подчеркивала, что переселения крестьян за Урал воспринимались как средство распространения европейской цивилизации и победы над «дикостью» [41, S. 78], однако условия «фронтира» затрудняли процессы унификации и гомогенизации. Как и исследователи начала XX в., Столберг широко использовала сравнительный метод, сопоставляя процессы заселения и освоения Сибири, США и Канады. По заключению автора, итоги сибирских переселений свидетельствовали о большей эффективности канадского и американского федерализма в сравнении с централизмом в системе управления Российской империи. Указывая на острые противоречия между старожилами и новоселами, Столберг подчеркивала, что последние легче поддавались революционной пропаганде (как это было, например, в Канаде).

Более высокую оценку политике Столыпина в восточных регионах России дает Ч. Стейнвелд, указывающий на стремление реформатора создать в Сибири более инклюзивное и гибкое общество, основой которого было частное землевладение [39]. По наблюдениям американского историка, в известной «Записке» Столыпина и А.В. Кривошеина, составленной по итогам поездки в Сибирь в 1910 г., просматриваются два определения нации. Первое делало акцент на принадлежности к русскому этносу и православии; второе основывалось на критериях географии, подданства и собственности, и именно такое представление начинало преобладать, хотя сам Столыпин опасался, что в итоге правительство получит «грубо-демократическую» Сибирь [39, p. 141].

В англо- и немецкоязычных исследованиях по истории индустриального развития Сибири второй половины XIX – начала XX в. (работы Д. Тредголда, В. Моута [31], Х. Таппера [44], Б. Самнера [42], А. Геденштрёма [18], Р. Норта [33], Х. Хукхэм [20] и др.) основное внимание уделяется вопросам, связанным со строительством Транссибирской магистрали и тому всеобъемлющему воздействию, которое железная дорога оказала на социально-экономические и социокультурные процессы в регионе, а также выяснению ее военно-стратегического и геополитического значения.

Дискутируя о целях сооружения магистрали, большинство историков сошлись во мнении, что для царского правительства

Транссиб являлся прежде всего «инструментом военно-политической экспансии» (Р. Норт, С. Маркс [29], Э.-М. Столберг). Однако уже в первых работах по данной теме, опубликованных на рубеже XIX–XX вв., встречались и другие точки зрения. Так, К. Виденфельд, подчеркивавший большую роль, которую сыграл в реализации проекта глава МПС А.Я. Гюббенет, полагал, что цели сооружения Транссиба носили не только военно-стратегический характер, но и торговый. В последующей историографии, подчеркивавшей прежде всего заслуги Александра III и С.Ю. Витте, на первостепенное значение Транссиба для модернизационного развития Азиатской России указывали В. Конолли, П. Дибб [12], Б. Андерсон, Дж. Вествуд [46] и др.

Успешность и эффективность проекта трансконтинентальной магистрали ставили под сомнение Р. Норт и В. Моут, отмечавшие, что стремление построить дорогу быстро и дешево привело к серьезным недостаткам, в первую очередь – низкой пропускной способности. По заключению Э.М. Столберг, Транссиб показал, что контроль государства над процессом распространения инноваций со временем превратился в тормоз развития экономики, тогда как для осуществления широкомасштабного инфраструктурного проекта требовалось привлечение частного инвестиционного капитала, в том числе иностранного. К аналогичным выводам пришли А. Вуд [48] и С. Маркс.

Охарактеризовав железнодорожное строительство как инструмент «экспансии российского империализма», расширения его политического, экономического и культурного влияния, западные авторы анализировали результаты этой «экспансии» также с позиций теории «колонизации» и «модернизации».

Достаточно высокая оценка итогов «модернизации» сибирской экономики содержится в работах других западных исследователей (А. Байкалова, В. Конолли [10], В. Моута [31], Дж. Стюарта и др.). Признавая «полуколониальный» статус сибирской окраины¹, они все же указывали на высокий уровень развития капитализма в Сибири, активное применение сельскохозяйственных машин, за-

---

¹ По наблюдению С.В. Передерия, представление о Сибири как «российском доминионе» восходит еще к работам А. Летбриджа [26], Р. Джефферсона [21], М. Прайса [34], опубликованным в начале XX в.

метное участие иностранного капитала в экономике региона, отрицали (как например С. и Е. Данн [15], Е. Виноградов [45]) наличие серьезных противоречий в сибирской деревне.

Даже такая дискриминационная по отношению к Сибири мера, как введение в 1896 г. Челябинского тарифного «перелома», обернулась небывалыми успехами сибирских маслодельных предприятий, о чем подробно писал, в частности, В. Моут [30]. Впрочем, Р. Норт призывал не преувеличивать негативный эффект от действия тарифного барьера, который никогда не приводил к полному прекращению вывоза зерна на запад, в том числе за границу. В наименее благоприятные годы зерно перевозилось на Урал, а затем в очень небольших объемах – в области Приуралья и на экспортные рынки. В то же время экспорт пшеницы, произведенной в Европейской России, порой достигал таких масштабов (позволявших империи поддерживать благоприятный торговый баланс, обслуживать свои долги и иметь «хороший кредитный рейтинг»), что для внутреннего потребления зерна оставалось слишком мало. [33, р. 75] В таких условиях непродаваемые излишки сибирского зерна было бы логичнее объяснять низкой пропускной способностью железной дороги, а не действием тарифного «перелома».

Кроме того, по расчетам Нортона, даже без челябинского тарифа, дававшего 10% портовой цены на зерно, транспортные расходы все равно достигали бы 65%, снижая конкурентоспособность сибирской пшеницы на европейском рынке. В отличие от авторов, указывавших на значительный рост объемов вывозимой пшеницы после отмены тарифа в 1913 г. и тем самым доказывавших его пагубность, канадский историк замечал, что отмена «перелома» также совпала с внедрением ряда технических усовершенствований на железной дороге, а с началом Первой мировой войны перевозки зерна вообще были взяты под контроль государства. С выводами Р. Нортона, по сути, согласна Э.-М. Столберг, полагающая, что тарифная граница оказалась «дырявой», поскольку в годы неурожаяв Сибирь всегда снабжала Европейскую Россию зерном.

Более сдержанная оценка итогов экономического развития дореволюционной Сибири содержится в статье британского историка Р. Лонсдейла [27]. Анализируя деятельность промышленных предприятий Томской губернии в конце XIX – начале XX в., автор пришел к выводу, что реальные успехи индустрии были невелики,

о чем свидетельствовал медленный рост численности промышленных рабочих, их низкий удельный вес и в целом медленный рост объема фабричного производства.

Ставя под сомнение успехи модернизации сибирской экономики, зарубежные авторы как правило не выходят за рамки традиционного взгляда на модернизационный процесс, когда, по словам современного немецкого историка Ф.Б. Шенка, историческая трансформация в царской империи описывается на «сравнительном фоне идеально-типического “западного” развития» как относительно «отсталая» (в противовес «прогрессивной»). В современной историографии такой взгляд на «модернизацию» критикуют исследователи, оперирующие, по определению Ф.Б. Шенка, «открытым и амбивалентным» понятием «модерна» как нейтрального обозначения, относящегося к эпохе с неопределенными временными границами (от середины XIX в. и вплоть до второй половины XX в.). В представлении таких исследователей, необходимо говорить о «многообразии модерна / модернов» и разнообразии исторических путей, ведущих в «модерн» [37, S. 23–27].

Не отказываясь полностью от модернизационной парадигмы, Шенк полагает, что историю модернизации путей сообщения в Российской империи в пореформенный период можно рассматривать с двух точек зрения. Первая предполагает в качестве ключевого элемента сравнение России с идеальным типом «Запада», служившего «референтной величиной описания и оценки исторического развития собственной страны». По словам немецкого исследователя, данная «модель интерпретации вплоть до сегодняшнего дня бытует в западной и российской историографии, по-прежнему подчеркивающей, что Россия – несмотря на все достижения в железнодорожном строительстве в XIX столетии – все же опоздала на свой «поезд в современность», и что страна перед Первой мировой войной не достигла той степени рациональности, эффективности и скорости, которые якобы были характерны для мобильных и “современных” обществ “Запада” в то время» [37, S. 448].

Другая перспектива предполагает не столько сравнение России и Запада, сколько анализ «признаков той общественной, политической и культурной трансформации России, которая стала результатом появления транспорта на паровом двигателе». Свидетельством происходившей трансформации служили пред-

ставления о пространстве России, изложенные участниками многочисленных дебатов об освоении территории империи посредством железных дорог. Участники этих дискуссий могли представлять царскую империю преимущественно как «интегрированное политически или экономически пространство», как «стратегически уязвимую извне территорию», как «национальное» тело или «имперскую сферу господства» [37, S. 19–20].

Таким образом, западными исследователями, использовавшими аналитический инструментарий различных теорий и концепций (в том числе концепции «русской восточной экспансии», теории «фронтира», «колонизационной», «модернизационной», «имперской» парадигм), наиболее обстоятельно изучалась аграрная история Сибири, а также проблемы развития транспортных коммуникаций в регионе в пореформенный период. Смена теоретико-методологических подходов и концепций отражала общие тенденции развития историографии. В начале XX в. работам западных сибиреведов были присущи «объективистские» установки, поиск универсальных схем исторического развития. В современной историографии, испытавшей влияние «новой социальной и культурной истории», преимущественное внимание уделяется не столько сопоставлению количественных показателей, свидетельствовавших о степени «успешности» и «эффективности» социально-экономической модернизации, сколько выяснению особенностей социокультурных процессов, связанных с развитием «российского модерна». Вместе с тем слабо изученными остаются проблемы урбанизации Сибири, развития торговли, промыслов и промышленности, финансово-кредитной сферы региона.

Список литературы

1. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1967. – 412 с.
2. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1976. – 342 с.
3. Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: сб. мат. регионал. науч. конф. – Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. – С. 41–49.

Проблемы социально-экономического развития Сибири в позднимперский период в освещении англо- и немецкоязычной историографии

---

4. Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. – С. 164–178.
5. Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 1984. – 193 с.
6. Anderson B.A. Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia. – Princeton: Princeton univ. press, 1980. – 264 p.
7. Baikarov A.V. The conquest and colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review. – 1932. – Vol. 10, N 30. – P. 557–571.
8. Becker S. Russia's Central Asian empire, 1885–1917 // Russian Colonial Expansion to 1917. – London; New York: Mansell, 1988. – P. 235–256.
9. Channon J. Regional variation in the commune: The case of Siberia // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. – London: Palgrave Macmillan, 1990. – P. 66–85.
10. Connolly V. Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia. – London: Oxford univ. press, 1967. – 420 p.
11. Dahlmann D. Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. – Paderborn: Ferdinand Schoeningh, 2009. – 464 S.
12. Dobb P. Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. – New York; London: Praeger Publ., 1972. – 288 p.
13. Dietze C. Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft. – Berlin: Teubner, 1920.–90 S.
14. Donnelly A. The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // Russian Colonial Expansion to 1917. – London; New York: Mansell, 1988. – P. 189–207.
15. Dunn S., Dunn E. The Peoples of Siberia and the Far East // Russia and Asia. Essays on the influence of Russia on the Asian peoples. – Stanford: Hoover Institution press, 1972. – P. 308–309.
16. Geyer D. Der russische Imperialismus. Studien ueber Zusammenhang von innerer und auswaertiger Politik. 1860–1914. – Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1977. – 344 S.
17. Grayson B. Lost Opportunity: the Alaska-Siberia Tunnel // Asian Affairs. – 1977. – Vol. 8, N 1. – P. 63–69.
18. Hedenstroem A., von. Geschichte Russlands von 1878 bis 1918. – Stuttgart-Berlin: Stuttgart Deutsche Verlags-Anstalt, 1924. – 348 S.
19. Hoetzsch O. Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg. – Berlin: Reimer, 1917. – S. 304–307.
20. Hookham H. The builders of the Trans-Siberian Railway // History Today. – 1966. – Vol. 16, N 8. – P. 528–537.
21. Jefferson R. Roughing it in Siberia with the same account of the Transsiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia. – London: S. Low, Marston & company, 1897. – 40 p.

22. Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtsiche Diaspora in Russland vor 1917 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. – 1997. – Bd. 45, H. 1. – P. 48–63.
23. Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // *American Economic Review*. – 1977. – Vol. 67, N 1. – P. 429–432.
24. Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). – Zürich: Gebr. Leemann, 1914. – 124 S.
25. Kolz A. British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War, 1918–1920 // *Journal of Modern History*. – 1976. – Vol. 37. – N 3. – P. 483–491.
26. Lethbridge A. The New Russia. From the White Sea to the Siberian Steppe. – New York: E.P. Dutton, 1915. – 309 p.
27. Lonsdale R.E. Siberian Industry before 1917: The Example pf Tomsk Guberniya // *Annals of the Association of American Geographies*. – 1963. – Vol. 53, N 4. – P. 479–493.
28. Macey D.A. The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906–1914 // *Land Commune and Peasant. Community in Russia*. – New York: Palgrave Macmillan, 1990. – P. 219–236.
29. Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. – New York: Cornell univ. press, 1991. – 262 p.
30. Mote V. The Cheliabinsk Grain Tariff and the Rise of the Siberian Butter Industry // *Slavic Review*. – 1976. – Vol. 35, N 2. – P. 304–317.
31. Mote V. Siberia: Worlds Apart. – Boulder: Westview Press, 1998. – 239 p.
32. Noetzold J. Wirtschaftliche Alternativen der entwicklung Russlands in der Aera Witte und Stolypin. – Berlin: Duncker & Humboldt, 1966. – 217 S.
33. North R. Transport in Western Siberia. Tsarist and Soviet Development. – Vancouver: University of British Columbia Press, 1979. – 384 p.
34. Price M. Siberia. – London: Methuen & Co., 1912. – 381 p.
35. Robinson G.T. Rural Russia Under the Old Regime. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1960. – 342 p.
36. Saul N. An American's Siberian Dream // *Russian Review*. – 1978. – Vol. 37, N 4. – P. 405–420.
37. Schenk F.B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. – 456 S. – (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa; N 82).
38. Schlesinger M.L. Russland im XX Jahrhundert. – Berlin: Dietrich Reimer, 1908. – 542 S.
39. Steinwedel Ch. Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917 // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. – London; New York, 2007. – P. 128–147.
40. Stewart J.M. The British in Siberia: 1581–1978 // *Asian Affairs*. – 1979. – Vol. 10, Issue 2. – P. 132–143.
41. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands “Wilder Osten”. Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jahrhundert. – Stuttgart, 2009. – 329 S.

***Проблемы социально-экономического развития Сибири в поздней-
перский период в освещении англо- и немецкоязычной историографии***

---

42. Sumner B.H. Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914. – London: Humphrey Milford, 1940. – 43 p.
43. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. – Princeton: Princeton univ. press, 1957.–278 p.
44. Tupper H. To the Great Ocean: the taming of Siberia and the building of the Trans-Siberia railway. – Boston: Little Brown, 1965. – 536 p.
45. Vinogradoff E. The Russian Peasantry and the Elections to the Fourth State Duma // The Politics of Rural Russia, 1905–1914. – Bloomington; London, 1979. – P. 219–260.
46. Westwood J.N. A History of Russian Railways. – London: G. Allen and Unwin, 1964. – 328 p.
47. Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirthschaftlichen Bedeutung. – Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 1900. – 208 S.
48. Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. – London; New York: Bloomsbury Academic, 2011. – 320 p.

УДК 01; 024.7; 930

ОИ: 10.31249/hist/2024.04.08

**БОЛЬШАКОВА О.В.* ФЕНОМЕН СОВЕТСКОГО СПЕЦХРАНА:
НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О НАУЧНЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ
ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ НА ПРИМЕРЕ ИНИОН РАН**

Аннотация. В статье анализируется научный потенциал темы «Феномен советского спецхрана», реализуемой на материале ИНИОН РАН, характеризуются имеющиеся источники: делопроизводственная документация, материалы устной истории, издания ИНИОН (библиографические, реферативные и научно-аналитические), а также сам фонд как единый комплекс литературы, недоступной широкому читателю. Уникальность ИНИОН, где органически соединялись библиотечные ресурсы и научная деятельность по их осмыслению, позволяет проследить всю цепочку прохождения закрытой информации, от комплектования фонда специального хранения до производства на его базе научной продукции и затем до ее потребителя.

Ключевые слова: Институт научной информации по общественным наукам, 1960–1980-е годы; спецхран (литература ограниченного доступа); издания ИНИОН; устная история; общественные науки в СССР.

BOLSHAKOVA O.V. The phenomenon of the Soviet *Spetskhran*: reflections on research prospects of studying the case of INION RAS

Abstract. The paper analyzes the research potential of the theme “The Phenomenon of Soviet *Spetskhran*” implemented on the material of INION RAS, characterizes the available sources: office records, oral

---

* Большакова Ольга Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра руссиеведения Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); jkmuf16@gmail.com

history materials, INION publications (bibliographic, referential and scientific-analytical), as well as the fund itself as a one whole complex of literature inaccessible to general reader. The uniqueness of INION, where library resources and scientific activity on their conceptualization were organically combined, makes it possible to trace the chain of classified information flowing, from the completion of the special storage fund to the preparation on its basis various scientific products, and then to its consumer.

Keywords: Institute of Scientific Information on Social Sciences; 1960–1980 s; Spetskhran (restricted access literature fund); INION publications; oral history; social sciences in the USSR.

Для цитирования: Большакова О.В. Феномен советского спецхрана: некоторые соображения о научных перспективах изучения темы на примере ИНИОН РАН (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 124–140. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.08

В Институте научной информации по общественным наукам РАН бережно хранится память об истории института и его предшественнице – Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (ФБОН), на базе которой он был создан в 1969 г. На платформе института уже несколько лет существует пополняемый сайт «Наследие ИНИОН РАН»¹, где наряду с историческими очерками размещены фотогалерея, некоторые оцифрованные издания советского времени, воспоминания нынешних и бывших сотрудников. Более полно ретроспективные материалы представлены в нескольких сборниках, выпущенных к юбилеям библиотеки и института либо инициированных ими [1; 15; 16; 17]. Как отмечается в предисловии к изданию 2023 г., в его задачи входит не только принести «дань уважения людям, отдавшим Библиотеке и Институту многие годы своей жизни», но и «не допустить разрыва исторической преемственности между поколениями ученых», а также «возвратить профессии исследователя возвышенное содержание, продемонстрировать ... подлинную драму идей с ее переживаниями, рисками, взлетами и падениями» [17, с. 5–6.].

---

¹ <https://heritage.inion.ru/home>

Тема НИР «Феномен советского спецхрана», которую предполагается разрабатывать на материале ИНИОН РАН, в каком-то смысле продолжает эту линию на восстановление и сохранение исторической памяти, однако ее задачи выглядят более сложными и масштабными. Прежде всего, тема генетически связана с исследованиями советской цензуры, которые начали бурно развиваться в 1990-е годы¹. Реконструировалась система политической цензуры как целостная структура, рассматривались механизмы ее функционирования на макро- и микроуровне, выявлялись особенности советской цензурной политики и ее правовые основы. Указывалось на ее профилактическую функцию по обеспечению стабильности государства путем удаления из информационного поля сведений, подрывающих престиж и авторитет власти. Цензура была представлена как важнейший элемент системы партийно-государственного идеологического руководства и контроля за всеми сферами общественной и культурной жизни. Подчеркивалось, что политическая цензура наиболее очевидно проявлялась в сфере гуманитарного знания, в культуре, образовании и искусстве, что позволяло обратиться к более широкому вопросу об идеологии советского государства².

---

¹ Значимое место в этой историографии занимают сборники трудов «Цензура в России: История и современность», издаваемые Российской национальной библиотекой совместно с Институтом истории естествознания и техники РАН. За 20 лет вышло 11 выпусков, один из них в двух томах: Цензура в России: история и современность. Вып. 1–11. – Санкт-Петербург: РНБ, 2001–2023.

² Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917–1929. – Санкт-Петербург: Академ. проект, 1994; Исключить всякие упоминания. Очерки истории советской политической цензуры / сост., ред., авт. предисловия Т.М. Горяева. – Минск; Москва: Старый Свет-Принт, Время и место, 1995; Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции 24–27 мая 1993 г. – Москва, 1995; История советской политической цензуры: документы и комментарии / отв. сост. Т.М. Горяева. – Москва: РОССПЭН, 1997; Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2000; Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2005; Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг. – [2-е изд., испр.]. – Москва: Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина: РОССПЭН, 2009 и др.

Какая-то часть этой весьма обширной историографии посвящена изучению феномена спецхрана, однако главным образом в русле библиотековедения: что собой представляли фонды специального хранения как отдельное подразделение библиотеки, как они формировались, какие книги подпадали под запрет (и какие уничтожались), как происходило открытие запрещенной литературы для читателей¹. Отмечается, что наличие спецфондов не является чисто советским феноменом, однако масштабы ограничений обратно пропорциональны уровню развития политической системы и правовых норм каждого отдельного государства [9, с. 68]. При всем внимании к вопросам ограничения доступа к информации, взгляд специалистов сосредоточен главным образом на том, что происходило «по ту сторону» библиотечной кафедры. Так, в весьма обширной статье С.Ф. Варламовой и О.К. Лукашунас подробно освещается структура специальных фондов РНБ, сведения о которых отсутствовали в справочниках и путеводителях библиотеки (читатели узнавали о них, получая ответ на свой запрос со штампом «выдается по специальному разрешению»). Отдел специальных фондов (ОСХ) подразделялся на два самостоятельных фонда: Спецфонд отечественной и иностранной литературы и созданный гораздо позднее, в 1959 г., фонд ведомственных изданий с

---

¹ См., в частности: Варламова С.Ф. Спецхран РНБ: прошлое и настоящее // Библиотековедение. – 1993. – № 2. – С. 74–82; Балдина И.В. Фонд отдела спецхранения Государственной библиотеки имени Ленина // Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конф. (Москва, 24–27 мая 1993 г.). – Москва, 1995. – С. 20–24; Лютова К.В. Спецхран Библиотеки Академии наук: из истории секретных фондов. – Санкт-Петербург: БАН, 1999; Российская Государственная Библиотека. Страницы истории: сб. ст. / Рос. гос. б-ка; сост. М.Я. Дворкина. – Москва, 2003; Конашев М.Б. Таинство спецхрана // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 5. – Санкт-Петербург: РНБ, 2011. – С. 312–356; Осадчук Л.Г. Государственный контроль как средство ограничения информации в главной публичной библиотеке Приморья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Вып. 3 (19). – 2012. – С. 39–46; Махотина Н.В., Федотова О.П. Фонд литературы ограниченного распространения в научных библиотеках: базовые аспекты функционирования. – Новосибирск, 2013; История Российской национальной библиотеки (1963–2013). – Санкт-Петербург, 2016; Филимонова О.С. Фонд специального хранения в истории Национальной библиотеки Республики Карелия. – Петрозаводск: Национальная библиотека РК, 2020. Книжные памятники Карелии. Публикации. – URL: <https://monuments.library.karelia.ru/Publikacii/> и др.

грифом «Для служебного пользования» (ДСП). Авторы изучили особенности комплектования фондов, режим хранения, справочно-библиографический аппарат, порядок обслуживания читателей и основные статистические показатели по их составу, наконец, штатное расписание и кадры [2].

Исследования такого рода в отношении ИНИОН полностью отсутствуют, хотя потенциал изучения темы спецхрана весьма высок и не ограничен рамками библиотековедения. Уникальность ИНИОН состояла в том, что в этом учреждении органически соединялись библиотечные ресурсы и научные структуры, занимавшиеся их обработкой и осмыслением. Его фонды специального хранения регулярно пополнялись новинками зарубежной литературы, как политической, так и научной, которая служила материалом для подготовки научно-информационных изданий. Таким образом возникает возможность проследить всю цепочку прохождения закрытой информации, начиная от комплектования спецфонда до производства на его базе научной продукции – и, в конечном счете, до ее потребителя.

Несмотря на то, что спецхран занимал важное место в структуре ИНИОН и в его деятельности в 1960–1980-е годы, в воспоминаниях о библиотеке и институте он упоминается лишь sporadически, а в публичных отчетах не упоминался вовсе. Эта «фигура умолчания», естественная для советского времени, продолжила свое существование и позднее, когда в том уже не было нужды. Сохраняется и недооценка роли режимности в науке, олицетворением которой являлся спецхран. Показательно, что в обширном томе воспоминаний академика В.А. Виноградова, возглавлявшего институт в 1972–1998 гг., о спецхране говорится лишь в практическом ключе – в связи с перипетиями перевозки фондов в новое здание на Нахимовском проспекте в 1974 г. Также он отмечает, что ИНИОН в виде исключения был освобожден от контроля Главлита (что нуждается в уточнении), а издания под грифом «Для служебного пользования», основанные на находившейся в спецхране зарубежной литературе, имели, якобы, весьма широкое хождение [3, с. 303, 316].

В то же время в поздравлениях по случаю 90-летнего юбилея ФБОН и 40-летия Института в 2009 г. эта тема звучала очень ярко. Для многих руководителей академических структур, выступавших

на торжественном заседании Ученого совета, ИНИОН ассоциировался прежде всего с его спецхраном. Так, академик В.А. Тишков вспоминал о том, как в течение двух лет писал там курсовую, а затем дипломную работу, и о чувстве трепета, которое он испытывал в специальном читальном зале [см.: 8, с. 159]. При всех поправках на «юбилейную» стилистику, можно заключить, что спецхран являлся значимой характеристикой идентичности ИНИОН. Однако эта идентичность была видна внешним наблюдателям, в то время как для самих сотрудников, изначально «по умолчанию» имевших доступ к работе в спецхране, в этом не было «ничего особенного» и воспринималось как данность.

В воспоминаниях и статьях, написанных в советское время и раскрывающих историю библиотеки Коммунистической академии и ФБОН, наличие в ней фондов специального хранения по понятным причинам лишь подразумевается. В них показана «каноническая» история рождения ИНИОН и подчеркивается, что необходимость создания учреждения такого рода уже в 1950-е годы хорошо осознавалась как учеными, так и специалистами по библиотечному делу [7; 14; 20]. В 1952 г. был организован Институт научной информации, призванный анализировать мировой поток научно-технической литературы, который стремительно и многократно увеличивался в ходе «информационного взрыва». В 1955 г. переименованный в ВИНТИ институт начал издавать реферативную периодику. К середине 1960-х годов информационный взрыв настиг и общественные науки, и здесь также встала проблема экономии времени исследователей. Задача координации информационной деятельности в этой области знания была возложена на созданный при Президиуме АН СССР в 1965 г. Научный совет по информации в области общественных наук [17, с. 49–50].

Через два года в ФБОН была разработана программа создания Института научной информации по общественным наукам путем слияния его с библиотекой. Такое организационное решение давало серьезную экономию сил и средств, поскольку одна и та же книга могла использоваться и читателем, и «информатором», как называли библиографов и реферативных работников в своей статье И.А. Ходош и С.И. Кузнецова. Но главное, писали авторы, соединение библиотечных и информационных видов деятельности в одном центре не только улучшило бы обслуживание читателей и

комплектование литературой, но и способствовало бы созданию трехступенчатой системы научной информации: от полной библиографической обработки книг и журналов с продуктом в виде библиографических указателей и картотек, через отраслевые и страноведческие реферативные журналы, тематические сборники рефератов и переводов, оперативные справки – к третьей ступени, научно-аналитическим обзорам литературы по основным проблемам общественных наук, а также материалам для социального прогнозирования и моделирования. Задуманная система должна была «обеспечить специалисту доступ ко всей мировой литературе», а кроме того – «доступ широкого круга научных работников и преподавателей к разносторонней библиографической, реферативной и обзорной информации» [7, с. 108, 112].

Заметим, что речь шла о распространении именно *научной информации*, в то время как чтение первоисточников оставлялось *специалистам*. По замыслу авторов программы, научная информация прежде всего «должна облегчить поиск нужного исследователю материала и частично “заменить” оригинал», однако у нее, как это становится ясно, была и другая функция – идеологическая. При подготовке реферата следовало, не превращая его в рецензию, «давать отпор антикоммунистической идеологии», уметь не только выделить главное, новое в науке, но и «разоблачать буржуазные концепции» [7, 114–115]. На практике этого не было, но читателю, безусловно, предоставлялась «препарированная» и к тому же «целенаправленно отфильтрованная» информация [12, с. 251] – которую, однако, он был волен понимать и интерпретировать по-своему.

Надо сказать, что указаниями на идеологические задачи ИНИОН официальные отчеты и опубликованные документы отнюдь не перегружены: в докладах тогдашнего директора института В.А. Виноградова мы встречаем лишь дежурные формулы о задачах коммунистического строительства и повышения эффективности идеологической борьбы [10; 11]. Ни слова об этом нет в Постановлении ЦК КПСС о создании Института научной информации по общественным наукам, принятом в октябре 1968 г. И притом, что Институт работал в первую очередь на ЦК, в Постановлении говорилось лишь об информационном обслуживании «в установленном порядке партийных и государственных органов, научных уч-

реждений, высших учебных заведений, научно-педагогических работников» [19]¹.

Между тем созданный в период подъема идеологической борьбы с капитализмом и антикоммунизмом институт был призван обеспечить необходимой информацией тех, кто эту борьбу осуществлял, — что не исключало, впрочем, научной и прогностической функций. Его продукция не предназначалась для широких масс: большинство изданий выходили под грифом «ДСП». Как следует из Указателя изданий ИНИОН, из 30 выпущенных в 1976 г. отдельных научно-аналитических обзоров открытыми были всего три (10%), а из 138 сборников — только 19 (правда, материалы к Пятому Международному конгрессу по экономической истории, проходившему в 1970 г. в Ленинграде, вышли в 8 томах, так что формально можно говорить о 20% открытой продукции) [5, с. 6–21]. Все так называемые «цветные» реферативные серии² по определению являлись закрытыми. Безусловно, самым демократичным видом изданий ИНИОН являлись реферативные журналы, готовившиеся исключительно на открытых источниках, — хотя и они распространялись по подписке. При этом РЖ «Китаеведение» многие годы оставался под грифом «ДСП», так же как и РЖ «Зарубежная литература о мировой социалистической системе», издававшийся совместно с ИЭМСС АН СССР. Через 10 лет картина серьезно изменилась: например, из выпущенных в 1986 г. 55 научно-аналитических обзоров открытыми были 32, т.е. 58% [4,

---

¹ Характерные для советского дискурса фигуры умолчания (когда «все, кому надо» понимают, что стоит за официальными формулами) в полной мере касались и режима секретности в науке. «Установленный порядок» представлял собой строго ранжированную по вертикали систему доступа к информации разных категорий пользователей (тот же принцип лежал в основе системы снабжения различных социальных групп и административных образований в СССР товарами повседневного спроса).

² Институт ежегодно выпускал большое количество индивидуальных рефератов статей и книг, первоначально они различались как сигнальная, специализированная и экспресс-информация. Их разделение на цвета было введено, как пишет в своих воспоминаниях А.И. Ракитов, по инициативе В.А. Виноградова. «Белая» серия издавалась крайне небольшим тиражом и предназначалась для секретарей и заведующих отделами ЦК КПСС. «Синюю» получали инструкторы ЦК и руководители крупных университетских кафедр, в то время как «зеленая» распространялась среди более широкого круга читателей [см. 13, с. 253–254].

с. 20–27]. Несмотря на наличие такой тенденции, литература «ограниченного доступа» по-прежнему активно использовалась для научно-информационных целей, составляя существенную часть обрабатываемого потока.

Спецхран ИНИОН, унаследованный им от ФБОН, просуществовал до конца 1980-х годов и начал открываться раньше, чем в периферийных библиотеках (где это произошло по приказу № 100 Главлита от 9 июля 1990 г.). Таким образом, хронологическими рамками исследования является последнее двадцатилетие существования СССР – время достаточно сложное и динамичное, хотя брежневское правление и привыкли называть «эпохой застоя».

Вместе с тем Институт задумывался в 1960-е годы, и этот проект, реализованный в 1970-е, в полной мере впитал дух предшествующего десятилетия – и явно продолжил идеи «шестидесятиничества». Зарубежные исследователи склонны говорить о «длинных 60-х», охватывающих период с конца 1950-х до начала 1970-х годов, что более чем справедливо для истории Советского Союза. В СССР, как и во всем мире, это время характеризовалось расширением горизонтов, большей открытостью, взлетом научных исследований, в том числе в области социальных и гуманитарных наук, развитием образования и, наконец, всеобщей тягой к знанию.

В каких-то аспектах общемировые тенденции проявлялись в Советском Союзе ярче и коснулись его сильнее, чем других стран. Прежде всего, в послевоенные годы социализм шагнул за пределы советской «осажденной крепости» и сумел реализовать политику «экспорта революции», охватив сначала страны Восточной Европы, а затем в ходе деколонизации стран Азии и Африки став глобальным явлением, что существенно расширило его ментальные границы. Кроме того, общая демократизация, свойственная концу 1950-х – началу 1960-х годов, в СССР проходила на фоне десталинизации, что подчеркивало контраст с мрачностью последних лет правления Сталина. Пусть реальные, материальные достижения социализма были не так велики, как хотелось бы, общий тренд на демократизацию вселял надежду и обращал на Советский Союз взгляды «людей доброй воли» и «всего прогрессивного человечества».

Международный авторитет СССР, выступавшего с антиимпериалистических позиций, по мере включения в орбиту его влия-

ния все новых независимых государств в 1960-е годы неуклонно повышался. Этому способствовали и научно-технические достижения, наиболее заметными из которых являлись полеты в космос и Нобелевские премии, присужденные тогда ряду советских ученых. В этой сфере Советский Союз также находился в русле общемировых трендов на активизацию исследований и расширение научной инфраструктуры в контексте научно-технической революции (НТР). Собственно говоря, ИНИОН и родился на волне инфраструктурного строительства конца 1950-х – 1960-х годов, когда вслед за учрежденным в 1956 г. ИМЭМО АН СССР были созданы, в том числе на его базе, серьезные академические структуры: Институт Африки (1956), ИЭМСС (1960), ИМРД (1966), Ин-т США (1967, с 1972 г. – Институт США и Канады), ИКСИ (1968, с 1972 – Институт социологических исследований) и ряд других.

В 1970-е-годы многое стало меняться. Энтузиазм оттепели неумолимо сходил на нет, на смену приходил индивидуализм возникающего – при всем советском дефиците – общества потребления. Для обычного советского человека начиналась «нормализация» быта в отдельных квартирах, росли запросы, изменялся жизненный уклад. На фоне роста индивидуализации в обществе наметился ощутимый кризис коллективистской советской идеологии, заметный сначала немногим и закончившийся через полтора десятка лет ее крушением. Ответом брежневского режима стало затягивание гаек, начавшееся после 1968 г., ползучая сталинизация и обострение идеологической борьбы.

Разрядка международной напряженности (*détente*) способствовала снижению накала противостояния двух политических систем в холодной войне и гонке вооружений. Одновременно, после энергетического кризиса 1973 г., в Советский Союз хлынули нефтедоллары, что позволило активизировать как экономические связи (существенно увеличив импорт товаров и технологий), так и международную политику. Однако после ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. отношения с внешним миром ухудшились. СССР вступает в полосу экономического, а затем, с середины 1980-х годов, управленческого, идеологического и политического кризиса, который закончился распадом страны и мировой социалистической системы.

В этот широкий и детализируемый по мере проведения исследования контекст и следует поместить историю спецхрана ИНИОН, проведя, с одной стороны, историческую реконструкцию, с другой – попытавшись осмыслить этот вроде бы «типично советский» феномен.

Как известно, задачи конкретно-исторического исследования определяются имеющимися источниками. В нашем случае это, во-первых, делопроизводственная документация, хранящаяся в Архиве РАН и в ИНИОН, которая дает возможность реконструировать саму институцию и ее место в структуре организации, формы и способы функционирования, особенности режима секретности и комплектования фонда, состав персонала и многое другое, что может быть дополнено свидетельствами тех, кто там работал. Таким образом традиционный вид архивного исследования обогащается живым материалом, как это принято в таких дисциплинах, как социальная и институциональная история. Материалы совещаний, издательские планы и договоры о сотрудничестве с теми или иными институциями, так же как и пополняемые и обновляемые списки рассылки изданий, позволяют раскрыть «кухню» производства и целевого распространения знания.

«Живая история» – второе важное направление работы над проектом. Наряду с воспоминаниями, опубликованными и рукописными, большую роль играют интервью с теми, кто находился «по другую сторону» библиотечной кафедры – с читателями, занимавшимися в зале спецхрана ИНИОН, включая как сотрудников института, так и многочисленных «внешних» исследователей. Методики устной истории хорошо разработаны, и в данном случае речь идет о полуструктурированных и неструктурированных личных интервью, которые по согласованию с респондентами могут быть опубликованы. Этот материал, помимо его функции по сохранению исторической памяти, предоставляет широкие возможности для интерпретаций, от социальных до культурологических.

Однако основное внимание хотелось бы сосредоточить на научной продукции, которая явилась результатом работы с «литературой ограниченного пользования». Для освещения этой проблемы необходим третий вид источников – издания ИНИОН тех лет, с особым вниманием к «закрытым». Трудно переоценить значение библиографических указателей изданий ИНИОН, содержа-

щих бесценную информацию о том, что выпускалось в институте (начиная с 1976 г. в них отмечается статус «ДСП»). Они позволяют выявить почти весь массив научной продукции ИНИОН. Текущие библиографические указатели дают представление об уровне комплектования и обеспеченности литературой, а ретроспективные – об актуальной тогда проблематике. Обращают на себя внимание такие нетривиальные на современный взгляд виды изданий, как сборники откликов на те или иные события в СССР¹, а также зарубежных рецензий на работы советских авторов. Последние, казалось бы, носят чисто информационный, сигнальный характер. Однако и те, и другие дают возможность рассмотреть вопрос об идеологии и саморепрезентации советского режима, крайне чувствительного в отношении своего престижа.

Наиболее богатым источником для науковедческого исследования являются сами тексты, произведенные в ИНИОН и изданные под грифом «ДСП» (в их сравнении с открытыми изданиями). Так, в первые годы деятельности отдела исторических наук на основе спецхрановской литературы были подготовлены как отдельные рефераты, так и реферативные сборники. Среди них – «Буржуазные и реформистские концепции фашизма» (Москва, 1973), «Эволюция политической стратегии буржуазии» (Москва, 1974. Ч. 1–2), «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.» (Москва, 1974–1976. Вып. 1–8).

Сборник по фашизму, как объясняет С.З. Случ, вероятно явился реакцией на волну публикаций в западногерманской исторической литературе. Следовало дать адекватное представление о состоянии этой историографии, вооружив соответствующим знанием соответствующих людей².

Серия сборников, посвященных Второй мировой войне, готовилась по заказу Института военной истории Министерства обороны СССР и фактически представляла собой информационное обеспечение для 12-томного издания «История второй мировой

---

¹ Характерно, что при подготовке этих материалов давалась установка на отсечение резких оценок, якобы шедшая сверху: Запись беседы с А.В. Гордоном. 14 мая 2024 г.

² Запись беседы с С.З. Случом. 03.05.2024.

войны, 1939–1945» (Москва, 1973–1982)¹. В отличие от «чисто пропагандистского» сборника «Великий подвиг Советского народа. К 30-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Москва, 1975), эти восемь выпусков содержали богатую научную информацию и оценки, не предназначенные широкому читателю.

Как видится содержание этих сборников из сегодняшнего дня? Какую информацию они предоставляли (пусть и ограниченному кругу читателей), как можно оценить ее с полувековой дистанции, в контексте развития самой историографии и кардинальных изменений в жизни страны и мира, – все эти и многие другие вопросы следует прояснить, анализируя отпечатанные на машинке и размноженные в количестве 100–200 экземпляров «раритеты», снабженные инвентарными номерами под грифом «ДСП».

При этом совершенно очевидно, что анализ содержания продукции ИНИОН невозможно провести без учета широкого интеллектуального контекста, в котором она создавалась. Ведь 1970–1980-е годы – время активного использования в зарубежной науке таких аналитических инструментов, как теории модернизации и зависимого развития, теория конвергенции, разнообразные элитистские и бихевиористские теории, не говоря уже о новациях в области философии. Издания ИНИОН вводили в научный оборот неизвестные в СССР категории и термины: традиционное, индустриальное и постиндустриальное общество; страны Первого, Второго и Третьего мира; глобальный Север и глобальный Юг – и многое другое, что вновь обретает актуальность сегодня.

В задачи науковедческого анализа этих источников входит, во-первых, оценка представленности литературы в контексте тогдашних западных и советских тенденций; во-вторых – выделение основных тематических направлений; наконец – оценка интерпретаций и по возможности рецепции «чуждых» марксистско-ленинской идеологии концепций, которые подавались читателю в «обертке» их критики.

---

¹ Как отмечал заместитель начальника ИВИ АН СССР А.И. Бабин, военные историки не только использовали материалы ИНИОН и ресурсы его богатой библиотеки, но и сами писали рефераты [10, с. 137].

О разрушительном воздействии официального советского марксизма на общественные науки пишут давно, однако избранный сюжет позволяет конкретизировать и раскрыть механизмы этого влияния. Также требует проблематизации и деконструкции широко распространенное мнение, что продукция ИНИОН под видом критики буржуазных концепций знакомила советскую интеллектуальную общественность с их содержанием. Анализируя эти проблемы, следует, однако, сохранять баланс между идеологической функцией ИНИОН, которая может составить отдельный предмет исследования¹, и его просветительской и научной функциями².

Источники данного вида нацеливают, с одной стороны, на рассмотрение роли советского спецхрана в обогащении науки, с другой – обращают наш взгляд на то, как государственно-идеологический контроль в СССР превращал широкую реку научного знания в узкий ручеек, доступный лишь «избранным».

Еще одним значимым источником является сам частично сохранившийся фонд спецхрана, уже перевезенный в новое здание на Нахимовском проспекте. Приблизительно 60 тыс. книг предварительно расставлены на полки, однако предстоит большая работа по их упорядочению, сверке и систематизации. Изучение истории его комплектования, систематизации и последующего расформирования, так же как и анализ комплекса с содержательной точки зрения, – сложная задача. Это весьма нетрадиционный вид источника, и лишь в ходе работы с фондом можно будет понять, какие вопросы ему задать и что он может сказать историку.

Данные всех видов источников взаимно пересекаются, при этом их анализ не следует сводить к традиционной исторической

---

¹ Реализация этой функции в ИНИОН осуществлялась не только по линии противостояния с главным соперником в холодной войне – США и возглавляемым им «мировым империализмом». Важными направлениями являлись активная борьба с ревизионизмом в социалистическом и коммунистическом движении, а также «необходимость пропагандировать достижения советских общественных наук» [11, с. 150].

² К сожалению, вряд ли будет возможно рассмотреть такой сюжет, как влияние продукции ИНИОН на принятие решений: рефераты «белой» серии, отправлявшиеся на «самый верх», выпускались в количестве всего нескольких экземпляров и скорее всего не сохранились после пожара 2015 г.

методологии. Большую пользу окажут в данном случае этнографические и антропологические методы прочтения устных и письменных текстов, а современный культурологический инструментарий позволяет анализировать делопроизводственную документацию как прекрасный материал по истории «идей / понятий / концептов» [4, с. 62]. Но только изучение всей совокупности имеющихся источников может дать полноценную картину, которая представила бы в новом ракурсе и историю страны, и историю науки.

Список литературы

1. 90 лет служения науке: К юбилеям Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН. ИНИОН; ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – Москва, 2009. – 296 с.
2. Варламова С.Ф., Лукашунас О.К. Спецфонды Российской национальной библиотеки советского периода (1917–1990-е гг.) // Цензура в России: История и современность: сб. науч. тр. / Российская нац. б-ка, Санкт-Петербургский фил. Ин-та истории естествознания и техники РАН. – Санкт-Петербург: Российская нац. б-ка, 2019. – Вып. 9. – С. 264–360.
3. Виноградов В.А. Мой XX век. Воспоминания. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Наука, 2011. – 454 с.
4. Горюнов С.А. Семантические *приключения* понятий: цензурное делопроизводство как источник изучения исторической семантики понятий (по материалам «Комитета 2-го апреля 1848 года») // Вестник культурологии. – 2024. – № 2 (109). – С. 59–91.
5. Издания Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Указатель литературы, опубликованной в 1976 г. / редколлегия: Р.Р. Мдивани (отв. ред.), В.С. Байков, И.Я. Госин.; сост.: М.Н. Смирнова, И.А. Гиршова. – Москва, 1977. – Для служебного пользования. Экз. № 000574.
6. Издания Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Указатель литературы, опубликованной в 1986 г. / редколлегия: Верченев Л.Н. (отв. ред.), Госин И.Я.; сост.: Живоленко В.Д., Кочик В.Я. – Москва, 1987. – Для служебного пользования. Экз. № 000067.
7. Кузнецова С.И., Ходос И.А. Проблемы улучшения информации в области общественных наук // 90 лет служения науке: К юбилеям Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН, ИНИОН; ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – Москва, 2009. – С. 101–115. – Впервые опубликовано: Вопросы истории. – Москва, 1968. – № 10. – С. 105–113.

8. Материалы торжественного заседания Ученого совета ИНИОН РАН, посвященного 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН) и 40-летию ИНИОН РАН // Теория и практика общественно-научной информации. – Москва: ИНИОН РАН, 2011. – Вып. 20. – С. 140–178.
9. Махотина Н.В. Фонд изданий ограниченного распространения в библиотеке: теоретическое и инструктивно-методическое обеспечение // Библиосфера. – 2007. – № 1. – С. 68–71.
10. О деятельности Института научной информации по общественным наукам [1975] // 90 лет служения науке: К юбилеям Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН, ИНИОН; ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – Москва, 2009. – С. 131–139. – Впервые опубликовано: Вестник АН СССР. – Москва, 1975. – Т. 45. – № 2. – С. 32–37.
11. О деятельности Института научной информации по общественным наукам [1979] // 90 лет служения науке: К юбилеям Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН, ИНИОН; ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – Москва, 2009. – С. 144–157. – Впервые опубликовано: Вестник АН СССР. – Москва, 1979. – Т. 49, № 9. – С. 18–26.
12. Пивоваров Ю.С. Роль ИНИОН РАН в информационном обеспечении социальных и гуманитарных наук в России // 90 лет служения науке: К юбилеям Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН, ИНИОН; ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – Москва, 2009. – С. 249–259.
13. Ракитов А.И. О моей работе в ИНИОН // ФБОН–ИНИОН. Воспоминания: к 105-летию Фундаментальной библиотеки: сб. статей / под ред. А.В. Кузнецова; ИНИОН, РАН. – Москва, 2023. – С. 248–256.
14. Симон К.Р., Кричевский Г.Г. Советская реферативная периодика и ближайшие задачи ее организации // 90 лет служения науке: К юбилеям Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН, ИНИОН; ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – Москва, 2009. – С. 69–87. – Впервые опубликовано: Вестник АН СССР. – Москва, 1952. – Т. 22. – № 9. – С. 80–91.
15. ФБОН–ИНИОН. Воспоминания и портреты: сб. ст. / РАН, ИНИОН; сост. М.Е. Соколова. – Москва, 2011. – Вып. 1. – 252 с.
16. ФБОН–ИНИОН. Воспоминания и портреты: сб. ст. / РАН, ИНИОН; ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.) и др.; сост. Бельский И.Л.; науч. ред.: Соколова Н.Ю., Черный Ю.Ю. – Москва, 2017. – Вып. 2. – 300 с.
17. ФБОН–ИНИОН. Воспоминания: к 105-летию Фундаментальной библиотеки: сб. статей / под ред. А.В. Кузнецова; ИНИОН, РАН. – Москва, 2023. – 344 с.

18. Фундаментальная библиотека Академии наук (1936–1969) // 90 лет служения науке: К юбилеям Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН, ИНИОН; ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – Москва, 2009. – С. 45–52.
19. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР. Постановление от 28 октября 1968 г. № 828 «О мерах по улучшению научной информации в области общественных наук» 22 октября 1968 г. – URL: <http://kaznachey.com/doc/aMJMBKY65Z7/>
20. Шунков В.И. Библиотеки и общественные науки // 90 лет служения науке: К юбилеям Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН, ИНИОН; ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – Москва, 2009. – С. 88–100. – Впервые опубликовано: Вестник АН СССР. – Москва, 1968. – Т. 38, № 2. – С. 23–30.

УДК 303.446.4; 303.929; 930; 930.2 DOI: 10.31249/hist/2024.04.09

ДУНАЕВА Ю.В.* ПРОФЕССОР В.И. ГЕРЬЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматриваются работы, посвященные научной и педагогической деятельности В.И. Герье. Основное внимание уделено его исторической концепции, внедрению и развитию новых форм преподавания, таких как семинарские занятия. Рассматривается формирование исторической школы В.И. Герье. Показан его вклад в развитие высшего женского образования.

Ключевые слова: Московский университет в конце XIX – начале XX вв.; русские историки конца XIX – начала XX в.; историческая школа В.И. Герье; Московские высшие женские курсы; Владимир Иванович Герье.

DUNAEVA J.V. Professor V.I. Guerrier in contemporary russian historiography

Abstract. The article deals with publications devoted to scientific and pedagogical activity of V.I. Guerrier. The primary focus is on the formation of its historical concept, the introduction and development of new forms of teaching, such as seminar classes. The formation of the historical school of V.I. Guerrier is considered. His contribution to the establishment of women's higher education is demonstrated.

Keywords: Moscow University in the late XIX – early XX centuries; Russian historians of the late XIX – early XX centuries; historical school of V.I. Guerrier; Moscow Higher Women's Courses; Vladimir Ivanovich Guerrier.

---

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); jvd@inbox.ru

Для цитирования: Дунаева Ю.В. Профессор В.И. Герье в современной отечественной историографии (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 141–161. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.09

Введение

Творчество профессора императорского Московского университета, члена-корреспондента Петербургской Академии наук Владимира Ивановича Герье (1837–1919) в советской историографии оценивалось неоднозначно. В основном превалировали отрицательные оценки. Так, О.Л. Вайнштейн писал о нем: «во всех своих произведениях Герье стоит на крайне идеалистических позициях»¹. Е.А. Косминский, признавая вклад Герье в развитие образования и воспитание плеяды блестящих историков, все же оговаривал, что «вначале умеренный прогрессист, Герье все более делался консерватором. Он начинал видеть якобинцев даже в деталях»². Вдобавок историка критиковали за «антидемократизм», реакционность и т.п. В «Очерках истории исторической науки в СССР» в статье Б.Г. Вебера «Разработка истории Французской революции XVIII в. (В.И. Герье, Н.И. Кареев)» отмечается, что «Герье первым из русских либералов приступил к самостоятельной разработке истории Великой Французской революции»³. Также Вебер признает, что Герье «занял ключевую позицию в развитии нашей академической историографии всеобщей истории и, в частности, новой истории»⁴. Но при этом он отмечает «подчеркнуто выраженный идеализм историка»⁵, «ретроградные тенденции общего, политического и исторического мировоззрения Герье»⁶.

---

¹ Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. – Москва; Ленинград, 1940. – С. 307.

² Косминский Е.А. Столетие преподавания истории средних веков в Московском университете // Историк-марксист. – 1940. – № 7 (083). – С. 102.

³ Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. 2. – Москва, 1960. – С. 450.

⁴ Там же. – С. 460–461.

⁵ Там же. – С. 452.

⁶ Там же. – С. 455.

В 1970-е годы появились несколько работ Б.Г. Сафронова о профессорах Московского университета, в которых автор показал значительную роль Герье в развитии науки всеобщей истории и воспитании плеяды учеников¹. Выход этих работ Г.П. Мягков называет «важнейшим событием» [21, с. 55]. Ситуация начала меняться в 1980-е годы, когда появились работы Е.С. Кирсановой² и Т.Н. Ивановой³, посвященные разным аспектам научной и педагогической деятельности Герье. Работы этих исследовательниц отличаются от предшественников более широким охватом проблематики и взвешенностью оценок.

В начале 1990-х годов в результате «архивной революции» и смены идеологических парадигм изменилось и отношение к дореволюционным историкам, в том числе и В.И. Герье. В 2000-е годы появились монографические исследования, посвященные его жизни и творчеству⁴. Был проведен ряд юбилейных конференций. Стали переиздаваться его работы⁵. Поскольку интерес к Герье не ослабевает, уместно обратиться к современным исследованиям его научной и педагогической деятельности. В рамках одной статьи невозможно проанализировать все работы, посвященные ему. Ос-

---

¹ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. – Москва, 1976. – 220 с.; Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. – Москва, 1984. – 152 с.

² См., например: Кирсанова Е.С. Критика В.И. Герье позитивизма // Вопросы всеобщей истории и историографии. – Томск: изд-во Томск. ун-та, 1979. – С. 220–229; Кирсанова Е.С. Проблема генезиса западноевропейского феодализма в лекционном курсе В.И. Герье (1870/1871 гг.) // Средние века. – Москва, 1982. – Вып. 45. – С. 196–211 и др.

³ Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье) // Великая французская революция и Россия. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 153–164.; Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой Французской революции в России: дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Ленинград, 1984. – 243 с.

⁴ См., например: Малинов А.В., Погодин С.Н. Владимир Иванович Герье. – Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. – 400 с.

⁵ Например: Герье В.И. История римского народа: курс лекций, читанных ординар. проф. В.И. Герье на Моск. высш. жен. курсах в 1887 г. – Москва: Просвещение, 2002. – 349 с.; Герье В.И. Франциск: Апостол нищеты и любви. Биография Святого Франциска Ассизского. – Москва: Либроком, 2017. – 352 с. и др.

тановимся на ключевых темах: философско-исторической концепции Герье; основных темах исторических исследований; внедрении новых подходов к преподаванию; создании научной школы историков-всеобщников; организации Московских высших женских курсов.

***

Владимир Иванович Герье родился в 1837 г. в селе Ховрино Московской губернии. Уже в школе он стал лучшим учеником и был переведен в пансион Л. Эннеса (частное учебное заведение, действовало в Москве с 1845 по 1859 г.). В 1854 г. Герье поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Особое влияние на формирование его исторических взглядов оказали выдающиеся историки: Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С.М. Соловьёв. Пиетет к своим учителям, особенно к Грановскому, Герье сохранил на всю жизнь. Эта точка зрения разделяется большинством исследователей. Л.П. Лаптева отмечает: «Грановский, объединив вокруг себя западнически настроенных молодых преподавателей и студентов, способствовал созданию атмосферы некоей свободы и интереса к умственному труду и практически впервые познакомил русское юношество с предметом всеобщей истории» [19, с. 225]. Блестящий лектор, популярный среди студентов, он отличался еще особым отношением к студентам, привлекая к себе «простотой и интеллигентностью» [там же].

Окончив университет первым кандидатом, с двумя золотыми медалями, Герье проходил заграничную стажировку. Он работал в архивах, познакомился с зарубежной университетской наукой. Большое влияние на него оказали такие ученые, как Т. Моммзен, И.Г. Дройзен, Л. фон Ранке, Р.А. Кёпке.

С 1864 по 1904 г. Герье преподавал в Московском университете, пройдя путь от приват-доцента до штатного ординарного профессора. М.М. Ковалевский отмечал, что Герье принадлежал к числу «разносторонне образованных русских исследователей. С прекрасной классической подготовкой и хорошим знанием новых языков он соединяет обладание строгим критическим методом, приобретенным им продолжительной работой над источни-

ками, под руководством немецких профессоров»¹. Он был глубоко эрудированным ученым, настоящим историком-всеобщником, занимавшимся зарубежной историей от Античности до Нового времени, создателем научной исторической школы, основателем Исторического общества при Московском университете. Одним из важнейших направлений деятельности Герье стала организация и руководство Московскими высшими женскими курсами.

Самые часто упоминаемые эпитеты научной и педагогической деятельности Герье – это первый или один из первых. Он первым начал проводить семинарии (семинары) по всеобщей истории, первым читал курс по истории Французской революции, «был первым русским историком, попытавшимся анализировать историю нового времени как единый поступательный процесс развития европейского общества» [26, с. 15].

Что касается его политических взглядов, то Е.С. Кирсанова характеризует Герье как «представителя консервативного крыла в русском либерализме, сторонника конституционной монархии» [16, с. 101–102]. Историк выделяет характерную черту его мировоззрения: «Герье был убежден, что занятие историей имеет смысл только в том случае, если исследования историка служат современности, и в первую очередь решению современных политических задач» [15, с. 157]. И это было не просто утверждение, а кредо ученого, который много сил отдавал политической деятельности. Еще в 1904 г. из-за обструкции студентов Герье был вынужден покинуть Московский университет. В 1905 г. была забаллотирована его кандидатура на пост директора Московских высших женских курсов. Герье занимал пост гласного, а затем председателя Московской городской думы и губернского земского собрания. В 1904 г. он вступил в партию «Союз 17 октября» («октябристы»), принимал участие в выборах в I – III Думы, а с февраля 1907 по июнь 1916 г. Герье был по назначению императора членом Государственного совета. Умер Владимир Иванович 30 июня 1919 г., похоронен на Пятницком кладбище в Москве.

---

¹ Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. – Москва: РОССПЭН, 2005. – 210 с.

Философско-историческая концепция В.И. Герье

В философии истории Герье исследователи выделяют несколько составляющих. Это утверждение роли идей как движущей силы истории (идеализм), некоторые положения позитивизма, элементы из философии Г. Гегеля. Квинтэссенцией его взглядов стала работа «Философия истории от Августина до Гегеля» (1915). Как отмечает В.В. Носков, эта работа отличается от других тем, что она «появилась на закате его профессиональной карьеры и в условиях начавшегося крушения привычного ему миропорядка. Таким образом, она стала итогом почти полувековых размышлений Герье на темы философии истории, с одной стороны, и интеллектуальным памятником уходящей в небытие эпохи, с другой» [24, с. 325].

В статье А.В. Малинова справедливо подчеркивается идеализм Герье. Из множества философско-исторических концепций XIX в. «Герье признавал только идеализм» [20, с. 301]. Как писал Герье, «история представляет собой наиболее воспитательную из наук, т.е. наиболее способную содействовать воспитанию человека и общества. А для этого ей необходим идеализм. Без идеализма нет воспитания...»¹. Герье ссылается на слова швейцарского историка Якова Бурхардта, согласно которым философия истории способствует воссозданию «непрерывного мирового развития», а это есть то, что отличает «человека как сознательного существа от бессознательного варвара»².

Несомненно, что на философско-исторические взгляды Герье повлияла философия Г. Гегеля, «с его идеей субъективного духа, признанием закономерности и органичности исторического процесса» [12, с. 553]. По мнению А.В. Чудинова, Герье был убежденным гегельянцем: «История, считал он, должна изучать, прежде всего, развитие идей и государственных институтов» [32, с. 333]. Т.Н. Иванова отмечает, что «из концептуальных построений Грановского Герье твердо усвоил мысль, “что история есть творение разумного духа, имеющего свои законы и свои высокие цели”» [цит. по: 12, с. 550]. «Но именно Герье удалось перевести

---

¹ Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. – Москва, 1915. – С. II.

² Там же.

парадигмальные положения Грановского в строгое русло специальных научных исследований по всеобщей истории. Герье создал первые в России научные труды по новой истории и целостную концепцию всеобщей истории, отраженную в комплексе его научных работ и лекционных курсов» [7, с. 43]. Как отмечает В.С. Антипов, в опубликованных текстах лекций по Новой истории Герье «говорил о решающей роли идей в формировании политики просвещенного абсолютизма. Политические, религиозные, юридические, экономические, философские идеи представлялись ему важнейшей и решающей силой развития общества» [1, с. 38].

В 1870–1880-е годы, по мнению некоторых исследователей, Герье частично воспринял некоторые положения позитивизма. Историк был согласен с тем, что история должна быть наукой, имеющей собственные закономерности. «Критериями прогресса он считал права и свободы личности, совершенствование структуры общества и управления им (т.е. прогресс государственного устройства) и развитие просвещения и науки. Прогресс у Герье связан с идеями, а их проводниками он считал исторические личности, народ и государство» [12, с. 569].

Отношение Герье к позитивизму уточняется В.А. Власовым. «Свой первый лекционный курс он начал с введения, в котором пытался осмыслить философию истории Гегеля, вступив в спор с одним из ведущих в то время методологических направлений в исторической науке – позитивизмом» [3, с. 69]. Власов разделяет оценку философии истории Герье, представленную в статье П.Ю. Савельева [26]. Историк отвергал «позитивистскую интерпретацию идеи исторического закона как повторяющейся связи между явлениями, проявляющейся в истории различных народов» [3, с. 69]. Герье стоял на позиции, согласно которой «историческая закономерность существует в виде цепи причинно-следственных связей между явлениями, каждое из которых имеет причины в прошлом и оказывает влияние на будущее» [там же]. Так что философско-историческую концепцию Герье можно охарактеризовать как идеалистическую с добавлениями некоторых положений позитивизма. Просто причислить Герье к позитивистам не совсем верно. Историк, как и его коллеги, был прекрасно осведомлен о новейших достижениях зарубежной исторической и философской мысли. Естественно, что он заимствовал некоторые положения, но

творчески перерабатывал их в соответствии с собственными философско-историческими взглядами и с реалиями отечественной науки. Следует отметить, позитивизм в XIX в. был так распространен в российской научной мысли, что получил свое развитие в виде «русского позитивизма».

Основные направления исторических исследований В.И. Герье

Историческое наследие Герье весьма обширно. Это работы по истории Древнего Рима, средневекового монашества, историографии. Но особо выделяются несколько тем, в изучении которых Владимир Иванович был или одним из первых, или внес значительный вклад.

Герье известен, прежде всего, работами по Новой истории. Его магистерская диссертация посвящена истории Польши XVIII в., а точнее – борьбе за польский престол в 1733 г. Л.П. Лаптева отмечает новаторский подход молодого историка к источникам. Д.А. Цыганков привлекает внимание к тому, что молодой ученый рассмотрел польские события на широком фоне европейских международных отношений. Не осталась без внимания и роль России. В предисловии к диссертации Герье пишет: «Со времен Петра Великого Россия вступает в число великих европейских держав и начинает играть более видную роль в судьбах человечества»¹. Согласимся с мнением Цыганкова, что «после написания диссертации Герье впервые заявил о себе как об историке нового времени» [29, с. 44].

Докторская диссертация Герье «Лейбниц и его время» – не просто биография великого ученого. Свой целью Герье поставил «выяснить вообще значение Лейбница в истории... Лейбниц играл видную роль в великом перевороте, совершавшемся с XV по XVII в. и отделяющим Новое время от Средних веков...»². Историк показал различие этих двух эпох в религиозном, политическом, научном отношении: «Биография его знакомит нас со всеми важней-

---

¹ Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 г. Историческая диссертация, составленная по архивным источникам. – Москва: тип. В. Грачева и К°, 1862. – С. III.

² Герье В.И. Лейбниц и его век. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – С. 6.

шими событиями в истории Германии во второй половине XVII века»¹.

«История религиозных течений в Европе и развития науки сопровождают освещение деятельности Лейбница в этих областях. Таким образом, раскрывая биографию героя, Герье создал настоящую энциклопедию политической, религиозной и научной жизни Европы того времени» [10, с. 171]. Как отмечает Н.В. Ростиславлева, «Герье сквозь призму биографии Лейбница рассматривал более чем полувековую историю Европы. Размышляя об истории Германии, Герье уходил далеко вперед от собственно истории XVII – начала XVIII в.» [25, с. 122].

Исторические биографии – еще одно направление научной работы Герье. По подсчетам Т.Н. Ивановой, историк написал около 30 биографических исследований, в том числе семь монографий. Героями его трудов стали разные исторические деятели: римский император Август, философ Августин Блаженный, средневековые римские Папы, французские философы – Руссо, Монтескье, Мабли. Не остались без внимания и учителя Герье: Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, П.Н. Кудрявцев. Как пишет Т.Н. Иванова, «для исторических биографий Герье характерны критический анализ всего комплекса источников, контекстуальный подход, изучение героев через социокультурную среду, погружение во внутренний мир личности, выяснение глубинных причин поступков героя» [10, с. 170].

Герье внес неоценимый вклад в изучение истории Французской революции. Фактически, он первым начал преподавание истории этого периода. Как пишет А.В. Чудинов, «6 сентября 1868 г. молодой преподаватель Московского университета Владимир Иванович Герье (1837–1919) открыл курс лекций о Французской революции, положив начало ее изучению в нашей стране» [32, с. 331].

По мнению Т.Н. Ивановой, на формирование концепции Герье повлияли «концепции Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, Г. Зибеля, А. Токвиля, И. Тэна» [6, с. 296]. Однако, подчеркивает исследовательница, «он не безоговорочно принимал достижения зарубежной историографии, а подвергал их критиче-

---

¹ Герье В.И. Лейбниц и его век. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – С. 7.

скому анализу, сопоставляя с собственными изысканиями и идеологией русского либерализма» [6, с. 297]. Самым выдающимся и самобытным мыслителем второй половины XIX в. Герье считал И. Тэна, пишет Иванова. Историк написал несколько статей о нем, которые впоследствии переработал в монографию.

Герье не только заложил основы изучения истории революции, но и, как верно подчеркивает Н.П. Таньшина, «Герье, И.В. Луцицкий, М.М. Ковалевский... буквально на пустом месте, при полном отсутствии какой-либо традиции изучения Революции в нашей стране, создали одну из ведущих в мировой историографии научных школ, получившую за рубежом название “русской школы” (“*école russe*”» [27, с. 119–120]. Его роль в изучении революции признавали даже советские специалисты, хотя и критиковали за либерализм и консерватизм. Также негативно оценивалась критика Герье политики якобинцев. Но впоследствии оценки радикально изменились.

По мнению А.Ю. Ковалёва и А.В. Юшникова, «среди консервативных авторов, уделявших в своих работах место проблематике Великой французской революции, необходимо прежде всего выделить известного отечественного историка Владимира Ивановича Герье» [17, с. 140]. Т.Н. Иванова уточняет список работ Герье: «*первая группа* – это лекционные курсы Герье... *Вторая группа* – это шестнадцать статей, опубликованных Герье в журналах “Вестник Европы”, “Исторический вестник”, “Русская мысль”, энциклопедии Брокгауза и Ефрона... *Третья группа* – это монографии Герье, в которых он освежает сюжеты, до того не изучавшиеся столь подробно: “Понятия о власти и народе в наказах 1789 года” (1884) и монография о Мабли на французском языке (“*L’abbé de Mably. Moraliste et politique*”. Paris, 1886). В монографиях “Идея народовластия и Французская революция 1789 года” (1904), “Французская революция 1789–1795 гг. в освещении И. Тэна” (1911) Герье обобщает и перерабатывает ранее опубликованные статьи» [8, с. 30–31].

Герье изучал прежде всего идейную и политическую историю революции, оставив в стороне ее социально-экономические причины. Иванова отмечает ряд новаторских положений Герье: выделение в дореволюционной буржуазии прослойки, которую он назвал «новое дворянство»; определение нескольких политических

течений среди якобинцев; подчеркивание популизма и манипулирования общественным мнением политическими лидерами. Герье писал свои работы «для русского читателя, исходя из русской действительности и не скрывал своей озабоченности воздействием “уроков революции” на Россию» [8, с. 41].

Заслугой Герье Иванова считает то, что он первым начал читать лекции по истории революции; первым, кто изучил указы 1789 г. – своды жалоб, подававшихся депутатам Генеральных штатов во Франции. «Из анализа наказов Герье приходит к выводу, что руководящим классом революции, навязавшим французскому народу “идеи меньшинства” и позже ставшим во главе движения, был “класс” литераторов, адвокатов, мелких чиновников. Они старались провести в жизнь идеи Просвещения, не считаясь с реальной обстановкой во Франции, полностью порывая с прошедшей историей, и в этом, считал Герье, одна из причин тех бед, которые постигли Францию» [6, с. 286–287].

Историк был одним из первых исследователей творчества французского философа Г.Б. де Мабли. Иванова приводит слова Герье: «Именно Мабли формулировал в своих сочинениях тот *средний* политический тон, который был осуществлен революцией 1789 г. и в общих чертах до ныне сохранился в учреждениях Франции» [цит. по: 6, с. 285]. Труд русского ученого получил признание во Франции. «Это было первое подробное исследование о выдающемся мыслителе не только в русской, но и во французской историографии» [9, с. 129].

А.В. Афонюшкина отмечает, что «Владимир Иванович Герье раньше других российских историков-всеобщников приступил к исследовательской монографической разработке истории нового времени» [2, с. 10]. Исследовательница относит Герье к историкам-либералам и следующим образом характеризует его положение в историческом окружении: «Герье являлся своего рода идейным посредником и соединительным звеном между первыми российскими историками-либералами старшего поколения и всеобщими историками-либералами новой формации, молодого пореформенного поколения» [2, с. 11].

Как верно замечает Т.Н. Иванова, освещение исторической концепции Герье было бы не полным, если не уделить внимание его взглядам на российскую историю. Хотя он был западником по

идеологическим убеждениям, тем не менее считал российскую историю частью всеобщей. «В своих теоретических построениях он исходил из единства исторических закономерностей для России и всего мира, считая, что научный и философский аспект исторического развития “требуют совместной разработки” и “раскрываются только на почве всемирно-исторического процесса”» [5, с. 168–169].

Историк чрезвычайно высоко ценил реформы Петра I и Екатерины II. В период правления Петра Россия «становится европейской державой, принимает участие в делах западных государств и своим влиянием видоизменяет их отношения» [цит. по: 5, с. 169].

В период правления Екатерины II важными моментами Герье считал появление народного представительства и развитие просвещения, создание женских образовательных учреждений. Иванова подчеркивает интересный момент: у Герье была мысль «об особой, просветительской миссии России на Востоке. Он считал, что Россия является наследницей Турции на Востоке и именно ей суждено занять Переднюю Азию и принести туда европейскую культуру и цивилизацию» [5, с. 171]. Исследовательница приводит слова одного из его учеников: «западник применил здесь славянофильскую формулу к истории Востока» [цит. по: 5, с. 171].

Лекции и семинары В.И. Герье в Московском университете

После защиты магистерской диссертации в 1865 г., усвоив передовой немецкий опыт преподавания, Герье начинает читать лекции в Московском университете по нескольким историческим курсам. В зависимости от темы они строились по-разному. В лекциях по истории Древнего Рима основное внимание было уделено источниковедению и методам работы с первоисточниками. Новая история до Французской революции излагалась с упором на роль личности в истории, а также биографии как метода и жанра исторического исследования. Курс истории Французской революции был основан на широкой источниковой базе (архивные материалы, политические брошюры и памфлеты, периодика, воспоминания и мемуары) и работах таких историков, как И. Тэн, Г. Зибель, А. де Токвиль.

Первая лекция, прочитанная Герье, была посвящена философии истории. В ней молодой педагог определил свое историко-философское кредо. Власов обращает внимание на важную деталь в историческом мировоззрении Герье. Он считал, что личность историка, его нравственная позиция играют большую роль в историческом исследовании. Результатом университетской работы Герье является создание системы преподавания истории, которая затем была воспроизведена и развита в учебной практике его учеников – Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, М.С. Корелина, подытоживает Власов.

Новшеством педагогической работы Герье стало проведение семинаров. Д.А. Цыганков пишет, что историк не просто перенял передовой немецкий опыт семинаров, но и развил его с учетом московской традиции отношений между студентами и профессорами. Семинары Герье выполняли несколько функций. Во-первых, студенты получили возможность глубже изучить избранную тему, ознакомиться с источниками, учились использовать разные методы исследований. Во-вторых, на занятиях устанавливались прочные отношения учитель – ученик, что помогало студентам в обучении. В-третьих, семинары давали учащимся возможность увеличить количество письменных работ, что содействовало росту профессионализма и подготовке к научной работе.

Наряду с официальными семинарами некоторые профессора, включая Герье, проводили занятия у себя на дому. Так они создавали «своеобразную исследовательскую школу, целью которой является передача специальной исследовательской информации и формирование этоса поведения ученого» [31, с. 117]. Цыганков прослеживает историю развития семинарских занятий, проводимых Герье. Со временем они стали проводиться для студентов разных курсов. Для каждого курса выбиралась определенная тема из разных разделов истории.

Ещё одной новацией семинаров Герье стало обращение к такому источнику, как указы сословий Франции к депутатам, «ключевому источнику по общественным настроениям французского общества периода, предшествующего революции», заключает историк [31, с. 127]. А.В. Афонюшкина отмечает, что на семинарах Герье студенты работали с тем, что в современной исторической науке называется «источники личного происхождения»: дневники, воспо-

минания. В.А. Власов подчеркивает, что профессор требовательно относился к семинарским занятиям, доклады сопровождались дискуссиями. «Целью семинара являлась подготовка историка – профессионала, владевшего определенными исследовательскими навыками работы с источниками» [3, с. 70].

В начале 1890-х годов домашний семинар Герье был преобразован в Историческое общество при Московском университете. По мнению Д.А. Цыганкова, это обозначало конец домашних семинаров. К сожалению, Общество не содействовало появлению новых учеников и росту популярности Герье у студентов. Исторiku не удалось перенести исследовательские практики семинаров в Общество. На рубеж конца XIX – начала XX в. пришелся кризис семинарских занятий в университете.

Научная школа В.И. Герье

Формирование школы Герье историки связывают с ростом специализации и профессионализации исторической науки в 1870-е годы. Одновременно с этим создание новых университетов вызвало острую необходимость подготовки квалифицированных кадров, профессоров нового поколения, которые могли «стать учеными-педагогами широкой специализации» [22, с. 19].

Существует несколько точек зрения на школу Герье. Так, например, А.В. Антощенко считает, что в Московском университете в 1880–1890-е годы действовали две школы: В.И. Герье и Г.П. Виноградова. Д.А. Гутнов вписывает школу Герье в рамки «исторической школы Московского университета», в которой одновременно существовали школа по изучению русской истории, возглавляемая В.О. Ключевским, и школа западной истории под предводительством П.Г. Виноградова [14, с. 179–180]. Д.А. Цыганков также отмечает взаимосвязь между школой Герье и школой московских историков. Е.С. Кирсанова отмечает особые отношения, складывающиеся между Герье и его учениками. Исследовательница пишет: «Во многом благодаря таким неформальным контактам и возникло уникальное научное объединение, включавшее историков, принадлежавших к разным поколениям и придерживающихся порою разных политических и исторических взглядов, – “школа Герье”» [16, с. 16]. Многие прошедшие школу Герье стали

впоследствии выдающимися учеными и сформировали свои собственные школы, например П.Г. Виноградов и Н.И. Кареев.

Школа Герье была школой всеобщей истории, в которой дальнейшее развитие получил подход Т.Н. Грановского к изучению истории. Герье всегда с гордостью называл себя продолжателем дела этого великого ученого. Более того, «пиетет к своему учителю Герье привил и своим ученикам. Идею всеобщей истории можно считать общей парадигмой школы Герье» [14, с. 175]. Также объединяющим моментами были признание истории как науки, обладающей своими собственными методами, интерес к философии истории, вера в прогрессивное развитие человеческого общества и государства. В той или иной мере эти идеи нашли отражение в работах учеников Герье. Г.П. Мягков и Т.Н. Иванова выделяют в развитии школы Герье три этапа: «первый: 70-е – начало 80-х гг., когда Герье “школил” “старшее поколение” учеников (Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, С.Ф. Фортунатов); второй: 80-е – начало 90-х гг., время формирования “среднего поколения” (М.С. Корелин, Р.Ю. Виппер, И.И. Иванов); третий: 90-е гг. XIX – начало XX вв. – становление “позднего поколения” (П.Н. Ардашев, С.А. Котляревский, Е.Н. Щепкин)» [14, с. 175–176].

По мнению историков, на формирование и развитие школы оказали влияния особенности педагогического подхода Герье. Его лекции были основаны на широком историографическом анализе, глубоких обобщениях. Свой вклад внесли и семинары профессора. Т.Н. Иванова и Г.П. Мягков подчеркивают, что профессором был создан «определенный алгоритм» отбора наиболее способных студентов. Их Герье всячески пестовал, помогая им не только интеллектуально, но иногда даже материально. Даже после защиты диссертации ученики всегда могли обратиться за помощью к своему наставнику.

Представителей школы Герье объединяли не только общие научные интересы, но и «выраженные просветительские идеалы, тесная взаимосвязь их научной и преподавательской деятельности, общественно-просветительские инициативы по организации научных и педагогических обществ, совершенствованию женского и школьного образования» [14, с. 177].

Д.А. Цыганков отмечает, что «Герье заложил основы системы исторического образования в университете, введя в систему

обучения исторические семинары,... придал конкретные организационные черты московской школе историков» [30, с. 23]. Также Цыганков обращает внимание на то, как формировались отношения профессор – ученик, уделив особое влияние неформального, личного общения. Особенно теплые отношения сложились у Герье с М.С. Корелиным¹.

Подобные отношения с учениками создавались Герье специально. Цыганков находит этому несколько причин. Во-первых, Герье был представителем университета, он подбирал вопросы к магистерскому экзамену и мог быть оппонентом на защите диссертации. Во-вторых, Герье, несмотря на сложности отношений с двумя магистрантами (Н.В. Высотским и С.Ф. Фортунатовым), стремился быть педагогом и не ограничивать общение в парадигме «профессор – студент», а выстраивать отношения «учитель – ученик». На это, по мнению Цыганкова, повлияло то, что, будучи студентом университета, Герье тесно общался с профессорами П.М. Леонтьевым, П.Н. Кудрявцевым, Т.Н. Грановским. Эти беседы, пишет Цыганков, надолго определили заданность исторических штудий Герье.

Московские Высшие женские курсы

Герье еще в студенческие годы размышлял о проблемах женского образования. Став преподавателем, он вплотную занялся этим вопросом, и благодаря его активной деятельности в 1872 г. в Москве были открыты Высшие женские курсы. Первым председателем педагогического совета курсов стал С.М. Соловьёв. Его авторитет придавал значимости этому опыту женского образования в глазах московской общественности, неоднозначно оценившей это новшество.

Вклад Герье в создание и развитие женского образования бесценен. Как подчеркивают Л.А. Трубина и Е.Ю. Лазарева, «создание МВЖК было, по сути, его частной инициативой и только на нем лежала разработка принципов работы курсов, подготовка программы обучения, подбор преподавателей, ведение бюджета, по-

---

¹ См.: Цыганков Д.А. Трагедия учителя. В.И. Герье и М.С. Корелин: к истории интеллектуального диалога // Вестник ПСТГУ II История. История Русской Православной Церкви. – 2013. – Вып. 4 (53). – С. 53–67.

иски и наем учебных помещений, взаимоотношения со слушательницами и администрацией – словом, вся полнота моральной и материальной ответственности за новое дело» [28, с. 63].

Главную цель образования Герье видел «не в приобретении профессии, а в просвещении женщин» [11, с. 170]. В «Положениях о Высших женских курсах в Москве» подчеркивается: «Образованием женщин полагается в обществе один их самых крепких залогов к твердому и правильному истинно человеческому, гражданскому и семейному развитию»¹.

Е.А. Дубицкая отмечает, что в учебных планах, составленных Герье, на первое место были поставлены дисциплины, которые поднимали общекультурный уровень учащихся. Поэтому первоначально обучение носило историко-филологическое направление. Читались лекции по русской и зарубежной литературе, истории искусств, российской и всеобщей истории. Из естественнонаучных дисциплин на первых порах читался только курс физики. С первых же дней преподавание на курсах было поставлено на самый высокий уровень. Преподавателями были выдающиеся университетские приват-доценты и профессора: С.Ф. Фортунатов, П.Г. Виноградов, В.О. Ключевский, Ф.А. Бредихин и др. И снова как педагог Герье оказывается первым, организовав семинары среди курсисток. Особое внимание он уделял «формированию навыков самостоятельного научно-исследовательского поиска у слушательниц» [4, с. 46].

В 1888 г. Курсы были закрыты, но Герье не оставлял идею их возрождения. И его усилия не пропали даром. В 1900 г. курсы вновь были открыты, и Герье занял должность директора. Курсы заметно изменились, были открыты историко-философское, физико-математическое, естественно-историческое отделения. Расширились возможности трудоустройства выпускниц: «С 1901 года девушки, окончившие Высшие женские курсы, стали допускаться к преподаванию в старших классах женских институтов, с 1906 года их стали допускать к преподаванию в четырех младших классах мужских средних учебных заведений, а с 1911 года дипломы

---

¹ Положение о Высших женских курсах в Москве. Речи, произнесенные при открытии курсов 1 ноября 1872 г. профессорами Московского университета св. А.М. Иванцовым-Платоновым, С.М. Соловьевым и В.И. Герье. – Москва: Университетская типография на Страстном бульваре, 1872. – С. 3.

об окончании Высших женских курсов приравнивались к выпускным университетским свидетельствам» [18, с. 28]. Как отмечено в другой работе, «МВЖК были одним из авторитетных научно-учебных заведений страны, которое соответствовало требованиям времени» [23, с. 120].

Следует отметить, что правительство по достоинству оценило вклад Герье в женское образование. Он был награжден орденом св. Анны, его избрали членом-корреспондентом Академии наук и почетным профессором Императорского Московского университета.

Заключение

Как показывает рассмотренная избранная историография научной, педагогической и просветительской деятельности В.И. Герье, он был выдающимся человеком даже среди плеяды блестящих ученых и профессоров Московского университета. Масштабы его деятельности поражают своим размахом. Сложно найти среди современников фигуру, равную ему. Он заложил истоки русской школы Новой истории, которую впоследствии развили его ученики. Профессор применял передовые новаторские системы преподавания. Герье неустанно трудился на ниве высшего женского образования и как организатор, и как педагог.

После долгих лет замалчивания или приуменьшения заслуг Герье наступил период пристального интереса к его жизни и деятельности. Согласимся с выводом Г.П. Мягкова, в обстоятельной историографической статье которого отмечается: «Благодаря реконструкции методологических воззрений Герье достоянием сегодняшнего дня становятся его оригинальные гносеологические и философско-исторические идеи, которые не были востребованы в свое время, но которые сегодня могут подтолкнуть к новым подходам в решении дискуссионных проблем» [21, с. 62]. К ним Мягков относит вопросы о предмете, методах, познавательных функциях исторической науки.

Вместе с тем следует отметить, что существуют недостаточно разработанные темы. Среди них можно отметить вклад Герье в изучение отдельных событий и вопросов античной и средневековой истории; истоки и влияние разных ученых на формирование

его философско-исторической концепции. Мало изучена деятельность Герье-политика, члена Московской думы, Государственного совета, его работа в попечительских комиссиях. Будем ожидать новых исследований об этой уникальной личности, оставившей неизгладимый след в отечественной науке и просвещении.

Список литературы

1. Антипов В.С. Дореволюционная отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах // Вестник Псковского гос. пед. ун-та. Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2011. – № 13. – С. 35–44.
2. Афонюшкина А.В. «Исторические идеи» в научном наследии В.И. Герье // Мир историка: Владимир Иванович Герье. Материалы научной конференции (Москва 18–19 мая 2007 г.). – Москва: ИВИ РАН, 2008. – С. 10–14.
3. Власов В.А. Историк, педагог и общественный деятель Владимир Иванович Герье // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2010. – № 15 (19). – С. 68–74.
4. Дубицкая Е.А. В.И. Герье как организатор высшего женского образования // Педагогическое образование: вызовы XX века. Материалы VIII Междунар. научно-практич. конференции, посвященной памяти академика РАО В.А. Сластёнина: в 2 частях. – 2017. – Часть 1. – С. 44–50.
5. Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 382 с.
6. Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – 382 с.
7. Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века): автореф. дисс. ... д-р ист. наук. – Казань, 2011. – 48 с.
8. Иванова Т.Н. Концепция Великой французской революции В.И. Герье в свете современных дискуссий отечественной историографии // «Запад–Восток». Научно-практический ежегодник. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 29–44.
9. Иванова Т.Н. Оценка научного наследия В.И. Герье в зарубежной историографии // Вестник Татарского гос. гум.-пед. ун-та. – 2010. – № 4 (22). – С. 128–132.
10. Иванова Т.Н. «Понять историю через личность»: исторические биографии в научном творчестве В.И. Герье // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века. – Казань, 2020. – С. 169–172.
11. Иванова Т.Н. У истоков высшего женского образования в России: организационная деятельность В.И. Герье в свидетельствах современников // Вестник Челябинского гос. ун-та. История. – 2009. – № 37 (175), вып. 36. – С. 169–176.

12. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Становление науки всеобщей истории в России: В.И. Герье и его учителя // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время / под ред. Л.Н. Репиной. – Москва: Аквилон, 2014. – С. 534–571.
13. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время / под ред. Л.Н. Репиной. – Москва: Аквилон, 2014. – С. 572–645.
14. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Москва: Аквилон, 2013. – Вып. 44. – С. 165–185.
15. Кирсанова Е.С. Консервативно-либеральная идея синтеза истории и политики и русская историография второй половины XIX в. // Вестник Томского гос. ун-та. История и археология. – Томск, 2004. – № 281. – С. 155–161.
16. Кирсанова Е.С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. – Северск: Северский технологический институт, 2003. – 208 с.
17. Ковалёв А.Ю., Юшников А.В. Великая Французская революция в русской консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2022. – № 79. – С. 138–143.
18. Куликова Т.Н. Развитие высшего образования для женщин в конце XIX – начале XX века: на примере курсов Герье // Вестник Московского городского пед. ун-та. Серия Исторические науки. – 2019. – С. 22–29.
19. Лаптева Л.П. В.И. Герье и его оценка современных университетов Германии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Москва: Аквилон, 2013. – Вып. 42. – С. 223–236.
20. Малинов А.В. Философско-исторические взгляды В.И. Герье // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. – Москва: ИВИ РАН, 2008. – С. 299–324.
21. Мягков Г.П. Кто вы, профессор В.И. Герье? Наследие ученого в отечественной историографии // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. – Москва: ИВИ РАН, 2008. – С. 21–62.
22. Мягков Г.П., Иванова Т.Н. Основные черты научной школы Герье // Историческая наука и образование в России и на Западе. – Москва: ИВИ РАН, 2012. – С. 18–21.
23. На перекрестке времен и судеб. Московскому педагогическому государственному университету 150 лет. – Москва: МПГУ, 2022. – 832 с.
24. Носков В.В. «Философия истории» В.И. Герье // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. – Москва: ИВИ РАН, 2008. – С. 325–337.
25. Ростиславлева Н.В. Размышления об истории Германии В.И. Герье: мотивация исследователя // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Москва: Аквилон, 2022. – Вып. 78. – С. 118–127.

26. Савельев П.Ю. Владимир Иванович Герье: человек, ученый, педагог и общественный деятель // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье. – Москва: ИВИ РАН, 2008. – С. 5–20.
27. Танышина Н.П. К 150-летию изучения Французской революции в России: от Герье до «новой исторической школы» // Новая и новейшая история. – 2018. – № 6, ноябрь–декабрь. – С. 118–136.
28. Трубина Л.А., Лазарева Е.Ю. Эпоха Герье // Наука и школа. – 2017. – № 5. – С. 61–68.
29. Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX вв. – Москва: ПСТГУ, 2008. – 256 с.
30. Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 503 с.
31. Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гум. ун-та. Серия 2. История. История РПЦ. – 2014. – № 59 (4). – С. 117–132.
32. Чудинов А.В. «Русская школа» историографии Французской революции XVIII в.: Выбор пути // Французский ежегодник. 2009. Левые во Франции. – Москва, 2009. – С. 330–347.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 327; 930.

DOI: 10.31249/hist/2024.04.10

БЕЛОУСОВ Л.С.^{*}, ВАТЛИН А.Ю.^{**} СТАРЫЕ ПОДХОДЫ И НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ПОЛПРЕДСТВА В ГЕРМАНИИ ВЕСНОЙ 1918 г.

Аннотация. Статья посвящена первым шагам внешней политики Советской России, восстановлению после заключения Брестского мира дипломатических отношений с Германией. В центре внимания авторов – прибытие в Берлин миссии советских дипломатов во главе с А.А. Иоффе, деятельность которых стала на тот момент единственным «окном в Европу» для большевистского руководства. Москва рассчитывала на то, что ее дипломатическое представительство явится символом «нового мира» и центром революционно-пропагандистской работы в Германии, однако советскому полпреду пришлось сосредоточить внимание на ином круге проблем, связанном с обеспечением мирной передышки для России в условиях продолжавшейся Первой мировой войны. Статья опирается на новые документы из российских архивов, открывающие новые драматические страницы становления советской государственности.

Ключевые слова: Первая мировая война; Российская революция; Брестский мир; идеи мировой пролетарской революции; со-

---

^{*} © Белоусов Лев Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАО, и.о. декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; faculty@hist.msu.ru

^{**} © Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; vatlin_alex@mail.ru

ветско-германские отношения; полпредство Советской России в Берлине; Г.В. Чичерин; А.А. Иоффе.

BELOUSOV L.S., VATLIN A.Y. Old Approaches and New Documents: Soviet Mission in Germany in Spring 1918

Abstract. The article deals with the first steps of the Soviet foreign policy, the restoration of diplomatic relations with Germany after the conclusion of the Peace Treaty of Brest-Litovsk. The authors focus on the arrival in Berlin of a mission of Soviet diplomats headed by Adolph Joffe, whose activity at that time became the only “window to Europe” for the Bolshevik leadership. Moscow counted on its mission becoming a symbol of the “new world” and the center of revolutionary propaganda work in Germany. However, the Soviet plenipotentiary had to focus on a different range of problems related to ensuring a peaceful breathing space for Russia during the ongoing First World War. The article is based on new documents from the Russian archives which reveal new dramatic pages of the Soviet state-building.

Keywords: First World War; Russian Revolution; Peace of Brest-Litovsk; the ideas of world proletarian revolution; Soviet-German Relations; Soviet Mission in Berlin; Georgy Chicherin; Adolph Joffe.

Для цитирования: Белоусов Л.С., Ватлин А.Ю. Старые подходы и новые документы: деятельность советского полпредства в Германии весной 1918 г. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 162–172. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.10

Становление советской внешней политики в первый год нахождения у власти большевистского правительства до сих пор изобилует «белыми пятнами», причиной которых является как скудость источниковой базы революционной эпохи, так и догмы историографической практики последовавших десятилетий. Публикация документов советской дипломатической миссии в Германии, работавшей там с конца апреля по начало ноября 1918 г., делает акцент на раскрытие политической составляющей её работы, как легальной, так и тайной¹.

---

¹ Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы / авт.-сост.: А.Ю. Ватлин, Л.В. Ланник, Т. Пентер. – Москва: Политическая энциклопедия, 2023. – 622 с.

В данной статье мы ограничимся обстоятельствами, сопровождавшими начало работы полпредства в историческом здании российского посольства на берлинском бульваре Унтер-ден-Линден, а также, опираясь на документы, поспорим с рядом установившихся историографических аксиом. Выбор весьма узкого хронологического отрезка объясняется высокой динамикой советско-германских отношений в мае–июне 1918 г., которая была предопределена как активными боевыми действиями на фронтах Великой войны, так и резким обострением гражданской войны на территории бывшей Российской империи.

Заклучение Брестского мирного договора подразумевало восстановление дипломатических отношений между Советской Россией и Германской империей [1, с. 128]. Верховное командование последней высказалось против того, чтобы посланцы «правительства максималистов» начали свою работу в Берлине. Сам факт их присутствия в имперской столице, не говоря уже о возможной пропаганде революционных идей, являл собой серьезную угрозу стабильности Второго рейха. Предложенный военными вариант, согласно которому оба посольства находились бы на российской территории, оккупированной немецкими войсками, не нашел поддержки в МИД. Там были уверены в том, что правление большевиков не продлится долго, а для скорейшего закрепления итогов победоносной войны на востоке дипломаты нуждались в прямом канале связи с Москвой.

В свою очередь, в Кремле рассматривали первое полноценное посольство новой России не просто как «окно в Европу», а как пробный камень принципиально нового содержания и методов революционной внешней политики. Ему предстояло отстаивать государственные интересы страны, и в то же время соответствовать принципам «пролетарского интернационализма». Последние подразумевали продвижение вперед мировой социалистической революции в ее марксистском понимании, первой искрой которой и стала диктатура левых радикалов в Советской России.

Острые дебаты в большевистском руководстве вокруг Брестского мира наглядно продемонстрировали, как непросто было совмещать эти векторы. Прагматикам во главе с В.И. Лениным противостояли «левые коммунисты», считавшие, что национальными интересами можно и нужно пожертвовать ради разжигания

пролетарских восстаний в европейских странах. Компромисс был найден буквально в последнюю минуту и под угрозой кайзеровских штыков. Неоднократные перетасовки в составе советской делегации в Бресте лишний раз показали, насколько скудным был кадровый резерв первых дипломатов ленинского правительства.

Это нашло свое отражение и в выборе кандидатуры на пост дипломатического представителя Советской России в Берлине. Им стал Адольф Абрамович Иоффе, не входивший в ближайшее окружение вождя. Выходец из богатой еврейской семьи, он порвал с ней и выбрал стезю профессионального революционера, однако симпатизировал умеренным социалистам – меньшевикам. Выбрав в качестве ментора Л.Д. Троцкого, Иоффе в годы Первой мировой войны состоял с ним в переписке, отправляя ему из сибирской ссылки кедровые орешки и поделки местных аборигенов. Летом 1917 г. оба вместе с остальными меньшевиками-«межрайонцами» вступили в ряды большевистской партии, оба принимали самое активное участие в подготовке ею захвата власти в Петрограде.

Решительность Иоффе импонировала Ленину, и тот, учитывая его зарубежный опыт, приличные манеры (он закончил медицинский факультет Венского университета) и блестящее владение немецким языком, отправил неофита в рядах большевиков на мирные переговоры в Брест-Литовск. По воспоминаниям немецких дипломатов, Иоффе выделялся своей эрудицией и настойчивостью, однако не изменил своим принципам, высказавшись против подписания «грабительского мира» и примкнув к группе «левых коммунистов». Вряд ли месяц спустя ЦК РКП(б) без поддержки сохранившего свое влияние Троцкого согласился бы с тем, чтобы человека с таким прошлым назначили на вторую по значению внешнеполитическую должность в номенклатуре Советской России. Однако реальных конкурентов (если не считать иностранца Карла Радека, едва освоившего русский язык) у Иоффе попросту не было. 6 апреля 1918 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин отправил в Берлин радиограмму о том, что Адольф Иоффе «избран полномочным представителем Русского правительства в Берлине»¹.

Накануне отъезда он получил от Ленина самые широкие полномочия, что дало повод его недоброжелателям говорить о

---

¹ АВП РФ. Ф. 82. П. 15. Д. 60. Л. 3.

том, будто берлинское полпредство подмяло под себя Наркомат иностранных дел. Об этом председатель Совнаркома сообщал полпреду Иоффе в письме от 2 июня 1918 г.: «Слышу речи против того, что “Иоффе переносит Комиссариат иностранных дел в Берлин”» [6, с. 87]. Все время своего пребывания на первом дипломатическом посту Иоффе лояльно и последовательно реализовал установку, полученную при прощании с вождем: всеми средствами обеспечивать «мирную передышку» для Советской России, по возможности противодействовать продолжавшейся агрессии германской армии на территории бывшей Российской империи, и в то же время вести нелегальную революционную пропаганду среди своих немецких единомышленников [2, с. 35–46].

Иоффе получил свободу рук и при подборе будущих сотрудников полпредства – решить этот вопрос следовало буквально в считанные дни, и тут было не до скрупулезной проверки социального происхождения и классового самосознания. В конце концов, не обошлось без привлечения «буржуазных дипломатов» с опытом работы в российском МИД. В тот момент, когда они еще продолжали свою знаменитую забастовку, в их кругах распространялось штрейкбрехерское предложение: те, кто поедет в Германию, «могут рассчитывать на самые высокие посты, вплоть до советника посольства и секретарей, так как в отношении дипломатического персонала Иоффе получил-де от Чичерина *carte blanche*» [7, с. 94–95].

В результате в штат полпредства были набраны случайные лица, рекомендованные Г.Е. Зиновьевым, Радеком и другими партийными деятелями, знакомые самого Иоффе и родственники его знакомых. «Посольство должно было со всем своим персоналом уже через три дня ехать в Берлин, а в его составе еще недоставало нескольких необходимых служащих, в особенности секретаря», – вспоминал приглашенный на советскую службу М.Я. Лазерсон [5, с. 31]. О неразберихе в аппарате полпредства свидетельствуют мемуары еще одного «невозвращенца» – его первого секретаря Г.А. Соломона: «в посольстве, благодаря набранному с бора да с сосенки штату, царит крайняя запущенность в делопроизводстве, в отчетности, в хозяйстве,... хотя служащие и неопытны, но самонение у них громадное и амбиций хоть отбавляй» [8, с. 46].

Иоффе, не имевший административного опыта, компенсировал некомпетентность своих сотрудников в Берлине собственной работой на износ, уделяя ей по 18, а то и по 20 часов в сутки. Львиную долю времени занимала переписка с Москвой: «Я буквально завален работой и абсолютно не в состоянии писать несколько докладов, а помощи нет, ибо публика почти вся никчемная», — сообщал Иоффе Зиновьеву на десятый день своего пребывания в Берлине¹. Пикантности ситуации придавало то, что Иоффе взял с собой в качестве личного секретаря молодую М.М. Гиршфельд, с которой его познакомил Радек. Обоих к тому моменту уже связывали близкие отношения, и полпред сообщал Карахану, что в ведении дел может положиться только на Марию, хотя это вызывало недоуменные взгляды окружающих («весьма невесело, когда все время на глазах у обывателя»). Что касается жены и дочери, то они приехали к Иоффе только в июле 1918 г.

«Публика» во главе с самим полпредом отправилась в путь уже 17 апреля 1918 г.² и остановилась в Орше, которая была занята германскими войсками в нарушение Брестского мирного договора. Оттуда поезд отправился в Минск уже в сопровождении немецкого офицера, который провел ночь в беседах с Иоффе. Его донесение сразу же было переслано в берлинский МИД: «Персонал посольства состоит из 31 человека, из них 8 женщин, в основном молодые люди в возрасте 20–28 лет. Иоффе прекрасно говорит по-немецки, был очень учтив и выразил сожаление, что отношения между Россией и Германией ухудшаются день ото дня, возложив ответственность на Германию и оккупационные власти. С нынешним миром, которым отобрал у России треть ее европейской территории, она никогда не смирится. Наши действия в Финляндии не вызывают у России особых протестов, напротив, тем более острым является всеобщее негодование по поводу оккупации Украины, которая рассматривается как часть единой территории России. Туда массами направляются добровольцами [русские] солдаты»³.

---

¹ РГАСПИ.Ф. 324. Оп. 1. Д. 539. Л. 140.

² АВП РФ.Ф. 82. П. 15. Д. 60. Л. 4.

³ Донесение капитана Осбергхауза, пересланное Верховным Главнокомандованием Германии (ОХЛ) в МИД 19 апреля 1918 г. // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. — Berlin: RZ 201/1724. — B I. — S. 8–10.

Сразу же по прибытии персонала полпредства в столицу Германии самым насущным вопросом стало место его будущей работы и проживания. Здание российского посольства было опечатано с началом Первой мировой войны и пребывало в запустении, ключи от него хранились у испанских дипломатов. Просьбы наркома Чичерина передать их заранее отправленному в Берлин секретарю полпредства В.М. Загорскому остались без ответа. На здание претендовали и представители Украины, и Иоффе был вынужден подписать «обязательство разрешить с украинцами вопрос национального нашего имущества»¹.

Членов полпредства расселили в отеле «Адлон» на том же бульваре Унтер-ден-Линден, объявив гостями германского правительства. Однако вскоре они начали обживать историческое здание, в котором когда-то проживала сестра Фридриха Великого. Накануне 1 мая над ним был поднят флаг РСФСР. Ввиду того, что его утвержденной формы еще не существовало, пришлось прибегнуть к экспромту. Через день Иоффе сообщал в Москву, что «над посольством мы подняли красный флаг (кстати, надпись сделали в углу, там где у американцев звезды, ибо в декрете ничего об этом не сказано, если у вас еще нет рисунка, то пусть это будет официально признанным рисунком...)»². Новость о красном знамени над столицей рейха еще несколько дней занимала репортеров берлинских газет, горожане толпами шли на бульвар, чтобы запечатлеть в памяти столь необычное зрелище.

Кроме решения бытовых проблем, сразу по прибытии свежеиспеченным дипломатам пришлось улаживать протокольные формальности. Власти Германии настаивали на том, чтобы посланник «правительства максималистов» соблюдал правила этикета, представив верительные грамоты, выданные главой пославшего его государства. На руках у Иоффе был лишь мандат, подписанный сотрудником Наркоминдела Л.М. Караханом, который был выдержан в явно большевистском духе: «объявляется всем и каждому, что предьявитель сего...»³. В документе, снабженном фото-

---

¹ Берлинская миссия... С. 97.

² АВП РФ.Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 29–29 об. Очевидно, Иоффе имеет в виду надпись «РСФСР», которая присутствовала на ранних вариантах советского флага.

³ АВП РФ.Ф. 028. Оп. 2. П. 7. Д. 1. Л. 1.

графией, Иоффе назывался «уполномоченным представителем (послом) РСФСР в Берлине». Большевики даже в терминологии стремились противопоставить себя буржуазной дипломатии.

Для сотрудников германского МИД, привыкших к строгому дипломатическому этикету, официально переданный им 20 апреля 1918 г. мандат выглядел как минимум странно, если не сказать – враждебно. Но не признать полномочия Иоффе – значило обречь на высылку германское посольство, уже обосновавшееся в Москве, в шикарном особняке Берга на Арбате. В конце концов, немцы предложили компромиссное решение: в их документах Иоффе стал фигурировать как «Полномочный представитель Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с правами посла», с чем тот и согласился.

Данный казус стал поводом для того, чтобы отказать Иоффе в принятой во всем мире процедуре передачи верительных грамот главе государства, в данном случае императору Вильгельму II. Историографической легендой (причем весьма стойкой) является утверждение, что «Иоффе отказался вручать кайзеру свои верительные грамоты» [3, с. 378]. Ситуация была прямо противоположной – кайзеру так и не удалось воочию увидеть советского полпреда, которого он за глаза называл «свиньей» и «еврейским олухом», а канцлер Г. Гертлинг провел с Иоффе первую беседу лишь в середине июля¹. На первых порах с посланцем Москвы встречались лишь руководители МИД среднего звена – заместитель статс-секретаря Х. Буше и глава юридического отдела Й. Криге.

Уже в первом политическом докладе, подготовленном 28 апреля 1918 г., Иоффе достаточно точно оценил как расстановку сил внутри правящей верхушки Германии, так и размах ее экспансионистских настроений в отношении бывшей Российской империи. В первом случае он давал крайние, эмоционально окрашенные оценки ситуации в стране своего пребывания: «сейчас победа военной партии совершенно определена: реакция в полном разгаре, наших (т.е. социалистов. – *Авт.*) арестовывают без всякого стеснения, победы на Западе совершенно вскружили империалистские и милитаристские головы, рассчитывают на сепаратный мир с Францией и в связи со всем этим аппетиты невероятно возрастают.

---

¹ Берлинская миссия... – С. 44, 247–248.

Оппозиция, поскольку она вообще существует, совершенно подавлена, надеется только на то, что победа на Западе не удастся»¹. Иоффе имел в виду либеральные и социал-демократические партии, которые в июле 1917 г. провели в рейхстаге «мирную резолюцию».

На его анализ соотношения сил в правящих кругах Германии накладывало свой отпечаток продолжавшееся продвижение кайзеровских войск в восточном направлении. Пройдя практически без сопротивления Украину, в конце апреля 1918 г. они оккупировали Крым, в начале мая захватили Таганрог, Ростов-на-Дону и Новочеркасск. В своих первых нотах, адресованных германскому МИД, Иоффе протестовал против очевидных нарушений Брестского мира, осторожно называя их «печальным недоразумением» [1, с. 276]. В ответ он получал от своих немецких партнеров лишь пустые обещания вроде предложения создать комиссию для урегулирования вопросов о новых границах. Военное превосходство Германии в очередной раз продемонстрировало, что право силы побеждает силу права. 3 мая советский полпред докладывал в Москву: «На комиссию я согласился, но потребовал немедленного прекращения продвижения немецко-украинских войск. Было обещано, но, как видите, не выполнено. На меня производит впечатление, будто тут опять военная партия идет против планов правительства, по крайней мере против Министерства иностранных дел, которое, очевидно, с этой политикой не согласно»².

Тезис Иоффе о полном доминировании военного руководства в определении внешнеполитического курса Германии на исходе мировой войны лишь отчасти вписывается в сложившуюся за прошедший век историографическую традицию. Последняя подчеркивает изменчивый характер отношений двух влиятельных центров власти, что нашло свое выражение уже в самом факте установления полноценных дипломатических отношений после заключения Брестского мира. Немецкие историки послевоенной эпохи, начиная с Г. Риттера и Ф. Фишера [10; 9], детально исследовали нараставшее несовпадение позиций Ставки Верховного главнокомандования и внешнеполитического ведомства. К 1918 г. оно вышло на уровень латентного конфликта, в известной степени

---

¹ Берлинская миссия... – С. 98.

² Там же. – С. 105.

предопределив иллюзии и сумбурные решения германской элиты, имевшие место вплоть до подписания Компьенского перемирия.

Что касается внешней экспансии (в соответствии с марксистскими канонами полпред писал об «империалистических замыслах и устремлениях»), то речь шла прежде всего об Украине, «хлебный мир» с которой германские оккупационные войска стали использовать для выкачивания из нее продовольственных ресурсов. Еще до переворота, приведшего к власти гетмана П.П. Скоропадского, Иоффе подчеркивал нестабильность политического режима, опиравшегося на Центральную Раду, и выражал обоснованное предположение, что дни его сочтены. В отношении Прибалтики он отмечал, что налицо «несомненная попытка Германии съесть Эстляндию и Лифляндию. Хотят соединить все это в одно балтийское государство и корону предложить Вильгельму. Подтасованы делегации, которые от имени “народа” просят об этом и получают благосклонный ответ»¹. Не меньшую угрозу представляли и планы германских военных отрезать Россию от портов на Баренцевом и Белом морях, используя финскую армию и белогвардейские отряды.

Последующий ход событий в государствах-лимитрофах на западных окраинах Российской империи в целом подтвердил мнение Иоффе о том, что Германия будет использовать их для прикрытия своего дальнейшего продвижения на Восток. «В прочность [Брестского] мира военная партия не верит, поэтому уже ищет опорных пунктов на случай войны, кроме того, делает наше стратегическое положение еще более безнадежным. Наконец, [ее] прельщает разгром наших складов, военная добыча, которая, помимо продовольствия, очень важна в борьбе на Западе, а, помимо всего, прельщает Донецкий бассейн».

Встав на позицию государственника, полпред настаивал на проведении четких красных линий даже с учетом того, что новые границы еще не получили сколько-нибудь стабильных очертаний: «Тут нужно действовать максимально решительно. Ни одна держава не может в результате пограничных столкновений посылать свои войска через границу; либо должна быть объявлена война – мы и это примем – либо, если у нас мир, то нам только может быть

---

¹ Берлинская миссия... – С. 98.

заявлен протест, а расправа и наведение порядка должны быть предоставлены нам. Ни один чужеземный вооруженный солдат не может переступить нашу границу. В противном случае мы будем считать, что нам объявлена война»¹.

Глубокая разработка учеными «переплетенной истории» лимитрофов Российской империи, становление которых опиралось на национальные и глобальные факторы, только начинается [4]. Опубликованные в сборнике «Берлинская миссия полпреда Иоффе» документы показывают, что вплоть до высылки полпредства в ноябре 1918 г. советский дипломат уделял главное внимание не раздуванию социально-политического конфликта в Германии, а сохранению позиций Советской России в регионе, где находились германские войска, расширяя его до геополитической дуги, простиравшейся от Финляндии до Закавказья.

Список литературы

1. Документы внешней политики СССР. – Москва: Госполитиздат, 1959. – Т. 1. – 772 с.
2. Иоффе А.А. Германская революция и Российское посольство // Вестник жизни. – 1919. – № 5. – С. 35–46.
3. Коткин С. Сталин. Парадоксы власти. 1879–1928. – Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – Т. 1, кн. 1. – 691 с.
4. Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. – Санкт-Петербург: Евразия, 2020. – 528 с.
5. Ларсонс (Лазерсон) М.Я. В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты. – Париж: Стрела, 1932. – 184 с.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – Москва: Изд. Политической литературы, 1978. – Т. 50. – 624 с.
7. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. – Москва: Международные отношения, 1993. – Кн. 2. – 688 с.
8. Соломон Г.А. Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе. – Париж: Мишень, 1930. – 330 с.
9. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. – Москва: РОССПЭН, 2017. – 676 с.
10. Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk: das Problem des 'Militarismus' in Deutschland. – München: Oldenbourg, 1954–1968. – Bd. 4.

---

¹ Берлинская миссия... – С. 105.

УДК 327.323.31; 329.14; 94(510).091 DOI: 10.31249/hist/2024.04.11

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Н.* ОТНОШЕНИЯ КОМИНТЕРНА И ГОМИНЬДАНА В ПЕРИОД КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1925–1927 гг. (Часть 2)

Аннотация. В статье анализируются второй и третий этапы Китайской революции 1925–1927 гг. Рассматриваются попытки Коминтерна и Коммунистической партии Китая проводить курс на сотрудничество с «левым» Гоминьданом, неудача этой политики, переход к новой тактике, когда КПК самостоятельно возглавила революционное движение в Китае. Большое внимание уделяется борьбе в Коминтерне и ВКП(б) между сталинско-бухаринским большинством и «объединенной» оппозицией по китайскому вопросу. Рассматриваются причины неудач в попытке консолидировать силы революции в борьбе за освобождение Китая от империалистического вмешательства и за объединение страны.

Ключевые слова: Китайская революция 1925–1927 гг.; Гоминьдан; Коммунистическая партия Китая; Коминтерн; национально-освободительное движение в Китае.

EMELYANOVA E.N. Relations between the Comintern and the Kuomintang during the Chinese Revolution of 1925–1927 (Part 2)

Abstract. The article analyzes the second and third stages of the Chinese Revolution of 1925–1927. The attempts of the Comintern and the Communist Party of China to pursue a course of cooperation with the “left” Kuomintang, the failure of this policy, and the transition to new tactics, when the CPC independently led the revolutionary move-

---

* Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); e.n.emelyanova@mail.ru

ment in China, are examined. Much attention is paid to the struggle in the Comintern and the All-Union Communist Party of Bolsheviks between the Stalin-Bukharin majority and the “united” opposition on the Chinese issue. The reasons for the failures in the attempt to consolidate the forces of the revolution in the struggle for the liberation of the country from imperialist interference and for the unification of the country are examined.

Keywords: Chinese Revolution of 1925–1927; the Kuomintang; the Communist Party of China; the Comintern; the national liberation movement in China.

Для цитирования: Емельянова Е.Н. Отношения Коминтерна и Гоминьдана в период Китайской революции 1925–1927 гг. (Часть 2) (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 173–188. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.11

Союз КПК с «левым» Гоминьданом

Весной 1927 г. после переворота Чан Кайши Китайская революция вступила во второй этап своего развития. Коммунисты сохранили свое влияние только на территории, контролируемой уханьским правительством. Перед ними встало несколько задач:

1. Укрепить свои позиции в правительстве «левого» Гоминьдана в Ухане. Ставка была сделана на Ван Цзинвэя, соратника Сунь Ятсена и лидера «левого» крыла партии.

2. Укрепить «левый» Гоминьдан путем вступления в него большого числа рабочих, крестьян и коммунистов, чтобы расширить социальную базу КПК и избежать повторения ситуации с Чан Кайши, т.е. завоевать Гоминьдан изнутри.

3. Необходимо было провести аграрную революцию с целью создания за счет крестьянства новой армии. Но здесь опять столкнулись интересы земельных владельцев, входивших в «левый» Гоминьдан, и китайских коммунистов.

Особенностью китайского общества того периода, по мнению коммунистических теоретиков, было то, что классы в нем еще не выкристаллизовались. Народ был объединен идеей сплочения всех слоев в рамках одной партии Гоминьдан для борьбы за единство страны и освобождение ее от иноземного вмешательства. Ко-

минтерн рассматривал Гоминьдан как возможную своеобразную форму власти в Китае. Идеи классовой борьбы плохо здесь прижились. Это понимали многие советские представители, в том числе и М.М. Бородин¹.

Коммунистическим руководством была разработана идея нового военного похода – уже войск «левого» Гоминьдана. Были представлены три точки зрения.

В своем докладе о положении в Китае на общем собрании общества старых большевиков 23 октября 1927 г. Бородин рассказывал, что весной 1927 г. В.К. Блюхер² настаивал на новом северном походе через Хэнань сначала против Чжан Цзолиня, и только потом против Чан Кайши. Бородин, напротив, предлагал сначала ударить по Нанкину и ускорить падение Чан Кайши. Победила точка зрения Блюхера. Бородин подчинился, но позднее считал это решение самой большой ошибкой, позволившей Фэн Юйсяну и «левому» Гоминьдану перейти на сторону Чан Кайши. Позднее Бородин считал, что нельзя было давать опомниться «левым» в Гоминьдане. Разбив Чан Кайши, КПК повела бы их за собой³.

Третью точку зрения представлял еще один ответственный работник ИККИ, индийский коммунист М.Н. Рой. Он выступал против похода на Пекин и на Чан Кайши, предлагал более радикальное проведение аграрной революции, конфискацию земель «снизу» силами крестьянства, что, по его мнению, укрепило бы социальную базу Уханьского правительства. Это разделило бы Китай на две или три части, стабилизировало позиции Чан Кайши и Чжан Цзолиня, позволило им при помощи империалистов контролировать Северный и Центральный Китай. А в южном Китае создало бы условия для организации базы социальной революции во главе с правительством «левых» гоминдановцев и коммуниста-

---

¹ Бородин М.М. – ответственный работник ИККИ, в 1923–1927 гг. – главный политический советник ЦИК Гоминьдана и представитель ИККИ в Китае.

² Блюхер В.К. – в 1925–1927 гг. руководитель группы советских военных советников в Южном Китае.

³ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы / Российский центр хранения и изуч. документов новейшей истории, Ин-т Дальнего Востока Российской акад. наук, Восточноазиатский семинар Свободного ун-та Берлина; редкол.: Го Хэньюй, М.Л. Титаренко (рук. работы) [и др.]. – Москва: Буклет, 1994 – Т. 2, ч. 2: 1926–1927. – С. 926.

ми, при поддержке Коминтерна¹. В апреле 1927 г. Рой выступал за то, чтобы договориться с Чан Кайши, в то время как Бородин и Блюхер требовали его ареста².

Бородин считал такую точку зрения ошибочной, поскольку полагал, что после переворота, осуществленного Чан Кайши, окруженное со всех сторон империалистами Уханьское правительство не сможет проводить социальную и аграрную революцию вглубь и будет задушено. Следовательно, необходимо остановиться на демократических задачах и развивать национально-революционное движение вширь. «Есть люди, – говорил Бородин, явно имея в виду сторонников Роя, – которые говорят, что надо идти на Юг, в Гуандун, и создать там основную базу для революции. Я думаю, что этот план не выдерживает критики, ибо если бы мы сейчас пошли на Юг, то дали бы возможность северным милитаристам и Чан Кайши при помощи империалистов стабилизироваться на долгий период времени. Они пугали бы мелкую буржуазию тем, что в Гуандуне левые гоминдановцы в союзе с коммунистами вводят коммунизм. Они бы пугали мелкую буржуазию призраком коммунизма и оторвали бы ее от революции». Революцию, считал Бородин, «надо развивать интенсивно и экстенсивно, иначе на узкой базе, окруженная врагами революция задохнется, так как мы отрезаны от всего мира в связи с частичной блокадой со стороны империализма»³.

После споров весной, в мае 1927 г. Бородин поддержал идею нового северного похода лево-гоминьдановской армии на Пекин против Чжан Цзолина и на Нанкин против Чан Кайши, поскольку она отражала стремление мелкой буржуазии и офицеров армии «левого» Гоминьдана, являющихся землевладельцами, оттянуть этим походом проведение аграрной революции. КПК и советники от ИККИ надеялись на армию Фэн Юйсяна и на военную и финансовую поддержку СССР. В мае 1927 г. в своем сообщении о поли-

---

¹ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы / Российский центр хранения и изуч. документов новейшей истории, Ин-т Дальнего Востока Российской акад. наук, Восточноазиатский семинар Свободного ун-та Берлина; редкол.: Го Хэньюй, М.Л. Титаренко (рук. работы) [и др.]. – Москва: Буклет, 1994 – Т. 2, ч. 2: 1926–1927. – С. 699–706.

² Там же. – С. 737–739.

³ Там же. – С. 705, 706.

тическом положении в Китае на совещании в Ханькоу Бородин говорил: «Если мы разобьем Чжан Цзолина, то нам будет легче ликвидировать Чан Кайши, тогда мы сумеем парализовать планы Японии, которая хочет, посредством двух Чжанов, властвовать над Китаем. Тогда Япония будет заинтересована в соглашении с нацправительством в целях сохранения своих экономических и политических позиций в Китае»¹. Тем самым планировалось укрепить внешнеполитическое положение Уханьского правительства.

Столкновение между представителями Коминтерна, «умеренным» Бородиным и «левым» Роем, отражало борьбу в ВКП(б) и Коминтерне по вопросу китайской политики.

Борьба по китайскому вопросу в Коминтерне и ВКП(б)

Переворот Чан Кайши 12 апреля 1927 г. способствовал резкому обострению противостояния в коминтерновском руководстве. На пленуме ЦК ВКП(б) 13–16 апреля 1927 г. по китайскому вопросу были представлены несколько точек зрения. Еще 13 апреля Г.Е. Зиновьев в своих «Тезисах по китайскому вопросу», направленных в Политбюро ЦК ВКП(б), и в проекте резолюции пленума 14 апреля предложил немедленно выдвинуть в Китае лозунг советов рабочих, крестьянских, солдатских депутатов и трудящихся города и деревни как органов демократической диктатуры; осуществить аграрную революцию; вооружить рабочих. Зиновьев настаивал на необходимости для китайских коммунистов сохранять свою полную организационную и политическую независимость, но в рамках вхождения в «левый» Гоминьдан. Троцкий в своем заявлении 16 апреля также поддержал идею создания советов как форму революционной власти рабочих, мелкой буржуазии, крестьян и солдат [см. 11, с. 194, 196]. Все это означало, что оппозиция в ВКП(б) толкала Китайскую компартию к более решительным действиям, для того чтобы она сама могла встать во главе пока еще демократической китайской революции. Однако дискуссии

---

¹ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы / Российский центр хранения и изуч. документов новейшей истории, Ин-т Дальнего Востока Российской акад. наук, Восточноазиатский семинар Свободного ун-та Берлина; редкол.: Го Хэньюй, М.Л. Титаренко (рук. работы) [и др.]. – Москва: Буклет, 1994 – Т. 2, ч. 2: 1926–1927. – С. 706.

на пленуме ЦК ВКП(б) не было, и требования оппозиционеров были проигнорированы.

Компартия Китая в то время также занимала «левые» позиции. V съезд КПК (Ухань, 27 апреля – 9 мая 1927 г.), на котором присутствовали представители ИККИ М.Н. Рой (руководитель), Ж. Дорио и Н.Г. Войтинский, принял радикальные установки, направленные на борьбу за гегемонию пролетариата и проведение аграрной революции [см. 5, с. 176–177]. Чуть позже, под влиянием Коминтерна, китайские коммунисты начали проводить более умеренную политику сотрудничества с «левым» Гоминьданом.

Официальная позиция ВКП(б) была выражена в работе И.В. Сталина «Вопросы китайской революции», опубликованной 21 апреля в «Правде». Сталин выделил два этапа революции. Первый, до переворота Чан Кайши в апреле 1927 г., характеризовался им как революция объединенного общенационального фронта. В этот период буржуазия и пролетариат стремились использовать друг друга в собственных целях. Шанхайские события знаменовали собой отход национальной буржуазии от революции. С этого времени начинается второй этап, когда произошел поворот от революции общенационального объединенного фронта к революции многомиллионных масс рабочих и крестьян, к революции аграрной. Вся власть теперь должна сосредоточиться, по мысли Сталина, в руках «левого» Гоминьдана, который должен стать не только блоком «левых» гоминьдановцев и коммунистов, но и превратиться в орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Революция в Китае, по мысли Сталина, отличалась от революции в России тем, что носила национальный характер и развивалась в условиях борьбы с единым антиреволюционным империалистическим фронтом. Сталин был против движения лозунга советов и забега вперёд. Он считал необходимым революционизировать сам «левый» Гоминьдан и был против ухода КПК из этой партии [см. 6, с. 396; 11, с. 197–198]. Такая позиция свидетельствует о том, что Сталин не хотел обострять отношения с великими державами и поддерживать преждевременную социалистическую революцию в Китае.

Данная сталинская линия проводилась Коминтерном и КПК до конца июля 1927 г. Предлагалось толкать «левых» гоминьдановцев к осуществлению социального переворота и аграрной револю-

ции, разъясняя им мысль о том, что, если они «не научатся быть революционными якобинцами, они погибнут и для народа, и для революции»¹.

На VIII пленуме ИККИ (18–30 мая 1927 г.) «объединенная» оппозиция вновь выступила против официальной линии Коминтерна. Разногласия касались английского и китайского вопросов. Г. Зиновьева на пленуме не было. От оппозиции выступали Л. Троцкий и В. Вуйович.

Троцкий предлагал предоставить полную самостоятельность Китайской компартии в рамках «единого фронта», настаивал на выдвижении лозунга советов, предупреждал о возможном предательстве вождей «левого» Гоминьдана². В предложенной им резолюции содержалось также требование вооружения рабочих и революционных крестьян, немедленного изъятия земли у помещиков, искоренения реакционной бюрократии, немедленной расправы с генералами-изменниками и контрреволюцией в целом. Таким образом, он предлагал провозгласить курс на установление демократической диктатуры через советы рабочих и крестьян³.

Но оппозиционеров никто не поддержал. Пленум сделал ставку на «левый» Гоминьдан. Он принял тезисы «Задачи Коминтерна в борьбе против войны и военной опасности» и резолюцию «Вопросы китайской революции», составленную Н.И. Бухариным в духе позиции Сталина⁴. КПК предлагалось проводить политику преобразования «левого» Гоминьдана в «рабоче-крестьянскую» партию, которая должна была бы возглавить буржуазно-демократические преобразования⁵. Пленум запретил Троцкому и Вуйовичу всякую фракционную деятельность, а в случае неподчинения решил ЦК ВКП(б) исключить оппозиционеров из партии.

---

¹ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы / Российский центр хранения и изуч. документов новейшей истории, Ин-т Дальнего Востока Российской акад. наук, Восточноазиатский семинар Свободного ун-та Берлина; редкол.: Го Хэньюй, М.Л. Титаренко (рук. работы) [и др.]. – Москва: Буклет, 1994 – Т. 2, ч. 2: 1926–1927. – С. 763–764.

² См. РГАСПИ Ф. 495. Оп. 166. Д. 190. Л. 86–95.

³ См. РГАСПИ Ф. 495. Оп. 166. Д. 195. Л. 1–3.

⁴ См. РГАСПИ Ф. 495. Оп. 166. Д. 196. Л. 155–163.

⁵ Коммунистический Интернационал и китайская революция. – Москва: Наука, 1986. – С. 116–133.

Решения VIII пленума ИККИ были конкретизированы в ряде директив, направленных в Политбюро ЦК КПК и коминтерновским представителям в Китае¹. 23 июня Политбюро постановило отправить телеграмму Ван Цзинвэю в надежде убедить его в том, что Гоминьдан должен обязательно поддержать аграрную революцию. Этим же решением из Китая был отозван Рой². 27 июня лидерам Гоминьдана была послана еще одна телеграмма с призывом создавать преданные революции воинские части из рабочих и крестьян, обещалась солидная финансовая поддержка³.

Однако Национальное правительство в Ухане во главе с Ван Цзинвэем, в которое входили два коммуниста (министры труда и земледелия), летом 1927 г. переживало кризис. В Москве стало известно, что 10 июня 1927 г. на секретном совещании с лидерами «левого» Гоминьдана главнокомандующий вооруженными силами национального правительства Фэн Юйсян поставил условием союза с Уханем разрыв последнего с коммунистами. 21 июня после встречи, состоявшейся между Фэн Юйсяном и Чан Кайши, было объявлено об их намерении действовать совместно. Фэн Юйсян потребовал от уханьского правительства подчиниться Пекину и уволить советника ЦК Гоминьдана Бородин, направленного в Китай Москвой еще в 1923 г.⁴

В этих условиях лидеры оппозиции Зиновьев, Троцкий, Радек и Евдокимов отправили 25 июня 1927 г. письмо в Политбюро, Президиум Центральной контрольной комиссии и Исполком Коминтерна, в котором вновь предложили взять курс на создание советов и единый фронт с «низами», а не с «верхами» Гоминьдана⁵.

Но сталинское руководство, хотя само осознавало, что верхушка «левого» Гоминьдана может переметнуться на сторону Чан

---

¹ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. – Т. 2. – С. 763–764, 770–771, 774–775, 804–805.

² См.: там же. – Т. 2. – С. 803, 872.

³ См.: там же. – Т. 2. – С. 817.

⁴ См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг. – Москва: Россия молодая, 1996. – Прим. 3. – С. 105.

⁵ См.: Письмо Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого, К.Б. Радека и Г.Е. Евдокимова в Политбюро ЦК ВКП(б), в Президиум ЦКК, в Исполком Коминтерна от 25 июня 1927 г. // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – Москва: ТЕРРА, 1990. – Т. 3. – С. 131–132.

Кайши, все же пытались любыми способами этого избежать. Сталин писал Молотову 27 июля 1927 г., что опасается, «что Ухань сдрейфит и подчинится Нанкину». Но тут же предлагал пойти на уступки «левому» Гоминьдану: передать ему лишних три–пять миллионов, отозвать из Китая Бородину. Сталин выступил против поспешного признания правительства Чан Кайши на государственном уровне, поскольку это, по его мнению, нанесло бы удар правительству Уханя¹.

Однако все больше генералов переходило на сторону Чан Кайши. Экономические проблемы, развал промышленности и торговли привели к тяжелому экономическому кризису. Уханьское правительство перешло к открытой антирабочей и антикрестьянской политике: разоружению рабочих дружин, экспедициям против крестьян, нападениям на рабочие организации в Ухане, расстрелам революционеров и т.д.²

В сложившихся обстоятельствах сталинскому руководству пришлось отказаться от уступок Уханю. Оно начало склоняться к идее мобилизации Китайской компартии на захват власти внутри «левого» Гоминьдана [см.: 11, с. 212]. 8 июля 1927 г. на заседании ПБ ЦК ВКП(б) была принята директива, которую ИККИ отправил ЦК КПК. В ней говорилось о необходимости выхода членов компартии из нацправительства. Но это не означало ухода коммунистов из Гоминьдана. Предписывалось вести решительную борьбу во всех низовых организациях Гоминьдана и в массах, добиваться созыва съезда этой партии, на котором предъявить требование поддержки аграрной революции и смены руководства. На случай усиления реакции компартии предлагалось на территории Уханя организовать нелегальный аппарат и перевести ответственных работников на нелегальное положение. То есть, КПК должна была отдавать себе отчет, что в Ухане перевес не на ее стороне, нужно быть готовой к возможному обострению ситуации и стать центром революционного движения рабочих и крестьян. Бородину предписывалось покинуть Ухань³. В письме к Молотову от 8 июля 1927 г.

---

¹ См. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг. – С. 104–105.

² См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. – Т. 2. – С. 842.

³ См.: там же. С. 842–843.

Сталин предполагал, что коммунистам нужно будет выйти не только из уханьского правительства, но вскоре и из Гоминьдана. Однако в данный момент он все же предлагал КПК остаться в этой партии¹. Сталин тянул с разрывом до последнего.

Но установки Коминтерна снова, как и в апреле 1927 г., не смогли переломить ситуацию. Попытка опереться на низовые организации Гоминьдана тоже не дала особого эффекта. Гоминьдановцы все откровеннее выступали против коммунистов. 15 июля 1927 г. ЦИК Гоминьдана в Ухане принял решение о разрыве отношений с коммунистами Китая. «Левый» Гоминьдан пошел на союз с Чан Кайши и развязал «белый» террор.

Это стало еще одним большим поражением Коминтерна в Китае, крахом политики «единого фронта» с Гоминьданом, проводимой по инициативе Сталина и Бухарина. Англия, США и Япония почти сумели выдавить СССР из Китая. Германия тоже переориентировалась на Чан Кайши [см.: 9, с. 183]. И «правый», и «левый» Гоминьдан оказались ненадежными союзниками. Оба течения были нацелены на компромисс с великими державами и постепенное освобождение Китая на национально-демократической основе.

Вся вина за провал была возложена руководством Коминтерна на КПК и представителей ИККИ Бородина и Роя². Чен Дусю был снят с поста генерального секретаря КПК и позднее, в ноябре 1929 г., исключен из партии. Новым лидером китайских коммунистов во второй половине июля 1927 г. стал Цюй Цюбо, а новым представителем ИККИ – В.В. Ломинадзе.

От разрыва отношений с «левым» Гоминьданом до восстания в Кантоне

После разрыва с руководством «левого» Гоминьдана Коминтерн и ВКП(б) выдвинули лозунг создания в Китае советов. Но китайские советы рассматривались не как форма диктатуры пролетариата, а как форма революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в союзе с мелкой буржуазией. Лозунг

---

¹ См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг. – С. 108.

² Там же. – С. 115.

союза трех классов летом 1927 г. был принят по инициативе Бухарина¹. В соответствии с новыми установками КПК стала претендовать на роль вождя демократической революции, задачей которой было не только доведение до конца радикальных буржуазных реформ, но и объединение страны. Допускалось сотрудничество с новым «левым» Гоминьданом, если он сам образуется.

Политика Коминтерна и ВКП(б) в Китае вновь вызвала критику со стороны оппозиции. Новое столкновение произошло на очередном объединенном пленуме Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б), проходившем с 29 июля по 9 августа 1927 г. Китайский вопрос рассматривался на нем в рамках обсуждения международного положения и усиления в 1927 г. военной опасности для СССР. От оппозиции выступали Зиновьев, Каменев и Троцкий, обвинившие руководство ВКП(б) в «меньшевизме». Они потребовали проведения в Китае более решительной революционной политики. Итог столкновения со сталинским большинством был предсказуем. Пленум за фракционную деятельность вынес Троцкому и Зиновьеву строгие выговоры с предупреждением. После этого в «объединенной» оппозиции начались разногласия.

Большинством голосов пленум отверг лозунг советов и продолжал ориентироваться на завоевание оставшейся части «левого» Гоминьдана на сторону КПК с целью осуществления задач демократической революции. Ставка делалась на жену Сунь Ятсена и его племянника².

В ночь с 31 июля по 1 августа 1927 г. с санкции Москвы была предпринята попытка поднять восстание в Наньчане под флагом «революционного Гоминьдана». Целью было воссоздание в Гуандуне революционной базы и новый Северный поход [5, с. 179]. Восстание началось в Нанчане в армии Чжан Факуя, командующего 2-м фронтом Народно-революционной армии. Во главе дивизий восставших стояли командиры Е Тин (член КПК) и Хэ Лун (вступил в КПК). Хотя оба генерала были коммунистами, ру-

---

¹ См.: Троцкий Л.Д. Новые возможности китайской революции, новые задачи и новые ошибки // Архив Троцкого. Т. 1–3 [Коммунистическая оппозиция в СССР] / Научные редакторы Ю.Г. Фельштинский, М.Г. Станчев. – Харьков: Око, 1999. – Т. 1. – С. 279.

² См.: там же. – С. 283.

ководство КПК и Коминтерн не особо им доверяли, поэтому ставилась задача поставить их под жесткий политический контроль¹. Крестьяне, находящиеся в бедственном положении, охотно шли в армию. Предполагалось, что революционные войска вначале двинутся на юг и сумеют вызвать мощное крестьянское движение, которое примкнет к армии восставших. Лидером восстания и политическим руководителем стал Тань Пиншань (член Политсовета ЦИК Гоминьдана, министр земледелия Уханьского правительства; одновременно до осени 1927 г. состоял в КПК, был членом Политбюро ЦК КПК). Тань Пиншань занял, по мнению ИККИ, оппортунистическую позицию. Руководители восстания выступили против захвата крестьянами земель и против вооружения рабочих. Нерешительность в военных действиях Е Тина и Хэ Луна привела к поражению революционных войск. Восстание закончилось неудачей².

5 августа 1927 г. Уханьский Гоминьдан окончательно разорвал отношения с КПК и устроил репрессии против коммунистов. В сентябре 1927 г. процесс сближения Уханя и Нанкина завершился созданием единого правительства [см.: 5, с. 178, 179]. «Единый фронт» между КПК и Гоминьданом, существовавший с 1923 г., был окончательно разрушен.

Новый революционный подъем в Китае и полный разрыв с Гоминьданом потребовали от Коминтерна выработки новой тактики для китайского коммунистического движения. В самом конце сентября 1927 г. лидеры ИККИ объявили о новой фазе революции и взяли курс на установление в Китае антиимпериалистической, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в форме советов рабочих, крестьянских, солдатских и ремесленных депутатов, т.е. заимствовали ту программу, которую «объединенная» оппозиция предлагала ранее.

Но в самой оппозиции произошел раскол по вопросам тактики Коминтерна в Китае. В середине сентября 1927 г. Троцкий вернулся к своей идее перманентной революции, которой придерживался до 1922 г. В своих тезисах «Новые возможности китайской революции, новые задачи и новые ошибки», написанных в середи-

---

¹ См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. – 1999. – Т. 3, ч. 1. – С. 139.

² См.: там же. – С. 305.

не сентября 1927 г., Троцкий сформулировал новый курс: «Сейчас дело идет для пролетариата о том, чтобы отвоевать у революционной демократии бедняцкие низы города и деревни и повести их за собой для завоевания власти, земли, независимости страны и лучших материальных условий жизни для трудящихся масс. Другими словами, дело идет о диктатуре пролетариата»¹. Троцкий предлагал перейти от демократического к новому социалистическому этапу революции. Для этого нужна была революционная красная армия, которая, по его мнению, должна была быть создана на основе фактически развертывающегося движения рабочих и крестьян².

Но идея Троцкого о необходимости установления в Китае диктатуры пролетариата не встретила поддержки у оппозиционеров. Зиновьев и другие придерживались прежней точки зрения о необходимости осуществления на Востоке буржуазно-демократической стадии революции и доведения ее до конца в союзе рабочего класса и крестьянства, под руководством первого. Этот тезис вошел в составленный оппозицией «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)».

Осенью 1927 г. сталинское руководство начало новое наступление на оппозицию. 27 сентября на объединенном заседании Президиума ИККИ и Интернациональной контрольной комиссии Троцкий и Вуйович были исключены из состава ИККИ. На октябрьском (1927 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Троцкого и Зиновьева вывели из состава Центрального комитета партии. После уличных столкновений во время праздничной демонстрации 7 ноября 1927 г., вина за которые была возложена сталинским руководством на «левых», Троцкий и Зиновьев были исключены из рядов ВКП(б).

После этого оппозиция окончательно распалась. Во время работы XV съезда ВКП(б), проходившего со 2 по 19 декабря 1927 г., зиновьевцы (23 человека) заявили о своей капитуляции. Троцкисты, которые продолжали отстаивать свои позиции, в начале 1928 г. были депортированы в отдаленные районы Советского Союза. В КПК точку зрения Троцкого по-прежнему поддерживали члены китайской «левой» оппозиции [см.: 11, с. 224].

---

¹ Троцкий Л.Д. Новые возможности китайской революции ... – С. 282.

² См.: там же. – С. 284, 286.

На пленуме Политбюро ЦК Китайской компартии (7–11 ноября 1927 г.) был взят курс на организацию восстаний не только в сельской местности, но в городах. Произошли революционные выступления в Ханькоу, Уси, Чанша, Кайфэне и др. Самой крупной попыткой захватить власть силами КПК в Китае было восстание в Кантоне 11–13 декабря 1927 г. Но и оно, как позднее признавал Н.И. Бухарин, оказалось по сути военным путчем, почти не поддержанным трудящимися¹.

Кантонское восстание стало кульминацией и концом китайской революции 1925–1927 гг.

Выводы

Революция в Китае рассматривалась III Интернационалом как составная часть революционного процесса во всей Азии [7; 1].

Причины поражения китайской компартии в ней многие современные российские исследователи видят в политике Сталина, который до последнего ориентировался на демократическую революцию и союз КПК сначала со всем Гоминьданом, потом с «левым» крылом этой партии [см.: 12, с. 36]. Другие полагают, как уже отмечалось в первой части, что обе стороны, и Гоминьдан, и КПК, пытались использовать «единый фронт» в собственных целях для борьбы с империалистическими державами и укрепления своих позиций на политической арене [см.: 2; 3; 4; 10; 15]. Когда руководство Гоминдана достигло поставленных целей, оно отказалось от союза с коммунистами.

Китайские историки отмечают в качестве главных причин поражения Китайской революции слабость и неопытность китайской компартии, ошибки представителей Коминтерна и руководства ИККИ, неготовность китайского общества в 1920-е годы к революционным преобразованиям, угрозу интервенции со стороны великих держав [см.: 8, с. 443].

Политика Коминтерна в Китае вызвала острую борьбу в ИККИ и ВКП(б), которая закончилась полным поражением и распадом «объединенной оппозиции», хотя осенью 1927 г. сталинско-

---

¹ Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. – Т. 3, ч. 1. – С. 235, 250–251.

бухаринское большинство в III Интернационале во многом заимствовало тактику «левых».

После разгрома Кантонского восстания начался длительный период борьбы КПК с Гоминьданом, поддержки Коминтерном коммунистических партизанских отрядов, создания советских районов (особенно крупные со временем были образованы в Центральном и Южном Китае), формированию Красной армии [см.: 13; 14].

Только в 1937 г. был образован второй «единый фронт» компартии Китая и Гоминьдана, задачей которого стала борьба с японской агрессией.

Список литературы

1. Батунаев Э.В. Монгольский вопрос в политике Коминтерна // Власть. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 106–112.
2. Ватлин А.Ю. Утопия на марше. История Коминтерна в лицах. – Москва: Политическая энциклопедия, 2023. – 896 с.
3. Герасимов Д.И. Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 5. – С. 14–32.
4. Иващенко А.С. Советско-китайские отношения в работах российских синологов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2021. – № 4 (212). – С. 70–78.
5. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / РАН, Институт Дальнего Востока; гл. ред. С.Л. Тихвинский. – Москва: Наука. Восточная лит., 2013. – Т. 7: Китайская республика (1912–1949) / отв. ред. д-р ист. наук Н.Л. Мамаева. – 2017. – 863 с.
6. История Коммунистического Интернационала, 1919–1943: докум. Очерки / РАН, Ин-т всеобщ. Истории; редкол.: А.О. Чубарьян (отв. ред.) и др. – Москва: Наука, 2002. – 412 с.
7. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929 / пер. с англ. Л.А. Черняховской. – Москва: Интер – Версо, 1990. – 208 с.
8. Картунова А.И. Новая волна интереса историков к проблемам Китайской революции 1925–1927 гг. и необоснованная попытка предать ее забвению // Общество и государство в Китае. – 2015. – Т. 45, № 1. – С. 437–456.
9. Каткова З.Д. Чан Кайши и его немецкие советники // Общество и государство в Китае. – 2012. – Т. 42, № 3. – С. 183–189.
10. Мамаева Н.Л. Коминтерн и революционный процесс в Китае 1920-х гг. // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 4. – С. 5–16.
11. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и кит. революция (1919–1927). – Москва: Муравей-Гайд, 2001. – 456 с.

12. Предисловие // ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы / Рос. центр хранения и изучения док. новейшей ист., Ин-т Дальнего Востока, РАН, Востоочноазиат. семинар свобод. ун-та Берлина; редкол.: Го Хэньюй, М.Л. Титаренко (рук. работы) [и др.]. – Москва: Буклет, 1999. – Т. 3: ВКП (б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931: В 2 ч., ч. 1. – С. 33–56.
13. Смирнов Д.А. К вопросу о соотношении внутреннего и внешнего факторов в разработке стратегии и тактики китайской революции на примере VI съезда КПК // Исторические события в жизни Китая и современность: сб. статей. К 100-летию Коммунистической партии Китая / ИДВ, РАН; Мамаева Н.Л. (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 2021. – С. 145–155.
14. Сотникова И.Н. К вопросу о роли Георгия Димитрова в Китайской революции // Исторические события в жизни Китая и современность / Институт Китая и современной Азии РАН. – Москва, 2022. – С. 96–112.
15. Юркевич А.Г. Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е) // Вестник РУДН. Серия История России. – 2009. – № 3. – С. 41–48.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 323.17; 94(450).04–06

DOI: 10.31249/hist/2024.04.12

ЭМАН И.Е.* КОГДА ИТАЛИЯ НЕ БЫЛА РАЗДЕЛЕНА НАДВОЕ.
Рец. на кн.: Figliuolo B. Alle origini del mercato nazionale. Strutture economiche e spazi commerciali nell' Italia medievale. – Udine: Forum, 2020. – 576 p.

Ключевые слова: Италия, позднее Средневековье; строительство итальянской нации; рыночные структуры; Бруно Фильюоло.

Keywords: Italy, late medieval; Italian nation building; market structures; Bruno Filiuolo.

Для цитирования: Эман И.Е. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 189–197. – Рец. на кн.: Figliuolo B. Alle origini del mercato nazionale. Strutture economiche e spazi commerciali nell' Italia medievale. – Udine: Forum, 2020. – 576 p.

Название работы итальянского историка, одного из ведущих специалистов в области изучения истории Средних веков, профессора Университета Удине Бруно Фильюоло «К истокам образования национального рынка. Экономические структуры и торговые пространства в средневековой Италии» выглядит весьма традиционным. Однако выводы, к которым приходит автор, вызвали широкое обсуждение не только среди историков-медиевистов, но и специалистов в области новой и новейшей истории Италии. И это, на наш взгляд, не случайно. Один из старейших итальянских исторических журналов Nuova rivista storica посвятил рубрику «Исто-

---

* Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); iraeman@yandex.ru

рики и историки» обсуждению новой монографии Фильюоло. Заглавие рубрики: «Когда Италия не была разделена надвое. Средневековье, “рождение нации”, генезис единого рынка. Об одной недавно вышедшей книге»¹ обозначило затронутые в монографии вопросы, вокруг которых уже более двух веков не утихают дискуссии в итальянской (и не только) историографии.

Проблема дуализма социально-экономических и общественно-политических структур Италии, сфокусированная в так называемом «южном вопросе», является ключевой для социально-экономического и политического развития страны в Новое и Новейшее время. Современная Италия, по мнению экспертов, остается в определенной степени экономически, социально, ментально и культурно поделенной на Северную и Южную части. Фильюоло считает возможным пересмотреть исторически сложившееся «общее мнение» о существовании дуализма на материале средневековой Италии, предлагает по-новому взглянуть на итоги раннекапиталистического развития итальянских городов и примыкающих к ним территорий, на организацию торговли по всей территории Апеннинского полуострова и за его далекими пределами. Автор монографии приходит к выводу, что в XIII–XV вв. практически на всей территории Италии сложилась мощная интеграционная система ускоренного товарообмена и обращения капитала, что дает основания говорить о создании на территории Италии единого национального рынка.

В центре предложенной автором системы располагаются три макрзоны: Венеция, Генуя и ось Флоренция-Пиза. Эти города владели тремя главными морскими портами, а также крупными речными причалами на крупнейших водных артериях полуострова, реках По и Арно.

Торговая структура, существовавшая со второй половины VIII в., связывала города Ломбардии (Милан, Павию, Пьяченцу и Кремону) с портами на Адриатике, сначала с Корнаккьо и Равенной, затем с Венецией. В XIII в. к ней присоединились новые центры торговли: Бергамо, Комо, Брешиа, Мантуя, Верона и др. Зна-

---

¹ Quando Italia non era divisa in due. Il mercato, la “nascita della nazione” e la genesi del mercato unificato. A proposito di un libro recente // Nuova rivista storica. – Roma, 2022. – N 3. – P. 1285–1322.

чительными торговыми зонами являлись Неаполь, зоны Паданской низменности, Адриатическая и Средиземноморская.

Фильюоло рассматривает производственную, коммерческую и кредитную организацию городов макрзоны в контексте развития всего полуострова, других многочисленных городов Италии, отмечая, что Флоренция, Генуя и Венеция смогли создать не только собственное торговое пространство, но и широкую промежуточную (*intermedio*) торговую сеть совместного пользования с другими городами, ставшую, по мнению Лучано Палермо (Университет Тушиа), особой формой функционирования «национального рынка», раннекапиталистической системой производства, торговли, кредитных операций.

Фильюоло предлагает свою экономическую типологию средневековых итальянских городов, приняв за основу типологию признанного мэтра, французского историка Фернана Броделя, сфокусированную на «экономических пространствах», которые он подразделяет (согласно размерам и функциям) на локальные, промежуточные и масштабные, экономически автономные *economies-mondes* (*economia-mondo* – итал.) регионы мира.

Автор монографии подразделяет итальянские города и контролируемые ими прилегавшие территории на три категории: «город-паутина», «город-улей» и «город-гнездо».

Пример «города-паутины» – Флоренция. Что отличает этот тип города? Торговля по всей территории полуострова, большое количество и разнообразие оказываемых тосканскими предпринимателями услуг, цикличность торговых потоков, начинавшихся в местах концентрации сырьевых ресурсов, далее их транзит к мануфактурным центрам, затем – на крупные рынки *economia-mondo*. Фильюоло приходит к заключению, что данная схема легла в основу формирования итальянского национального рынка.

«Флоренция, – пишет автор, – была единственным европейским городом, который уже в XIII–XIV вв. приобрел функцию главного центра торговых отношений... за достаточно короткий промежуток времени. Флорентийские торговцы вели торговые операции не только на ярмарках “*economia-mondo*”, таких как Венеция, Неаполь, Брюгге, Константинополь, Александрия (Египет) и т.д. Благодаря торговым операциям флорентинцев эти большие экономические единицы были связаны не только между

собой, но также с их родной Тосканой через создание промежуточной торговой сети между многочисленными поселениями, которые сами флорентинцы продвигали в сфере торговли, и где почти монопольно действовали их коммерсанты: в Болонье, Ферраре, Мантуе, Вероне, почти во всех городах Паданской низменности, в Романье и Марке, в центрах Прованса, Франции, Германии, Каринтии, Фриули, в сельскохозяйственных районах и городах Южной Италии» (с. 23).

«Городом-паутиной», игравшим ярко выраженную региональную роль, являлся Римини, что отчетливо видно, по мнению Микеле Кампопиано (Университет Йорка), на основе анализа торговой деятельности города, жители которого приобретали сырье и продавали зерновую и винодельческую продукцию жителям Романьи и Венеции. Город Пезаро также «плел торговую паутину» на промежуточном уровне, но мог взаимодействовать и с зонами *economia-mondo* через венецианский рынок и, конечно же, благодаря присутствию вездесущих флорентинцев.

«Город-улей» – это город-производитель, имеющий свою автохтонную торговую сеть. К этой категории относилась Флоренция, города Пьемонта, Ломбардии, Венето, Эмили, Марке, Мессина, Рим и Венеция, которую Фильюоло называет также «городом – конечным пунктом» – обязательным этапом доставки и распределения товаров по всей Адриатике.

«Города-гнезда» (яркий пример – Пиза) использовали, прежде всего, свое выгодное расположение внутри экономического пространства и привлекали иностранных торговцев, активно действовавших как в зонах *economia-mondo*, так и в «промежуточных зонах» полуострова. Например, в Пизу прибывали каталонцы, генуэзцы, флорентинцы, провансальцы, венецианцы, сицилийцы и т.д. Примером «города-гнезда» может служить и Неаполь: после того, как город стал местопребыванием анжуйского двора и приобрел огромный спрос на дорогостоящие товары, он начал принимать торговцев не только связанных с зонами *economia-mondo*, но и являвшихся подданными Королевства.

Фильюоло показал, что одному и тому же городу присущи различные типы взаимоотношений между его экономическими функциями и торговым пространством. Например, жители Мессины, которые ранее сами вели торговые операции на больших тер-

риториях (вплоть до Африки), в XV в. занимались торговыми операциями промежуточного уровня, уступив торговые риски в торговле товарами – зерна, шелка, сахара, получая таким образом выгоду от своего географического положения. Шелк менялся на фламандские шерстяные материи, считавшиеся наиболее важной составляющей мессинской торговли.

Пиза как «город-паутина» с начала XIV в. становится центром выделки кож и изготовления предметов из металла, а также производства шерстяных тканей среднего и средне-низкого качества – «пизанского сукна». Предприниматели Пизы занимались полным циклом, начиная с обеспечения сырьем пизанских кузнечных дел мастеров. Включение Пизы в экономическое пространство Флоренции¹ не привело к упадку ее торгово-экономической деятельности. Городская экономика извлекла своего рода выгоду из взаимоотношений с Флоренцией, особенно в области продажи мануфактуры. Торговые операторы Пизы, владея портом на Тирренском море, постепенно делегируют каталонцам трансфер товаров во все больших объемах для реализации на Иберийском полуострове. Сицилийцы также пользовались Порто Пизано и получали прямые заказы из Пизы на транспортировку больших объемов зерна. Пизанцы получали выгоду от предоставления права прохода в город и погрузки товаров с кораблей на баржи, следовавшие по Арно (с. 86).

Применение Фильюоло новой типологии городов, в основу которой были положены взаимоотношения между торгово-экономической активностью и торговыми пространствами, на наш взгляд, не только раскрывает на молекулярном уровне динамику производства и обмена, но также становится своего рода ключом к пониманию сложившейся в Италии ситуации, когда торговля смогла занять лидирующее положение в трансформации производственной активности. Нельзя не согласиться с Микеле Кампиано (Университет Йорка), что автор на материале средневековой Италии подтверждает выводы Броделя о первенствующей роли торговли в Европе XIV–XVIII вв., о центральном месте, которое занимал торговый капитал в экономике позднего Средневековья, и

---

¹ После поражения пизанского флота от генуэзцев при острове Мелории в 1284 г. Пиза навсегда утратила значение средиземноморской державы.

о контроле крупных коммерсантов над промышленным производством¹.

Думается, заслуга Фильюоло состоит в том, что автор детально раскрыл, как оформлялся и в чем состоял феномен экономического экспансионизма итальянских торговцев-банкиров, которые либо сами, либо их агенты, либо операторы филиалов их компаний вели дела во всех крупных городах европейского пространства. Расширение экономических зон, увеличение торговой активности и разнообразия товарооборота автор связывает с так называемой торговой революцией XII в., вызванной образованием избыточных доходов в сельском хозяйстве, что позволило расширить инвестиции в торговлю. Образование избыточных капиталов в аграрном секторе повлекло за собой увеличение торговли сельскохозяйственной продукцией первой необходимости на значительных пространствах (с. 9–24).

Следует обратить внимание на то, что Фильюоло постоянно подчеркивает роль деловых людей Флоренции (и в целом Тосканы) в формировании единого рыночного пространства. Торговая стратегия и тактика флорентинцев в XV в. опережала стратегию и тактику каталонцев, венецианцев и генуэзцев. Тосканцы, располагая наличными деньгами, приобретали оптом сельскохозяйственную продукцию, контролировали все промежуточные этапы торгового и финансового прохождения товара. «Способность связать между собой экономические пространства, даже далекие от экономически значимых центров *“economia-mondo”* через прямое участие на всех этапах производства и распределения – в этом крылась оригинальность *modus operandi* флорентинцев на международных рынках, отличавшая их стратегию от более элементарной стратегии непосредственных конкурентов» (с. 52). Автор отмечает не только использование продвинутого технологического инструментария – векселя, договоры страхования, социетарные формы объединения, на что обратил внимание Эмилио Джин (Университет Салерно), но и полный контроль над производством и распределением, создание настоящих торговых монополий (например в торговле зерном), практику финансовых инвестиций.

---

¹ Braudel F. Scritti sulla storia. – Milano: Bompiani, 2016. – P. 46–47.

Важно подчеркнуть, что намеченные Фильюоло типы торгово-экономических пространств не совпадают ни с политическим делением полуострова того времени, ни с географическим делением на северные и южные регионы. На это обстоятельство обратил внимание Эудженио Ди Риенцо (Римский университет Ла Сапиенца). Например, Фриули в те времена был разделен между эрцгерцогством Австрии, патриархатом Венеции, епископатом Конкордии, графством Гориции и, вскоре, республикой Венеции. По мнению участников дискуссии, концепция, предложенная Фильюоло, дает возможность говорить о существовании на территории Италии в период позднего Средневековья единого национального торгового пространства, ставя таким образом под сомнение концепцию двух Италий.

Концепция дуализма, по замечанию Э. Джин, в последнее время «вновь неожиданно вернулась именно в работы итальянских историков-медиевистов»¹. Современная итальянская историография, как на то указывает Лучано Палермо, часто использует концепцию экономического дуализма для характеристики модальности функционирования региональных итальянских экономик той эпохи для выяснения, в какой степени региональным моделям, существовавшим на фрагментарном в политическом отношении пространстве, удалось (и удалось ли, зададим вопрос) создать торгово-промышленную сеть, в которой можно увидеть, пусть в зачаточной форме, наличие единого внутреннего рынка.

Как видим, работа Фильюоло, по сути, оспаривает основные тезисы современной историографии, согласно которой экономические и торговые нововведения на территории полуострова в эпоху позднего Средневековья еще не дают оснований говорить о едином национальном рынке, а можно говорить лишь о «региональных рынках» и «экономическом дуализме»² и о том, что политическая раздробленность, неравномерность развития отдельных областей, их значительные экономические и социокультурные различия, географический фактор помешали образованию единого итальянского рынка.

---

¹ Quando Italia non era divisa ... – P. 1305.

² Ibid. – P. 1316.

Автор монографии на огромном источниковом материале (а это сотни тысяч документов, по большей части неизданных, составляющие порядка 70-ти фондов, хранящихся приблизительно в 20-ти итальянских архивах), который невозможно не принимать во внимание, показал, что торговые связи различных частей Италии были достаточно крепки. Историк, отдавший исследованию 16 лет (отмечает Ди Риенцо), пришел к твердому убеждению – к началу XV в. на всей территории Италии сложилась торгово-экономическая общность, к которой вполне применимо определение «единый национальный рынок». По мнению Л. Палермо, предложенное определение – это «вполне реалистичная попытка связать первые формы организаций капиталистического типа в Италии, прежде всего в торговых секторах, и частных финансовых операций с процессами создания территориального пространства, необходимого для выгодного вложения инвестиций»¹.

Следует подчеркнуть, что Фильюоло не ставит знак равенства между рыночной интеграцией (национальным рынком) и экономической интеграцией. Различные составляющие, определявшие типологию городов, выполняли различные функции в дихотомии: торговые операции – капитал. Итальянские города находились в большей или меньшей зависимости по отношению друг к другу.

И еще несколько замечаний по поводу термина «национальный рынок». Аурелио Музи (Университет Салерно) считает, и нельзя с ним не согласиться, что автор монографии не раскрывает в полной мере значение термина «национальный», который в разные исторические периоды имел разные семантические значения. На наш взгляд, применение термина «национальный» к средневековой Италии может показаться весьма спорным без уточнения его контекста; он всегда употребляется с некоторой осторожностью, поскольку до определений «национальный», «нация», как они сложились в XIX в., было еще очень далеко.

Главный вывод, к которому приходишь по прочтении книги Фильюоло, выглядит весьма смелым, но достаточно убедительным: в период позднего Средневековья на территории Италии (читаем: на территории будущего единого итальянского государства) сложился интегрированный и гомогенный национальный рынок,

---

¹ Quando Italia non era divisa ... – P. 1316.

прежде всего в результате деятельности флорентинцев. Можно предположить, что в период позднего Средневековья была создана объективная площадка для дальнейшего национального объединения Италии. Иными словами, идея одной Италии в те времена обрела свои смутные очертания¹.

Авторская трактовка оспаривает непреложную и никем не подвергавшуюся до настоящего времени сомнению концепцию существования на территории Апеннинского полуострова множества разных Италий². Однако и сам автор книги, и специалисты, принявшие участие в дискуссии, убеждены, что экономическая структура, контролируемое торговое пространство и соответствующие институты были в ту эпоху общими для Италии в целом.

Для подтверждения (либо опровержения) авторских выводов, видимо, необходим следующий шаг: столь же подробное и глубоко фундированное исследование развития институциональных единиц, а также взаимодействия политических образований и экономических механизмов, позволяющее всесторонне объяснить причины упадка сложившейся системы при переходе к Новому времени.

---

¹ Quando Italia non era divisa ... – P. 1304.

² Ibid. – P. 1331.

МИХЕЛЬ Д.В.* АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА: НОВЫЕ ТЕМЫ ДЛЯ РАЗГОВОРА. Рец. на кн.: АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1899–1902 годов: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: коллективная монография. – Москва: Институт Африки РАН, 2023. – 372 с.

Ключевые слова: Вторая англо-бурская война 1899–1902 гг.; историография англо-бурской войны; Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство; англо-бурская война и история военного дела.

Keywords: Second Anglo-Boer War 1899–1902; historiography of the Anglo-Boer War; Transvaal and the Orange Free State; the Anglo-Boer War and military history.

Для цитирования: Михель Д.В. Англо-бурская война: новые темы для разговора [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – №. – С. 198–206. Рец. на кн.: Англо-бурская война 1899–1902 годов: опыт и перспективы исследования: коллективная монография. – Москва: Институт Африки РАН, 2023. – 372 с. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.13

История англо-бурской войны 1899–1902 гг., или второй англо-бурской войны, давно находится в поле зрения исследователей разных стран. Очередным откликом на это историческое событие стала коллективная монография с участием 18 российских и южноафриканских (ЮАР, Намибия) историков, вышедшая в издательстве Института Африки РАН. Имея в виду представительство с российской стороны, можно определенно сказать, что она стала

---

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); dmitrymikhel@mail.ru

продолжением большой научной работы, начатой на исходе XX в. А.Б. Давидсоном и И.И. Филатовой, а также Г.В. Шубиным и его группой¹. Рассматриваемая монография включает в себя 14 глав и два приложения, одно из которых – впервые переведенные на русский с африкаанс воспоминания Л.Я. Стейтлера «Побег из плена. Англо-бурская война 1899–1902 гг.» (перевод Б.М. Горелика), а другое – отпечаток короткой статьи из газеты «Восточно-Сибирская правда» за 8 марта 1941 г. «Моя диссертация», автор которой – Алевтина Федоровна Остальцева, первая в СССР защитившая диссертацию об англо-бурской войне (1938).

Война между могущественной Британской империей и двумя южноафриканскими государствами – Трансваалем и Оранжевым Свободным Государством – стала настоящим вызовом для британского империализма. С нее начался упадок империи, приведший к ее окончательному развалу в середине XX в. В этой войне за пределами Европы британцам впервые противостояли не плохо вооруженные туземцы, а хорошо организованные, мотивированные и умеющие воевать потомки выходцев из Европы – буры (африканеры). При этом последних поддерживал в моральном плане, а отчасти и технически, почти весь тогдашний цивилизованный мир – Германия, Франция, Россия и другие, правда, на уровне добровольцев, а не правительств. Это была война нового типа, предшественница всех войн XX в. В ней впервые использовались пулеметы, дальнобойная полевая артиллерия, бронепоезда, колючая проволока и другие военно-технические новинки, а также массовое интернирование гражданского (бурского) населения, уничтожение экономической базы противника, геноцид. Благодаря регулярным телеграфным сообщениям с юга африканского континента, огромное число людей во многих странах хорошо знали о происходящих на юге Африки событиях. Знали и сопереживали.

---

¹ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. – Roodepoort: CUM Books, 1981. – 287 p.; Шубин Г.В. Российские добровольцы в англо-бурской войне (1899–1902) (По материалам Рос. гос. воен.-ист. архива). – Москва: XXI век – Согласие, 2000. – 218 с.; Воропаева Н.Г., Вяткина Р.Р., Шубин Г.В. Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминания очевидцев. – Москва: Восточная литература, 2001. – 528 с.; Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных: в 13 т. / [авт.-сост.: Шубин Г.В. и др.]. – Москва: Memories: И.Б. Белый, 2012.

В основном африканерам – потомкам выходцев из Голландии, Франции, Германии, Ирландии, Фландрии, впервые поселившимся в южной части африканского континента еще в XVII–XVIII вв.

Для отечественной исторической науки англо-бурский вооруженный конфликт всегда был поводом для рассмотрения его во взаимосвязи с социально-политическими процессами в Российской империи. Как отмечается во введении к монографии, «изучение англо-бурской войны помогает понять не только историю Южной Африки, но и... историю России. У этого подхода могут быть издержки, но рассмотрение событий англо-бурской войны через российскую призму, в контексте процессов в далекой от южноафриканского театра боевых действий Российской империи демонстрирует международное значение этого вооруженного конфликта... Англо-бурская война была заметным фактором общественной жизни и внешней политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв.» (с. 23).

Первые две главы монографии посвящены историографическим сюжетам. В них рассматривается эволюция воззрений на англо-бурскую войну в отечественной исторической науке XX в., а также в зарубежной, главным образом южноафриканской, историографии. В России исследования этого конфликта на юге Африке были начаты уже с момента его начала. Публикации об англо-бурской войне выходили в многочисленных журналах, а публицисты освещали ее со всех направлений – консервативного, либерального и социалистического. Еще до завершения войны было начато издание воспоминаний ее непосредственных участников – вооруженных добровольцев, военных агентов, сестер милосердия (с. 40). В советский период интерес к событиям англо-бурской войны лишь усиливался. Руководствуясь ленинскими указаниями о природе антиимпериалистических войн, советские историки трактовали ее как войну буров за свою независимость. После Великой Отечественной войны постепенно наметился сдвиг к изучению этой войны с позиций восприятия ее современниками. Этот сдвиг был связан, прежде всего, с научной работой А.Б. Давидсона. В постсоветский период в изучении англо-бурской войны наметился еще один аспект – публикация документов, освещающих этот вооруженный конфликт с позиций всех его участников. Эту обширную работу начал Г.В. Шубин. Что касается южноафрикан-

ских исследований англо-бурской войны, то в некоторых из них предприняты попытки показать, что она является ключом «к пониманию большинства проблем современной Южной Африки» (с. 63). Кроме того, в них авторы стремятся расширить фокус восприятия этого конфликта – обсуждается его влияние на местные африканские племена, на природный мир, на трансформации в сфере культуры, например появление в южной Африке новых видов спорта (регби). Заслуживает также внимания и попытка южноафриканских историков по пересмотру географии этого конфликта и включения в поле зрения событий, разворачивавшихся за пределами Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства – на территории современной Намибии и Намакваленда (северной части Капской колонии).

Следующие шесть глав монографии объединены в раздел, который называется «Война». В этих главах основное внимание уделяется различным аспектам развития военного дела, а также изучению личного вклада участников южноафриканской войны в непосредственное развитие хода военных действий или их прекращение, а также осмыслению того нового опыта, который принесла эта война человечеству. Так, в 3-й главе монографии обсуждается вопрос о влиянии опыта Первой англо-бурской войны (1880–1881) на подготовку Великобритании ко второй войне (1899–1902). Показано, что британское военное руководство тщательно изучало опыт первой войны (против Трансвааля) и причины неудач своих войск, а кроме того имело ясное понимание, что в будущей войне Британской империи скорее всего придется столкнуться не только с вооруженными силами Трансвааля, но и союзным ему Оранжевым Свободным Государством. «Документы однозначно свидетельствуют о попытках теоретического осмысления британскими военными специалистами неудачного опыта Первой англо-бурской войны с целью его преломления на будущие вооруженные конфликты. В первую очередь это затрагивало аспекты стратегической подготовки, которые, несмотря на старания сотрудников Разведывательного департамента, так и не учли высшие эшелоны военного ведомства и представители юнионистского кабинета лорда Солсбери... Вторая англо-бурская война без преувеличения может именоваться “войной невыученных уроков”» (с. 97).

Примечательным сюжетом, рассматриваемым в монографии, является «забытая история» о роли Германской Юго-Западной Африки (Намибии) в поддержке бурского населения в ходе этой войны. Порядка 1600 африканеров мигрировали на территорию этой германской колонии в ходе войны, спасаясь от британцев. Помимо этого отдельные представители германских официальных лиц оказывали серьезную поддержку бурскому населению – занимались сбором пожертвований, организовывали дела переселенцев, доставляли гуманитарную помощь в концентрационные лагеря на территории Южной Африки, где содержались бурские женщины и дети (с. 102). Весьма заметное место в рамках коллективной монографии занимает глава 5-я, повествующая о деятельности Шмуэля (Самуила) Маркса (1844–1920) – выходца с западной окраины Российской империи, из Ковенской губернии, который отправился искать счастье в Южную Африку. Там вместе со своим двоюродным братом Исааком Льюисом (1849–1927), ставшим его деловым партнером, он сумел сколотить многомиллионное состояние – их успехи были связаны с выгодными вложениями в развитие горнодобывающей промышленности, бизнес по добыче золота и алмазов. Кроме того, Маркс создал целую сеть угольных шахт, фабрик и иных предприятий. Тесно сблизившись с президентом Трансвааля Паулем Крюгером (1825–1904), Маркс получил возможность напрямую влиять на южноафриканскую политику, а когда началась Вторая англо-бурская война, он стал оказывать материальную поддержку бурскому населению. При этом Маркс предоставлял гуманитарную помощь и британским военнопленным; благодаря этому ему удалось занять нейтральную позицию между враждующими сторонами. Стараясь спасти свой бизнес и руководствуясь гуманитарными соображениями, Маркс включился в миротворческую деятельность. Ее итогом стало заключение мирного договора между Великобританией и вооруженными силами буров на территории фабрики Маркса – 31 мая 1902 г. в г. Феринихинге. Деловой успех Маркса и его роль в развитии южноафриканской экономики имели заметный международный резонанс. Известно, что тысячи литовских евреев с окраин Российской империи, вдохновленные его примером, перебрались на юг африканского континента. Последнее позволило им избежать печальной участи оставшихся, которые были уничтожены немецко-

фашистскими оккупантами в июле-сентябре 1941 г., сразу после вторжения на территорию СССР.

Опыт англо-бурской войны 1899–1902 гг. активно изучался советскими военными специалистами. Практика ведения маневренной войны на материале южноафриканского конфликта анализировалась в Военной академии РККА. В частности, в начале 1933 г. адъютант В.М. Воронков в своем очерке показал, что народная милиция буров была способна оказывать серьезное длительное сопротивление кадровой европейской армии (с. 145–152). Впоследствии опыт такого рода, но уже усовершенствованный – с учетом взаимодействия партизанского движения с силами регулярной армии – был использован в годы Великой Отечественной войны, когда в 1942 г. при Ставке Верховного главнокомандующего были созданы органы управления партизанским движением.

В главе седьмой монографии обсуждается история российского добровольческого движения в период Второй англо-бурской войны. При этом особое внимание уделяется влиянию контекста внутренней и внешней политики России XIX в. Показано, что неудачи в годы Крымской войны середины XIX в. сформировали в российском обществе устойчивое враждебное отношение к Британской империи, особенно среди его консервативной части, поэтому любой международный инцидент, где так или иначе сталкивались интересы России и Великобритании, наши соотечественники рассматривали сквозь призму этого события и искали повода нанести в той или иной форме ущерб британским интересам. Вместе с тем представители либеральных и радикальных (социалистических) кругов российского общества также были внимательны к событиям англо-бурской войны и вносили свой вклад в развитие российского добровольческого движения. «На достаточно длительном промежутке времени, коим представляется XIX в., российское добровольческое движение эволюционировало в некое подобие “интернационализма”. Не будучи в силах исправить ситуацию в границах Отечества и смиренно взирать на постепенный крах некогда могущественной державы, российские пассионарии могли устремляться на борьбу за честь и свободу угнетенных» (с. 168).

Очередная глава монографии открывает новые имена российских участников англо-бурской войны 1899–1902 гг. В основном это были выходцы из еврейских семей западных окраин Рос-

сийской империи, которым не удавалось реализовать себя в условиях российской политической реальности. Были среди них и выходцы из польских семей, а также природные великороссы. Общее число их все еще не установлено, но новейшие данные из южноафриканских источников позволяют считать, что число их было значительно более 200 (с. 190). Особое внимание в их ряду занимает личность писателя и поэта Юрия Яковлевича Будяка (Покоса) (1878–1942). С его именем связан до сих пор не до конца ясный инцидент, связанный с фигурой будущего британского премьер-министра Уинстона Черчилля. Известно, что в качестве британского корреспондента на первом году войны Черчилль оказался в бурском плену, но смог бежать из него. Тщательный анализ фактов, предпринятый в монографии, позволяет считать, что Будяк мог прямо или косвенно способствовать этому бегству, хотя ни он сам, ни Черчилль впоследствии были не склонны разглашать эту историю.

Не менее замечательны и другие шесть глав, объединенные в третьем разделе монографии, именуемом «Мир». В них изложены весьма показательные примеры влияния Второй англо-бурской войны на общественную и культурную жизнь в России. Так, в главе девятой рассматривается сюжет, связанный с влиянием южноафриканского конфликта на детское сознание. На примере дневников Ксении и Кирилла Половцовых, чьи родители живо интересовались мельчайшими подробностями этой войны и даже были вовлечены в оказание гуманитарной помощи бурским республикам, показано романтизированное отношение маленьких петербуржцев из дворянских семей к бурам. В 10-й главе показано, что не только дворянские семьи и вообще консервативные русские круги горячо переживали события англо-бурской войны, но также и выходцы из радикальных социалистических кругов. Так, после разгрома народничества в начале 1880-х годов в рамках этого движения происходила переориентация и поиск новых стратегий развития. Российские левые радикалы изучали военный опыт бурских формирований, полагая, что он может им пригодиться в будущей революционной деятельности. Кроме того, традиционная направленность народников на работу с крестьянскими общинами также подталкивали их к изучению опыта буров, которые были аграриями.

В главе 11-й рассматривается история со спасенными из британского плена пятью бурами, оказавшимися в России. Их бегство из плена произошло в порту Коломбо (Цейлон), куда британцы доставили их для заключения в лагерь. После того, как в дело вмешалась команда русского корабля «Херсон», бывшие пленники были доставлены в Крым, а затем через российскую столицу, совершив длительное путешествие, попали в Западную Европу, откуда опять в Южную Африку, где продолжили свою борьбу за независимость бурских республик. В приложении к монографии публикуются мемуары одного из пятерых бурских беглецов Л.Я. Стейтлера, в переводе с африкаанс на русский язык и постраничными комментариями.

В главах с 12-й по 14-ю в центре внимания находятся коллективные представления об англо-бурском конфликте, сформировавшиеся в российском обществе. Например, показана история ставшей популярной в России песни «Трансвааль, Трансвааль, страна моя». В XX в. она часто звучала на сцене, на радио, в телепередачах и художественных фильмах. В произведениях художественной и документальной литературы, а также публицистике и мемуаристике она упоминалась 114 раз. Особенно часто к ней обращались в военные времена, и всякий раз ее содержание переосмысливалось в зависимости от контекста. Однако неизменными оставались ассоциации с борьбой за свободу и независимость Родины. В главе 13-й рассматривается вопрос о восприятии англо-бурской войны коренными африканцами. Для подавляющего большинства их это была чужая война, которая велась между европейцами. Интересен эпизод, относящийся к апрелю 1902 г., когда бурский отряд вошел в шахтерский поселок Конкордия в Намакваленде и не встретил там сопротивления со стороны чернокожего населения, мобилизованного британцами на борьбу с бурами. Как показано в монографии, эту историю долгое время трактовали как случай предательства со стороны чернокожих, что долгое время вызывало чувство стыда у их потомков. Однако в недавнее время в нее была внесена ясность – никакого предательства не было, а местное население проявило мужество и сознательность, отказавшись выполнять приказ, который мог привести к неоправданной гибели всех жителей поселка. При содействии одного из авторов монографии в 2017 г. в этом поселке был поставлен памятник

«Солдатам, не ушедшим в бой» – местным жителям, отказавшимся подчиниться невыполнимому приказу (с. 269).

Земля Южной Африки до сих пор помнит русских участников этой войны, что подтверждается сведениями, изложенным в главе 14-й. На территории храма преподобного Сергия Радонежского в Йоханнесбурге стоит часовня, посвященная русским ветеранам бурского сопротивления. В Военном музее бурских республик Блумфонтейна представлена экспозиция о русских добровольцах, а также установлена специальная мемориальная доска. Прах русских добровольцев, погибших на южноафриканской земле, покоится с миром – об этих захоронениях заботятся российские дипломаты в ЮАР и представители Русской Православной Церкви.

Как утверждается в заключении к монографии, вклад российских исследователей в разработку проблематики Второй англо-бурской войны во многом еще остается неизвестным для южноафриканской аудитории. Сказывается, например, сложность с доступом для российских специалистов к южноафриканским архивам. Между тем эта проблема в последние годы стала понемногу решаться. Российские специалисты – все более частые гости на африканском континенте и участники многочисленных конференций в ЮАР. Вышедшая коллективная монография является примером нарастающего сотрудничества между учеными России и Южной Африки. Она, безусловно, вносит новый, весьма заметный вклад в развитие отечественной историографии англо-бурской войны, а также способствует сотрудничеству двух стран в научной и гуманитарной сфере. Данная монография будет весьма интересна как специалистам, так и более широкой аудитории.

УДК 355.01; 94(100)"1914/19"; 94(430).084;
DOI: 10.31249/hist/2024.04.14

ЛАННИК Л.В.* Рец. на книгу: AFFLERBACH H. ON A KNIFE EDGE. HOW GERMANY LOST THE FIRST WORLD WAR. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2022. – 557 p.¹

Ключевые слова: Первая мировая война; Германская империя; кампания 1918 г.; план Шлиффена; неограниченная подводная война; Ноябрьская революция в Германии; Э. фон Фалькенгайн, Э. Людендорф.

Keywords: World War I; German Empire; 1918 campaign; Schlieffen Plan; unrestricted submarine warfare; November Revolution in Germany; E. von Falkenhayn, E. Ludendorff.

Для цитирования: Ланник Л.В. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 207–215. – Рец. на книгу: Afflerbach H. On a Knife Edge. How Germany lost the First World War. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2022. – 557 p. – DOI: 10.31249/hist/2024.04.14

Определяющее значение для восприятия очередной, казалось бы, книги о Первой мировой войне имеют по меньшей мере два факта. Во-первых, естественное стремление столь крупного специалиста, как Х. Аффлербах, автора блестящей биографии Э. фон Фалькенгайна, по-настоящему масштабной истории Трой-

---

* © Ланник Леонтий Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПБ); leo-lannik@yandex.ru

¹ Английский перевод книги: Afflerbach H. Auf Messers Schneide: wie das Deutsche Reich den Ersten Weltkrieg verlor. – München: C.H. Beck, 2018. – 664 S.

ственного Союза и публикатора ценнейших источников¹, подвести определенные итоги нескольких десятилетий своих усилий. Вторых, не менее ожидаемо стремление еще раз протестировать прочность сложившейся по итогам юбилейной волны публикаций о Великой войне очередной версии международного историографического компромисса о ее причинах, особенностях и последствиях. В стремлении подвести итоги вековой историографии путем суммирования нерешенных проблем Аффлербах был, разумеется, не одинок, ведь и другие крупнейшие специалисты не могли не ощущать необходимости переосмысления пройденного пути². Об этой цели автор заявляет в очень кратком введении к книге, отмечая принципиальную дефициентность (если не сказать, ригидность) прежней историографии, несмотря на значительные достижения в некоторых подходах к освещению конфликта в целом. Аффлербах постулирует стремление ограничиться реконструкцией долго остававшегося сотканным из стереотипов процесса принятия решений (в данном случае германским руководством), предоставив более целостный анализ обществ в условиях тотальной войны приверженцам наиболее развитых в последние десятилетия направлений.

Основное содержание книги сведено в три раздела по хронологическому принципу: 1914–1916 гг. (т.е. периоду Г. фон Мольтке-младшего и Э. фон Фалькенгайна во главе германского Генерального штаба), 1916–1917 гг. (драматический «хребет войны»), первая фаза руководства германскими военными усилиями 3-го Верховного Главнокомандования во главе с П. фон Гинден-

---

¹ Afflerbach H. Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. – München: Oldenbourg, 1994. – 586 S.; Afflerbach H. Der Dreibund: Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. – Köln; Wien: Böhlau, 2002. – 983 S.; Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914–1918 / hrsg. von H. Afflerbach. – München: Oldenbourg, 2005. – 1051 S.; The Purpose of the First World War. War Aims and Military Strategies / ed. von H. Afflerbach. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – 258 p.

² Г. Крумайх, например. См.: Krumeich G. Die unbewältigte Niederlage: das Trauma des Ersten Weltkriegs und die Weimarer Republik. – Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2018. – 331 S. Да и сам Х. Аффлербах продолжил координацию усилий по переосмыслению итогов Великой войны для Германии: 1918 – das Ende des Bismarck-Reiches? / hrsg. von H. Afflerbach, U. Lappenküper. – Paderborn: Schöningh, 2021. – 183 S.

бургом и Э. Людендорфом) и 1917–1918 гг. (финальные усилия Германской империи в войне после вступления в войну США и крушения монархии Романовых). 21 глава под традиционно публицистическими по стилю заголовками последовательно излагает основные проблемы ведения Великой войны через германскую (и фактически только германскую, насколько это вообще возможно) перспективу.

С первых страниц автор последовательно и аргументированно нюансирует, а то и успешно опровергает все еще встречающееся мнение о засилии «ястребов» в германских не только военных, но даже дипломатических и политических кругах, показывая, сколь многое зависело для Германской империи от инерции зафиксированной к концу 1870-х годов расстановки сил. Ведь общие тенденции в балансе сил на международной арене были благоприятны для Кайзеррейха, что не отменяло определенной самоуверенности и недооценки накапливающихся даже в ходе успешной политико-экономической экспансии проблем. Компактно излагаются как широко известные оценки, так и часто забытые грани восприятия и анализа довоенной обстановки в кругах генштабистов и политического руководства Германии. Традиционному воззрению о стремлении верхов Кайзеррейха к европейской гегемонии и к изначальной готовности к эскалации Июльского кризиса 1914 г. Аффлербах наносит очередной, аргументированный, но – явно не по академическим причинам – тщетный удар.

Схожие выводы можно сделать о целом ряде затронутых им других «классических» тем по истории Великой войны, что заставило некоторых сторонников «версальских» воззрений видеть в этой книге чуть ли не апологию обороны германского империализма или очередной ревизионистский памфлет, восходящий к тезисам межвоенного времени. Едва ли автор вполне беспристрастен, однако его набор доводов и цитат более чем достаточен для того чтобы такой взгляд можно было оспаривать лишь сопоставимым академическим багажом источников. Таковы следствия шедшей десятки лет работы по оптимизации огромного объема деталей, который автор «пропустил» через себя и опубликовал в своих изданиях источников.

Аффлербаху в целом удастся уклониться от излишних пересказов, не теряя контекста и сохраняя шансы на контакт с читате-

лем за пределами профессионального сообщества, хотя его тезисы сформулированы с учетом важнейших достижений историографии. Многие пассажи книги представляются очередным изложением хорошо известных фактов (о ходе реализации плана Шлиффена, например), однако следует иметь в виду, что в связи с упадком на Западе военной историографии многое из сказанного автором для европейского читателя – более чем хорошо забытое старое, а зачастую и совершенно неожиданно новое. Пусть и не слишком ярко, но вполне решительно Аффлербах выражает несогласие с мнением таких корифеев, как Х. Стречэн¹, плотно аргументируя статистикой или короткими доводами свою «ревизионистскую» позицию, опирающуюся порой на достижения историографии межвоенных лет², но вовсе не сводящуюся к напоминанию о них. Автора едва ли можно упрекнуть в идеализации германской военной элиты, однако и от своей цели – показать, сколь неоднозначно складывался ход событий на фронтах – он не отходит, так что «чудо на Марне», например, у него и выглядит «чудом». Совокупность сжатых, но убедительных ссылок на источники, некоторые из которых он сам и ввел в научный оборот, а также готовности к переосмыслению слишком привычных «приговоров» обеспечивает конкретную, но поистине взвешенную позицию автора по всем крупнейшим (некогда) дискуссионным вопросам военно-политической истории Великой войны.

Разумеется, Аффлербаха порой нетрудно уличить в простой трансляции сложившихся за столетие германских оценок противостояния на Восточном фронте, однако это не авторская особенность или «грех», а объективно сложившаяся ситуация в европейской историографии все еще «забытого» фронта. Даже новейшие и специальные работы по отдельным операциям (крайне немногочисленные, как правило) грешат некритическим пересказом «историографии Генерального штаба» в собственно военных вопросах, совершенно отказываясь от даже осторожного скепсиса в их адрес

---

¹ Его титаническое по замыслу исследование до сих пор не доведено до конца: Strachan H. The First World War: To Arms. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 1227 p.

² См. подр.: Ланник Л.В. Историю пишут проигравшие: становление германской военной историографии Великой войны в 1920–30-е гг. // Новая и новейшая история. – 2014. – № 6. – С. 129–144.

в таких традиционно уязвимых вопросах, как оценка численности сил и средств обеих сторон (о многократном превосходстве Антанты, о потерях русской армии и т.п.), безапелляционные утверждения (даже газетного происхождения!) о качестве тех или иных войск или манере командования и т.д.¹ Вполне показательным является в этом отношении «традиционная» опора в описании событий на Восточном фронте на труд Н. Стоуна почти полувековой давности².

Без труда массу неточностей отечественный читатель обнаружит и в главе, посвященной Русской революции, ведь при всем внимании к этому событию до сколько-нибудь тщательной передачи нюансов, которые в нашей стране часто считают критическими, автору далеко. Например, он вполне уверенно пишет, что Россия стала республикой сразу после отказа великого князя Михаила принять корону 3 (16) марта 1917 г. Для иллюстрации многих явлений в бурный революционный год избран, главным образом, советник президента США В. Вильсона полковник Э. Хауз. В главе о Брестской мирной конференции Аффлербах на 11 дней ошибается в дате взятия Киева большевиками, хотя в данном случае значение имел каждый час (!). Примеры весьма поверхностного взгляда на события на одной шестой части суши нетрудно продолжить. Следует, однако, отметить, что часть вины в такой «приблизительности» лежит и на отечественной историографии, которая зачастую не способна добиться должного к себе внимания за рубежом, а порой и не задается подобной целью, отдавая предпочтение «зеркальному» по отношению к Западу транслированию советских / российских военно-политических мифов.

Характерно, что при подготовке книги автор использовал материалы не только из германских, но также итальянских и российских архивов (бывшего Особого архива, давно распределенного между рядом военных архивов РФ). Однако он не обращался к австрийским, британским, французским и американским материалам. Это, разумеется, сознательный выбор и попытка избавиться

---

¹ См. подр.: Ланник Л.В. Рец. на кн.: Zimmermann J. Tannenberg 1914. Der Erste Weltkrieg in Ostpreußen. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2021. – 287 S. // *Recensio*. Moskau. 2022–13 (https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00005675).

² Stone N. The Eastern Front. – London: Hodder and Stoughton, 1975. – 348 p.

от всего того багажа событий, что отвлекал бы от замысла, выраженного в заголовке. Аффлербах достаточно успешно сочетает рассчитанное на сравнительно широкий круг читателей изложение событий (с необходимыми пояснениями и оригинальными терминами, сохраненными и в английском переводе) с решением наиболее актуальных для профессионального сообщества задач, в том числе по реконструкции процесса *decision-making* и его комплексных факторов, включая субъективные, особенно роль психологии, нервных срывов, стереотипов и т.д. Без этого идущие десятилетиями споры об ошибках или случайностях (непреренно роковых) вокруг плана Шлиффена, Танненберга, «Верденской мясорубки», Брусиловского прорыва, начала неограниченной подводной войны, Капоретто, операции «Михаэль» и т.д. будут обречены на замкнутое воспроизведение почти неизменного набора тезисов при сомнительных шансах на критически новые данные.

Особый интерес «На острие ножа» представляет как своего рода ревизионистский выпад в адрес слишком проантантовской базовой версии Великой войны, закрепившейся скорее по инерции, нежели благодаря решающим новым аргументам в ее пользу за последние несколько десятилетий. Автор не жалеет красок в демонстрации того, как складывались элементы антигерманского мифа на примере инцидента с потоплением «Лузитании», логично аргументируя крайнюю сомнительность нейтралитета США и до официального вступления их в войну. Как и относительно затянувшегося спора об истоках и нюансах Июльского кризиса, вновь оказалось возможным задать целый ряд вопросов или «переответить» на них, уже считавшихся решенными и воспринимаемых в повествовательно-аксиоматической тональности. Вполне естественно, что таковые оказываются «распределены» вдоль всего полотна событий 1914–1918 гг., а в действительности – и до этого периода, и особенно после.

Очевидно слабым по современным меркам местом книги остается ее европоцентричность. На фоне постоянных и результативных усилий по выстраиванию подлинно глобальной истории Великой войны, навсегда снявших вопрос о ее мировом – не только по последствиям – характере, Аффлербах откровенно пунктирно описывает почти все события за пределами Европы. Даже если явно лапидарные фразы, отражающие логику событий на перифе-

рийных фронтах (в германской Восточной Африке, например, а также в борьбе на морских театрах военных действий), порой довольно удачны и не ведут к искажениям фактологии за счет примитивизации общей картины, диспропорция все же слишком бросается в глаза. Поразительно успешное уклонение автора от сколько-нибудь подробных экскурсов в происходившее не только в Османской империи (при громадной ее зависимости от германской стратегии), но и в Австро-Венгрии, из-за чего повествование выглядит порой искусственно «обрезанным» по целому ряду направлений. Это касается даже вполне простительного, но характерного отказа автора от чрезмерного увлечения политическим фоном Ноябрьской революции во всех ее гранях как до подписания Компьенского перемирия, так и после. На фоне безусловного предпочтения современных исследователей политике, а не военной истории (и даже не истории войны, отличие которой от предыдущего жанра они столь часто подчеркивают), такое решение Аффлербаха заслуживает особого упоминания, хотя оно не всегда оправданно с точки зрения им же преследуемой цели: показать, как Германская империя проиграла войну, особенно если учесть, что на Западном фронте к 11 ноября 1918 г. она ее действительно безнадежно проигрывала, но еще не проиграла.

Лишь некоторым, но недостаточным оправданием этого может служить стремление автора оставаться в рамках анализируемой картины конфликта в глазах германской военной элиты, которая действительно осталась крайне невосприимчива к внеевропейским (и даже к балканским) перспективам и проблемам, что дорого обошлось Центральным державам. Едва ли возможно при этом считать книгу (даже с отдельной главой с названием, кричащим об антигуманном эффекте блокады Германии: «Призрак хлеба из суррогатов») таким антиантантовским манифестом. Автор далек от обвинительного пафоса, но точно подобранные статистические данные и отточенный стиль изложения позволяют добиться нужного эффекта в рассеивании иллюзий, что война велась Антантой якобы «за то, чтобы мир стал подходящим для демократии». Нет ни малейших оснований считать, что Аффлербах идеализирует кого-либо из ключевых фигур в германских военно-политических кругах, ведь он довольно метко отзывается о характерах (кайзера, кронпринца, Рупрехта Баварского, Гинденбурга, Людендорфа

и т.д.), об аналитических способностях и о манере добиваться своего. Несколько не хватает лишь столь же целостных образов фигур – якобы – второго плана: А. фон Макензена, Г. фон Секта, В. Грёнера, Г. фон Куля, А. фон Мюллера и т.д.

Помимо введения и заключения книга, в том числе в ее переводных изданиях, содержит необходимые карты и иллюстрации (включая столь модные в современной научной литературе карикатуры), указатели, внушительный научно-справочный аппарат и список литературы, пусть и не исчерпывающий, но более чем достаточный для работы сколько-нибудь общего характера. В целом «На острие ножа» представляет собой далеко не рекордный по объему (как у М. Раухенштайнера или у Й. Леонхарда)¹ *opus magnum*, но все же внушительное изложение истории Первой мировой войны в трех фазах, между которыми автор сумел соблюсти необходимый баланс и сохранить должную долю академичности при неизбежной дани иллюстративности описываемых событий, в том числе за счет эффектных эпиграфов с цитатами из источников². За счет особых приоритетов в книге наличествуют и неизвестные за пределами круга специалистов факты и тенденции в Центральных державах в условиях войны. Ознакомление с данной книгой станет полезным для специалистов по другим странам – участницам Великой войны, позволит отказаться от некритически воспринимаемых оценок и перейти к корректным аналогиям в анализе политического развития, общественных настроений и логики принятия основных решений элитами. Пожеланий к дополнительным сюжетам и точкам зрения (флотской части германской военной элиты или ряду представителей политических партий Кайзеррейха, роли различных церквей и т.д.) много, однако они всегда сталкиваются с конечностью объема книги и интересами восприятия читателя.

---

¹ Rauchensteiner M. Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. – Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2013. – 1222 S.; Leonhard J. Die Büchse der Pandora: Geschichte des Ersten Weltkriegs. – München: C.H. Beck, 2014. – 1157 S.

² Еще одним удачным примером реализации подобного замысла (при куда более политологическом акценте) является: Münkler H. Der Große Krieg. Die Welt 1914–1918. – Berlin: Rowohlt, 2013. – 923 S.

Остается лишь пожелать, чтобы данный труд дождался перевода и на русский язык и стал одной из базовых работ, подводящих итоги предшествующего поколения зарубежной историографии. «На острие ножа», написанная автором в тесном контакте с целым рядом ведущих специалистов из США, Великобритании и Германии, важна как иллюстрация пределов конвергенции российской, германской и других европейских базовых версий истории Великой войны. Ее значимость – в возможности оценить взаимные лакуны, искажения и потенциал взаимодействия в разрешении проблем, что невозможно анализировать лишь с одной из сторон баррикад. Практика оперативного ввода в отечественный научный оборот хотя бы основных работ предшествующего десятилетия, без иллюзорного зачастую убеждения в достаточности для этого хотя бы англоязычной версии, должна быть возвращена, а такой крупный исследователь, как Х. Аффлербах, по итогам более 40 лет исследовательских усилий достоин получить и своего российского читателя¹.

---

¹ По крайней мере, нет оснований полагать, что труд Аффлербаха будет менее востребован, чем книга А. Туза, куда более спорная и менее детализированная. См.: Туз А. Всемирный потоп: великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 гг. / пер. с англ. А. Гуськова; под ред. Е. Антоновой. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 637 с.

УДК 94(47+57)«1941/1945»:323.2   DOI: 10.31249/hist/2024.04.15

МИНЦ М.М.* Рец. на кн.: BERNSTEIN S. RETURN TO THE MOTHERLAND: DISPLACED SOVIETS IN WWII AND THE COLD WAR. – Ithaca: Cornell univ. press, 2023. – XX, 292 p.: ill. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history).

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; холодная война; советские военнопленные; оstarбайтеры; советские перемещенные лица; репатрианты.

Keywords: World war II; Great Patriotic war; Cold war; soviet prisoners of war; ostarbeiters; soviet displaced persons; repatriates.

Для цитирования: Минц М.М. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 216–222. Рец. на кн.: Bernstein S. Return to the motherland: displaced Soviets in WWII and the Cold War. – Ithaca: Cornell univ. press, 2023. – XX, 292 p.: ill. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history). – DOI: 10.31249/hist/2024.04.15

Новая книга Сета Бернштейна (Флоридский университет) посвящена судьбам советских перемещенных лиц (главным образом оstarбайтеров, а также выживших военнопленных) во время Второй мировой войны и в особенности после ее окончания, включая возвращение в СССР и последующую жизнь на родине, где многие соотечественники десятилетиями воспринимали их как «предателей». Книга вышла в серии «Поля сражений: Корнеллские исследования по военной истории», издаваемой Корнеллским университетом (Итака, США) и предназначенной для публикации научных

---

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); mints@inion.ru

работ на стыке социальной, культурной истории и собственно истории войн¹. Данный подход занимает важное место в современной историографии, он отражает как продолжающееся освоение военно-исторической проблематики «гражданскими» специалистами, так и растущий интерес военных историков к социальной и культурной истории². В рамках этого направления только за последние годы вышли уже несколько книг, посвященных таким вопросам, как фронтовой быт советских солдат в годы Второй мировой войны с точки зрения истории вещей³, немецкие военнопленные в Советском Союзе⁴, послевоенный Кёнигсберг-Калининград⁵, советские⁶ и немецкие⁷ исторические мифы о Второй мировой войне. Что касается работы Бернштейна, то, как отмечается во введении, ее тремя сквозными темами являются изучение опыта советских репатриантов в общем историческом контексте послевоенной Европы; послевоенный сталинизм как комбинация «практик из советского довоенного опыта с применявшимися в других послевоенных государствах» (с. 8), а также роль национализма в послевоенной со-

---

¹ Battlegrounds: Cornell studies in military history // Cornell univ. press: [сайт]. – URL: <https://www.cornellpress.cornell.edu/series/battlegrounds-cornell-studies-in-military-history/> (дата обращения: 10.06.2024).

² См. также: Studies in the social and cultural history of modern warfare // Cambridge univ. press: [сайт]. – URL: <https://www.cambridge.org/gb/universitypress/subjects/history/twentieth-century-european-history/series/studies-social-and-cultural-history-modern-warfare> (дата обращения: 7.07.2023).

³ Schechter B. The stuff of soldiers: a history of the Red Army in World War II through objects. – Ithaca; New York: Cornell univ. press, 2019. – XXVI, 315 p. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history).

⁴ Grunewald S.C.I. From incarceration to repatriation: German prisoners of war in the Soviet Union. – Ithaca: Cornell univ. press, 2024. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history).

⁵ Eaton N. German blood, Slavic soil: how Nazi Königsberg became Soviet Kaliningrad. – Ithaca; [New York]: Cornell univ. press, 2023. – XIII, 315 p. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history).

⁶ Brunstedt J. The Soviet myth of World War II: patriotic memory and the Russian question in the USSR. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2021. – XV, 306 p. – (Studies in the social and cultural history of modern warfare).

⁷ Harrisville D.A. The virtuous Wehrmacht: crafting the myth of the German soldier on the Eastern Front, 1941–1944. – Ithaca; New York: Cornell univ. press, 2020. – XII, 309 p. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history).

ветской внешней политике, в том числе попытки насильственной репатриации перемещенных лиц в общем контексте усилий Москвы по закреплению за Советским Союзом статуса сверхдержавы. Кроме того, автор попытался показать «человеческое измерение» изучаемых процессов, не ограничиваясь их рассмотрением глазами германских и советских государственных органов, чья точка зрения по преимуществу и отражается в официальных документах. Хронологически книга охватывает период с 1941 до начала 1960-х годов. Среди ее «персонажей» наиболее значительную часть составляют жители Украинской ССР – отчасти из-за особенностей используемой выборки источников, отчасти же из-за того, что именно выходцы из Украины (как этнические украинцы, так и русские) составляли самую многочисленную группу оstarбайтеров.

Источниковая база исследования включает в себя три основных комплекса документов. К первому из них автор относит опубликованные дневники, воспоминания и интервью бывших перемещенных лиц, в том числе более сотни интервью, собранных немецкими историками в 2005–2007 гг. в рамках проекта «Принудительный труд, 1939–1945: воспоминания и история»¹. Вторую группу источников образуют документы Управления уполномоченного Совнаркома СССР – Совета министров СССР по делам репатриации, хранящиеся в ГАРФ (фонд Р-9526). В третью группу входят рассекреченные документы советских органов госбезопасности из украинских и грузинских архивов (с. 279–280). Помимо этого в монографии используются материалы из британских, американских и германских архивных собраний. По словам самого автора, к работе над книгой он приступил в 2014 г. в Москве, будучи научным сотрудником Высшей школы экономики, и закончил ее уже во Флориде в период эпидемии COVID-19. Как отмечается в книге, часть использованных материалов впоследствии погибли в ходе боевых действий после 24 февраля 2022 г., в то время как многие другие архивные фонды – не только украинские, но и российские – в сложившихся условиях «будут труднодоступны или недоступны в будущем» (с. VII).

---

¹ Принудительный труд, 1939–1945: воспоминания и история: [сайт]. – URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru> (дата обращения: 12.06.2024).

Монография состоит из введения, десяти глав и заключения. Первые пять глав посвящены в основном социальной истории остарбайтеров и других перемещенных лиц непосредственно во время войны и в первые месяцы после ее окончания (депортация, жизнь в Германии, условия труда, сотрудничество с немцами и сопротивление, освобождение и возвращение в СССР). В главах с шестой по десятую основное внимание уделяется «усилиям советских властей по восстановлению порядка после военной неразберихи» (с. 14). Автор рассматривает, в частности, такие вопросы, как отправка репатриантов на принудительные работы, выявление бывших коллаборационистов и фальсификация дел по обвинению в шпионаже в пользу вчерашних союзников, отношение к военному прошлому репатриантов и попытки советского правительства (как в первые послевоенные годы, так и после смерти Сталина) добиться возвращения в СССР бывших перемещенных лиц, решивших остаться на Западе.

Общее число перемещенных советских граждан по состоянию на конец Второй мировой войны в советских источниках оценивается в 6 834 708 человек, включая 4 829 060 гражданских лиц и 2 млн бывших военнопленных (в расчетах не учитывались военнослужащие, погибшие в немецком плену). Из них к концу 1946 г. в Советский Союз были возвращены 5 415 925 человек (с. 2). Известны случаи, когда союзные войска насильно передавали советским властям бывших коллаборационистов, захваченных ранее в плен; протесты таких вынужденных репатриантов (вплоть до самоубийств с целью избежать возвращения в СССР) впоследствии породили на Западе ошибочное представление о том, что репатриация советских граждан в целом была принудительной, а возвращенные лица в большинстве своем были репрессированы. В действительности, как отмечает автор, значительная часть перемещенных лиц вполне искренне хотели вернуться домой. Что касается репрессий, то им подверглись примерно 6,5–8% репатриантов, включая беспрецедентные 15% бывших военнопленных (с. 10, 146–147). Кроме того, 19% репатриантов были призваны в армию (включая 42,8% освободившихся из плена) и 14,5% направлены в трудовые батальоны (с. 5). Большинство, однако, просто вернулось домой, но в дальнейшем на протяжении многих лет сталкивались с подозрениями и дискриминацией.

Автор приходит к выводу, что усилия советских властей по возвращению перемещенных лиц в СССР были обусловлены двумя основными факторами. С одной стороны, репатрианты рассматривались как рабочая сила для послевоенного восстановления страны – в этом отношении мотивы советского руководства принципиально не отличались от тех соображений, из которых в то время исходили и западные правительства. С другой стороны, сама способность (или неспособность) государства вернуть домой всех своих граждан рассматривалась как важный показатель суверенитета, политического престижа и равного статуса с другими великими державами. Как следствие, Москва продолжала добиваться возвращения оставшихся бывших остарбайтеров и военнопленных на протяжении многих лет, несмотря даже на то, что речь шла уже об относительно небольшом числе людей (не более 300 тысяч по состоянию на конец 1946 г.), оставшихся за границей по собственной воле и в большинстве своем заведомо враждебных по отношению к советскому режиму. При этом подлежащими возвращению считались все, кто ранее проживали в СССР в границах 1941 г., особенно представители титульных наций советских республик. Это относилось и к тем территориям, которые до 1939 г. не входили в состав СССР, хотя многие их жители не считали себя советскими гражданами. Подобная позиция отражала смену ориентиров во внешней и внутренней политике советского руководства, завершившуюся после Второй мировой войны – от классового интернационализма к имперской политике и от построения внеэтничного государства трудящихся (с сохранением национальных культур в качестве временной меры) к представлению о Советском Союзе как прежде всего об иерархической системе национальных государственных образований.

Неспособность советского руководства защитить репатриантов от произвола и насилия со стороны местной администрации и военных по пути домой во многом отражала равнодушие по отношению к собственным согражданам, «запятнавшим» себя работой (хотя и по принуждению) в нацистской Германии. В то же время это было связано с тем, что у государства просто не было ресурсов для поддержания порядка и защиты прав граждан на оккупированных территориях в Центральной и Восточной Европе. В западных оккупационных зонах, как отмечает автор, ситуация была нена-

много лучше; известны случаи, когда советские граждане, освобожденные союзными войсками, также подвергались насилию и унижающему обращению со стороны персонала лагерей для перемещенных лиц из-за своего советского происхождения. В последующие годы многие репатрианты, вернувшись в СССР, делали особый акцент на таких историях, чтобы изобразить свое пребывание на территориях, подконтрольных союзникам, как вынужденное и тем самым избежать обвинений в попытке остаться за границей. Советское правительство, в свою очередь, использовало подобные примеры как «доказательство» того, что все бывшие советские граждане, остающиеся за границей, якобы удерживаются западными правительствами насильно.

Хотя большинство репатриантов и не подверглись прямым репрессиям, отношение к ним со стороны окружающих и представителей государства оставалось если не открыто враждебным, то как минимум настороженным. Как следствие, многие из них старались по возможности скрыть эту часть своей биографии. В заключении к книге (метко озаглавленном «Никто не забыт, никто не прощен») Бернштейн приводит пример, свидетельствующий о том, что по крайней мере некоторые из его «персонажей» боялись говорить о своем прошлом даже в постсоветские годы (с. 238–239). Он отмечает также, что в каком-то смысле «сегодня мы все еще живем с памятью о Второй мировой войне, порожденной сталинизмом и холодной войной», поскольку в массовом сознании по-прежнему преобладают упрощенные представления о бывших военнопленных и остарбайтерах (с. 239).

Книга производит благоприятное впечатление, автору действительно удалось реконструировать довольно подробную картину изучаемых процессов. Особенно подробно исследован опыт бывших остарбайтеров – от отправки в Германию во время войны до возвращения в СССР и последующей реинтеграции в советское общество. Обращает на себя внимание также стремление автора показать судьбы своих «персонажей» в более широком историческом контексте, включая взаимоотношения между СССР и западными союзниками, миграционные процессы в послевоенной Европе, формирование новых национальных государств и границ, смену приоритетов в политике советского руководства после смерти Сталина и др. Обсуждаются в книге и такие болезненные темы,

как отношения советских военнопленных и остарбайтеров с немецкими властями в годы войны, масштабы и формы сотрудничества с противником, соотношение между коллаборационизмом и сопротивлением – часто довольно сложное, так как бойцы прогерманских коллаборационистских формирований могли впоследствии переходить к партизанам, да и сами возможности для сопротивления часто появлялись именно у тех, кто в той или иной форме сотрудничал с немцами и пользовался их доверием. Ещё одна сложная тема – это сексуальная жизнь остарбайтеров в Германии, а также сексуализированное насилие по отношению к женщинам-репатрианткам со стороны советских военных и чиновников. Единственный очевидный изъян книги состоит в том, что она написана в значительной степени на украинском материале и соответственно описывает прежде всего опыт выходцев из Украины (включая ее западные области, входившие до 1939 г. в состав Польши), но в данном случае возможности автора были жестко ограничены доступной источниковой базой. В сегодняшних условиях нам остается лишь надеяться, что аналогичные архивные изыскания со временем станут возможны и в других постсоветских республиках.

УДК 17.031; 273.99; 94(470.5)

DOI: 10.31249/hist/2024.04.16

УВАРОВА Т. Б. * КАК ЖИТЬ РАДИ ВЕЧНОГО СПАСЕНИЯ. Рец. на книгу: РОДЖЕРС Д. СТАРАЯ ВЕРА И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ЭТИКИ НА УРАЛЕ / [пер. с англ. П. Шубиной]. – Санкт-Петербург: Academic Studies Press/Библиороссика, 2024. – 522 с. – (Современная западная русистика = Contemporary Western Rusistika).

Ключевые слова: историческая этнография; социальная теория и этика; Пермский край; старообрядцы-беспоповцы; старообрядческая этика; морализаторские дискурсы.

Keywords: historical ethnology; social theory and ethics; Perm-sky kray; staroobriadtsy-bespopovtsy; staroobriadcheskaia etika; moral-istic discourse.

Для цитирования: Уварова Т.Б. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 223–230. Как жить ради вечного спасения. Рец. на книгу: Роджерс Д. Старая вера и Русская земля: Исследование истории этики на Урале / [пер. с англ. П. Шубиной]. – Санкт-Петербург: Academic Studies Press /Библиороссика, 2024. – 522 с. – (Серия «Современная западная русистика» = Contemporary Western Rusistika). – DOI: 10.31249/hist/2024.04.16

Дуглас Роджерс – профессор антропологии Йельского университета, бывший директор программы по изучению России, Восточной Европы и Евразии. Выбор темы своего исследования автор подробно обосновывает в предисловии к книге, подчеркивая

---

* Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); ethn.uvarova.tb@inbox.ru

необходимость историко-этнографического исследования вопросов морали и этики, поскольку эта тематика все еще недостаточно представлена в антропологической теории. Несмотря на присутствие ее во многих этнографических исследованиях Урала, этика не стала основным предметом анализа по материалам данного региона, но «остается недоопределенной точкой опоры» современной антропологии постсоциалистической Евразии, считает Роджерс. Исследование по исторической этнографии одного из сел на западе Пермского края (с. Сепыч, современное население около 1400 человек) на протяжении трех столетий его существования позволяет автору ввести читателя в гораздо более масштабные дискуссии в растущем объеме социальных и культурных теорий, посвященных этике в контексте событий истории России и Советского Союза, а также в еще более широкой глобальной перспективе.

Впервые Р. Дуглас оказался в Сепыче в 1994 г. в составе археографической экспедиции МГУ, во время студенческой практики. В дальнейшем большая часть исследований была проведена в 2000–2001 гг., включая длительное, почти годичное проживание в селе в 2001 г., а также работу в последующие годы (2002, 2004, 2007, 2009) как в Сепыче, так и в архивах районного центра Верещагино, в научных учреждениях Перми и Москвы. По результатам исследования были подготовлены статьи, в том числе несколько кратких публикаций в российских изданиях. На английском книга вышла уже в 2009 г.¹, но полный перевод на русский язык откладывался очень долго: работа велась еще более десяти лет, и появление книги стало важным событием для читателей в России, включая не только российских коллег-ученых, но и уральских сельчан, с которыми автор работал на протяжении не одного десятилетия.

С одной стороны, структура работы привычна для отечественного читателя принятой в российской исторической литературе периодизацией истории страны на три основных этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Им хронологически соответствуют три части книги, в названиях которых автор акцентирует основные аспекты главной темы исследования: «Этический репер-

---

¹ Rogers D. The old faith and the Russian land: A historical Ethnography of ethics in the Ural. – New-York: Cornell univ. press, 2009.

туар»; «Поколения и этика социализма»; «Борьба за формирование нового этического режима». Исторический контекст происходивших изменений этики определялся тем, что жители Сепыча были то крепостными потомками старообрядцев во владениях Строгановых, то, после отмены крепостного права, свободными крестьянами в процветающем пореформенном торговом селе, то образцовыми советскими колхозниками, то акционерами постсоветского сельскохозяйственного предприятия.

«Каждая из форм организации труда, земли и денег, а также государственной власти и сельского ландшафта порождала этические ожидания и стремления столь же мощные, как старообрядческие заповеди и практики, хотя зачастую и противоречили им», – утверждает автор (с. 9). Только с учетом условий смены «этического репертуара» сельчан возможно получить более точное изображение их исторического опыта и их представлений о том, «что есть человек» и «как надо праведно жить» в их собственных выражениях.

Определения исследовательского инструментария и терминологии даны в общем объемном введении «Этика, Россия, история». Первоначальный план, по авторскому замыслу, состоял в изучении возрождения старообрядчества в постсоветский период. За время полевой работы автор посещал церковные службы и богослужения, включая праздники, крещения, отпевания, поездки на кладбище, отслеживал информацию о религиозных спорах, выявлял основанные на религиозных представлениях различия в бытовом общении старшего и молодого поколений сельчан. Автор проживал в съемном жилье в нескольких сельских семьях, участвуя вместе с ними в повседневной домашней и сельской работе. Но предварительно тщательно разработанная программа, по его откровенному признанию, быстро рассыпалась в процессе реального общения с жителями.

Большую часть полевых исследований автор провел в беседах и совместном труде, обычно бытовом, с жителями, что стало естественным контекстом разговоров о различиях между советским и постсоветским порядками труда, обмена и накопления. Даже без специальных подсказок эти беседы часто касались этических вопросов: как складывались отношения при организации работ в семье, среди более широкого круга родственников, между

соседями, в компании друзей. Влияла ли совместная трудовая деятельность на характер моральных обязательств в том или ином сообществе? Кто определял эквивалент трудового обмена, выраженный, например, не деньгами, а количеством алкоголя, включая самогон? Кто преуспевал в трудовой деятельности, а кто терпел неудачу?

Такой подход полезен тем, считает автор, что позволяет рассматривать «этику как практическую область, связанную с осознанными ожиданиями и осмыслениями ощущений о правильном человеческом бытии и отношениях между людьми» (с. 39). Важно также учитывать, что стремящиеся действовать этично индивиды не существуют вне или выше властных отношений. Для анализа данных аспектов этики автор использует термины *морализаторский дискурс* (например, Кормчая книга или Моральный кодекс строителя коммунизма); *этический режим* и его смена (вехами в смене режимов стали этап периода крепостничества и изменения в бурные десятилетия после его отмены; русская революция 1917 г. и падение социализма в 1991 г.), *этический репертуар* (модели индивидуального выбора человеком тех или иных этических ценностей; элементы репертуара можно свободно добавлять, убирать или изменять).

Учитывая интерес российских специалистов-археографов (их активная работа по выявлению и сбору старообрядческих рукописей в Сепыче началась в 1960–1970-е годы) и этнографов (работали в селе с 1970-х годов) к глубокому прошлому, автор строил свое исследование, сочетая использование исторических и антропологических методов исследования (с. 270). Вместе с тем сельчане часто скептически относились к повышенному вниманию к «традиции» у приезжих ученых. «Традиционалисты», отмечает автор, чаще присутствуют в городских старообрядческих общинах, где много представителей интеллигенции. Отличие западной историографии старообрядчества автор видит в более скептическом отношении к оценке старообрядчества как выражения традиционной культуры. Его чаще определяют как народную культуру или особую русскую субкультуру. Советские и российские ученые обычно проводят исследования более длительных исторических периодов, прослеживая развитие интересующих их явлений – морали, ценностей, добродетели, субъективности – на протяжении

нескольких эпох, что позволяет выявить изменения этических устремлений и их воздействие на социальную и культурную жизнь человека.

С такими методологическими установками автор и представляет основные материалы этики, с которыми жители Верхокамья жили – и выживали – с XVIII до XXI в. Подробной характеристике дореволюционного этапа посвящена первая часть исследования – «Этический репертуар».

Становление старообрядчества в Сепыче было не простым переносом старых обрядов из Москвы или с Русского Севера на Урал, а многовековым рядом изобретений, модификаций и переосмыслений того, что значит быть христианином – и этическим субъектом в более широком смысле – в конкретных исторических обстоятельствах.

За родословием жителей Сепыча, религиозной общины беспоповцев Поморского согласия, стоит особый подход к христианской истории и этике, предполагающий выстраивание цепочки мужчин – обладателей религиозной власти, непрерывных последователей духовных наставников, хранителей и организаторов морального сообщества, ищущего спасения. Этот подход реализовался усилиями реальных женщин и мужчин, направленными на утверждение правил этической жизни и формирование моральных сообществ. К середине XIX в. ключевой категорией для формирования различных видов этики и субъективности стала принадлежность к возрастному поколению. От старшего поколения ждали поисков спасения через отдаление от мира повседневных дел, в то время как младшее поколение не было активным участником религиозно-ритуальной сферы. Так сложились два мира: мирские и соборные. Одним из способов разделения этих миров и подчеркнутой дистанцированности соборных от мирских забот был раздельный прием пищи и питья, не только в ритуалах, но и в повседневной жизни.

Особую опасность для соборных-аскетов представляли деньги, денежный обмен и труд. Авторский анализ оценки денег как эквивалента, с помощью которого люди взаимодействовали друг с другом, убедительно раскрывает, почему эта тема была одной из главных в спорах между религиозными группами. По значимости она сопоставима только с еще одним центральным вопросом бы-

тия – ожиданиями, касающимися продолжения рода, или с браком и сексуальностью.

Ранняя история этического репертуара сельских староверов Сепыча в XVIII–XIX вв. частично была переформулирована кампаниями государства, Русской православной церкви и семьи Строгановых, владельцев земель и людей (до отмены крепостного права).

Преемственность / прерывистость усилий преодолеть падший мир продолжались и в советский и постсоветский периоды истории Сепыча, несмотря на то, что многие вообще перестали считать себя христианами. Тем не менее, меняя этический репертуар – набор легко комбинируемых чувств и ожиданий относительно того, как вести этическую жизнь, сельчане вновь и вновь возвращались к созданию стабильной конфигурации – определенному этическому режиму.

Во второй части исследования «Поколения и этика социализма» анализируется всеохватывающая трансформация прежних норм этической практики и формирование новых. Поколенческое разделение сохранилось и в советском селе, причем в первую очередь молодежь стала опорой сельского социализма, а их бабушки и дедушки, бывшие соборные, стали христианами-подвижниками советской деревни, которым пришлось пережить открытые антирелигиозные кампании и аресты 1930-х годов. Более того, различные элементы самого социализма, считает автор, часто способствовали резкому разграничению поколений, например, через модели переселения и коллективизации различия между старшими и младшими поколениями были вписаны в ландшафт (с. 293). Дистанция между поколениями расширялась и по мере того, как ослабевала роль духовных наставников среднего поколения – следствие растущих потребностей в мужской рабочей силе и трудностей, вызванных антирелигиозной политикой власти. Каждое из поколений имело свой набор исходных материалов этики: для молодежи и среднего поколения – деньги, натуральные выплаты, трудовые достижения в сельхозпредприятиях; для старших поколений и приезжих ученых – книги, рукописи, практики аскезы. В Сепыче, как одном из региональных локусов, сохранялось стремление к достижению этического образцового статуса в более широком социалистическом способе производства и обращения. «Ритуалы, дары, труд, деньги и материальная компенсация – все это переме-

шивалось, создавая материалы этики, которые использовались при построении социалистических моральных сообществ и этических субъектов среди молодых поколений», – резюмирует исследователь результаты своих многолетних обширных и разнообразных полевых материалов (с. 229).

Нельзя не согласиться с автором, что его подход к анализу советского периода опирался на понимание досоветского прошлого. После распада Советского Союза зачастую именно бывшие молодые члены партии выдвигались на руководящие должности в приватизированном совхозе и в сельской администрации, старались справиться с последствиями деколлективизации в русской деревне, и эти процессы стали сюжетами третьей части книги – «Борьба за формирование нового этического режима».

Роджерс считает особенно наглядными эти процессы в позднесоветский период, когда граждане СССР не следовали многим элементам «морализаторского дискурса строителя коммунизма», как это детально показал в своем исследовании последнего советского поколения А. Юрчак¹. По мнению Роджерса, за рамками его лингвистического и дискурсивного анализа узкого периода и только одного «условного поколения» оказались многие значимые явления.

Раздел работы Роджерса по постсоветскому периоду, напротив, ориентирован на выявление новых форм моральных сообществ сельчан: от домохозяйств до производственных коллективов и муниципальных образований. Такой подход придает структуре раздела характер собрания разноплановых очерков, хотя в них сохраняется единая методологическая основа исследования. Уже по названиям видно, что автор не отказывается от анализа так называемых «трудных тем». Так, в главу «Новые риски и неравенства в сфере домохозяйств» вошли очерки «Деколлективизация, инволюция и самогон», «Гендерные этические субъекты: самогон и деньги в домохозяйствах», «Самогон и подработка безработных», «Материалы этики и глобальные сближения после социализма» – об использовании долларов в семейных накоплениях. Глава «Кто хо-

---

¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение: пер. с англ. – 8 изд. – Москва: Новое литературное обозрение, 2024. – 554 с.

зияин? Чье моральное сообщество?» посвящена такого рода образованиям в процессах постсоветского экономического и государственного строительства, в которых важную роль играли руководители местных предприятий и представители сельской власти, т.е. люди, реально распоряжавшиеся важными жизненными ресурсами, материальными и властными, обладая таким образом «богатством в людях». Это сугубо мирские вопросы, которых аскетичные соборные должны были бы избегать, но они стали неотъемлемой частью современной жизни и нуждаются в анализе.

Многолетнее историческое этнографическое исследование многоплановых трансформаций этических практик в небольшом сельском поселении Верхнекамья дает основание высоко оценить нетривиальный вклад автора в развитие гуманистической социальной науки – этики.

ЖИЗНЬ НАУКИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ (СКВОЗЬ) ИСТОРИЮ ПРОВИНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ». Курск, 4–5 апреля 2024 г.

Ключевые слова: российская история; провинция; региональные исследования; научная жизнь.

Keywords: Russian history; province; regional studies; scientific life.

Для цитирования: Апанасенок А.В. [Сообщение] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 4. – С. 231–234. – Всероссийская научно-практическая конференция «История государства через (сквозь) историю провинции: проблемы и перспективы развития». Курск, 4–5 апреля 2024 г.

4–5 апреля в Курске состоялось довольно значимое академическое событие – прошла Всероссийская научно-практическая конференция «История государства через (сквозь) историю провинции: проблемы и перспективы развития», приуроченная к 90-летию образования Курской области. Основным организатором и площадкой для проведения мероприятия выступил Курский государственный медицинский университет, который, несмотря на отраслевую специфику, регулярно проводит масштабные научные встречи российских гуманитариев. Апрельское мероприятие оказалось посвящено обсуждению вопросов о роли и месте русской провинции в процессе исторического развития России, оценкам возможности укрепления страны через модернизацию ее регионов, рассмотрению перспектив культурного и научного роста провинциальных сообществ. Важной задачей участников стало преодоле-

ние стереотипа «архаичной глубинки» и устаревшего противопоставления провинции столичным центрам.

Конференция сполна оправдала и даже превзошла свой общероссийский статус, фактически став международной. В общей сложности на нее было заявлено 80 индивидуальных и коллективных докладов, авторами которых выступили представители 41 города из всех федеральных округов России, а также ученые Беларуси, Черногории и Турции. Среди них – историки (закономерно составившие большинство), философы, педагоги, культурологи, филологи, в том числе 26 докторов и 31 кандидат наук. С учетом присутствовавших на конференции студентов и гостей университета, наблюдавших за дискуссиями, общее количество участников / слушателей превысило 250 человек.

В качестве своеобразного «креда» и основы концепции научного собрания организаторами была предложена цитата академика Д.С. Лихачева. 30 лет назад мэтр писал: «в отношении провинции мы столетиями были столь же невежественны, сколь и неблагодарны... Россию спасли своими богатствами, своими ополчениями, своим патриотизмом, в совокупности составившим патриотизм общерусский, глубинные города, села и монастыри... Через связь с природой веет над провинцией глубокое пространство вечности... Мы ждем обновления нашей жизни именно от провинции. Мы верим в провинцию и во все то русское, что она сохранила...»¹. Анонсируя конференцию, оргкомитет намеренно подчеркнул ее «провинциальную» направленность, подразумевая отнюдь не скромный уровень требований к подаваемым материалам, а особую «провинциальную» исследовательскую оптику. Смысл последней – представить актуальные научные проблемы и пути их решения прежде всего так, как они видятся исследователям из российских регионов.

В первый (и основной) день мероприятие оказалось представлено пленарным заседанием, шестью секциями, а также блоком стендовых докладов. Конференция проходила в гибридном формате: иногородние участники имели возможность выступить онлайн. Впрочем, значительное количество очных выступлений

---

¹ Лихачев Д.С. Верю в провинцию // Российская провинция. – 1994. – № 4. – С. 119.

позволило сохранить важную в таких случаях атмосферу живого профессионального общения.

Тон конференции (включая пресловутый «провинциальный» исследовательский фокус) был задан на пленарном заседании. Оно было открыто традиционным для особо значимых мероприятий приветствием ректора КГМУ – заслуженного деятеля науки, почетного гражданина г. Курска, проф. В.А. Лазаренко. Выступая, Виктор Анатольевич указал на огромную роль провинциального социума в формировании отечественной культуры, патриотического самосознания, научного потенциала страны и привел несколько ярких примеров, связанных с деятельностью знаменитых курян. Основными же докладчиками пленарного заседания выступили известные ученые. Содержательную историю о «провинциальном самородке» – выдающемся хирурге А. Вишневском (уроженце Дагестана), «покорившем» столицу и внесшем огромный вклад в развитие отечественной медицины, поведал слушателям историк медицины и хирургии, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник ФГБОУ «МНИЦ хирургии им. А.В. Вишневского» (Москва) С.П. Глянец. Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва) И.В. Ружицкая рассказала историю о превращении Царства Польского в провинциальный регион Российской империи в XIX в. Еще один авторитетный историк – руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН (Москва), профессор В.В. Кондрашин поднял в своем выступлении тему борьбы с эпидемиями и голодом в провинциальной российской истории. Слушателям была представлена широкая картина бедствий, постигавших нашу страну на протяжении последнего тысячелетия, а также упорного противостояния им со стороны представителей власти, священников и, конечно, врачей.

Во второй половине дня конференция продолжилась секционными заседаниями, тематическими направлениями которых стали «Диалектика “столичное – провинциальное”»: исторические закономерности взаимодействия центра и регионов России», «Российская провинция и проблемы модернизации страны», «Культурная жизнь провинции: прошлое и современность», «Традиции краеведения в отечественном провинциальном социуме», «Роль регионов в защите и укреплении Российского государства»,

«История регионов глазами студентов». Учитывая большое количество докладчиков с разными научными интересами, говорить о каком-то общем лейтмотиве секционных выступлений довольно трудно. Их совокупность в целом создала широкую панораму жизни провинциальной России Нового и Новейшего времени, представленную на уровне социально-экономической, духовной и персональной истории. Также слушатели, включая гостей КГМУ, могли познакомиться с проблематикой 27 стендовых докладов, авторы которых не имели возможности выступить непосредственно перед аудиторией. Дать развернутое представление об идеях и находках участников конференции призван сборник ее материалов, выход которого планируется в течение 2024 г.

5 апреля конференция продолжилась открытой лекцией проф. С.П. Глянцева «“В нынешней войне мы переживаем эпоху Пирогова...”: к 110-летию начала Первой мировой войны». Здесь аудитории были представлены колоритные зарисовки из жизни и быта провинциальных врачей начала XX в., столкнувшихся с вызовами военных лет и последующих грандиозных социальных потрясений.

Можно ли считать проведение в Курске конференции «История государства через (сквозь) историю провинции ...» симптоматичным, сигнализирующим о возобновлении характерной для первого постсоветского десятилетия моды (в хорошем смысле этого слова) на провинциальные / региональные исследования? Покажет время, а также содержание готовящегося к публикации сборника. Тем не менее сама по себе организация крупного всероссийского мероприятия с международным участием в небольшом областном (к тому же приграничном) центре – отрядный для отечественной науки факт.

А.В. Апанасенок*

---

* Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); apanasenok@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 4

ИСТОРИЯ
2024 – № 4

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 29.10.2024

Формат 60×84/16	Цена свободная
Усл. печ. л. 14,75	Уч.-изд. л. 12,1
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–110 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6